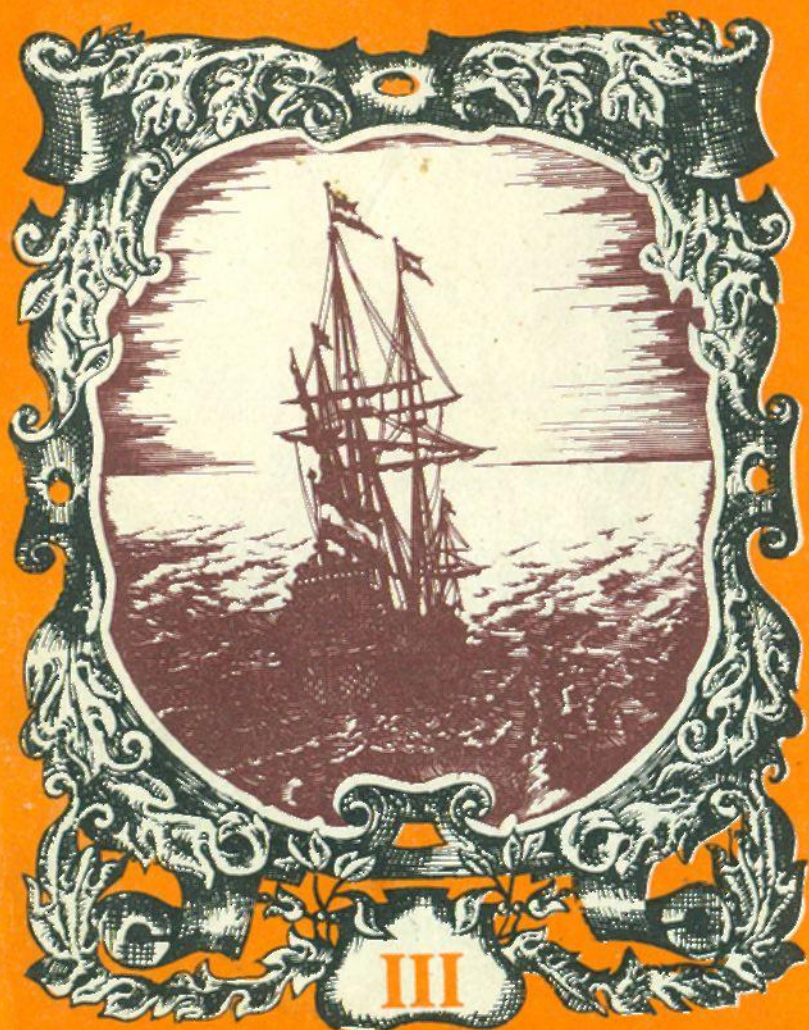

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ

БЮЛЛЕТЕНЬ

1900

**КРАЕВЕДЧЕСКИЙ
БЮЛЛЕТЕНЬ**

3

1990

**ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ САХАЛИНА И
КУРИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ**

САХАЛИНСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
Сахалинское отделение Всероссийского фонда культуры

КРАЕВЕДЧЕСКИЙ	3
БЮЛЛЕТЕНЬ	1990

Журнал основан в 1990 году. Выходит 4 раза в год.

Главный редактор — М. С. Высоков.

Редакционная коллегия: М. И. Ишенко, А. И. Костанов, В. М. Латышей) Г. В. Матюшков, М. М. Прокофьев, О. А. Шубина (ответственный секретарь).

Адрес редакции: 693010, г. Южно-Сахалинск, Коммунистический проспект, 29, Сахалинский областной краеведческий музей.

Телефон редакции: 3-48-35.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

Полевой Б. П. Плавание М. Г. де-Фриса в Северных водах Тихого океана (1643 г.)	3
Горбунов С. В. Снежный человек на Сахалине: ветречи, факты, гипотезы.	39
Клитин А. К. Гора Лопатина.	46
Черпакова К. Я. Листая старые журналы,	50
Горобец В. Я. Сахалинские Куропаты.	57
Песачинский Г. Г. Визит митрополита Питирима на Сахалин.	59
Груздев А. И. Официальный визит отряда кораблей ВМС Канады во Владивосток 3 — 7 июня 1990 г.	60

ПУБЛИКАЦИИ

- Латышев В. М. Из научного наследия Бронислава Пилсудского. 62
- Пилсудский Б. О. Некоторые ответы на программу сведений по вопросам первоначального физического воспитания у гиляков о. Сахалина. 64
- Пилсудский Б. О. Шаманизм аборигенов Сахалина. Перевод Дракунова В. М. 67
- Стефан Д. Курильские острова. Русско-японский рубеж на Тихом океане. (Продолжение). Перевод Переславцева В. В. 96

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Горбунов С. В. — Голубев В. А., Лавров Е. Л. Сахалин в эпоху камня. — Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1988. 135
- Черпакова К. Я. Литература на японском языке по истории, этнографии, археологии Сахалина и Курильских островов в фондах Сахалинского областного краеведческого музея. 143
- Адами Н. Р. Краткий обзор немецких исследований об айнах (конец 1980-х годов). 153

ПЛАВАНИЕ М. Г. де-ФРИСА В СЕВЕРНЫХ ВОДАХ ТИХОГО ОКЕАНА (1643 г.)*

Имя голландского мореплавателя середины XVII в. Маартена Герритсена де Фриса хорошо известно в нашей стране. В его честь назван морской пролив между Итурупом и Урупом. По названию его корабля — флейта «Кастрикум» — именуется самый северный мыс острова Уруп, у которого сам де-Фрис никогда не бывал. Де-Фрису мы обязаны появлением у восточного берега Сахалина таких широко известных географических названий как залив и мыс Терпения и остров Тюлений. Он первым сделал известным всему миру южно-сахалинский залив Анива и мыс Тонин. И все же история его плавания в северных водах Тихого океана остается еще недостаточно известной. Советские читатели, по существу, хорошо знают лишь три факта. Во-первых, то, что де-Фрис еще в 1643 г. смог побывать у южных берегов Сахалина и Курил. Во-вторых, то, что он ошибочно принял сахалинские берега за северные берега острова Хоккайдо («Иедзо») и изобразил эти берега с большой неточностью. В-третьих, то, что он надеялся найти в южных водах Охотского моря легендарные «золотой» и «серебряной» острова — «Киншиму» и «Гиншиму» (I, с. 83; 4, с. 83; 17, с. 121—128). Но само плавание де-Фриса в нашей отечественной литературе освещается обычно весьма кратко и к тому же порою с большими неточностями. Во многом это объясняется тем, что подлинные документы этой экспедиции написаны на трудночитаемом староголландском языке и по существу еще никогда подробно не изучались исследователями. Конечно, об этом можно только сожалеть, поскольку голландская экспедиция де-Фриса, безусловно, сыграла весьма важную роль в истории получения европейцами ранних сведений о северной части Тихого океана, ведь она была самой первой ЗАПАДНО-европейской экспедицией в эти воды. Она впер-

* Автор выражает глубокую благодарность прекрасному знатоку староголландского языка В. Г. Трисман, без помощи которой данная публикация была бы просто невозможна.

вые практически доказала, что к востоку от острова «Иедзо» (Хоккайдо) действительно имеются различные острова, и некоторые из них именно тогда были впервые нанесены на географическую карту. Вместе с тем, эта экспедиция способствовала распространению в географической литературе некоторых ложных представлений о географии этого сектора Тихого океана. Так, например, ее участники стали главными виновниками возникновения гипотезы о возможном сближении берегов Америки и Азии в районе южных Курильских островов — гипотезы, которая оставила значительный след в истории изучения Тихого океана. Эта же экспедиция сыграла главную роль в дальнейшем распространении легенд о наличии серебряных богатств на южных Курилах. Но в то же время участники этой экспедиции впервые получили достоверные сведения о климате этих мест в летний период, установили наличие в этих водах различных морских течений, собрали первые сведения о флоре и фауне этих мест, о местном населении этих земель, их образе жизни и межплеменных связях. К сожалению, до сих пор эти подробности остаются малоизвестными для ученых нашей страны, — и это несмотря на то, что интерес к этой экспедиции у русских возник весьма давно.

Напомним кратко, как началось в России ознакомление с историей голландской экспедиции.

Лишь недавно впервые выяснилось, что самые ранние, весьма туманные сведения об экспедиции де-Фриса стали известны русским землепроходцам еще в середине XVII в. В известном «Описании великия реки Амуре» (более известном под названием «Сказание»), составленном в конце 1675 г. участниками посольства Н. Г. Спафария в виде расширенной росписи к путевому чертежу реки Амур (подробнее см. 20), упоминалось, что «в мимошедших годах голанцы... тем морем на кораблях ходили...» и на юге Сахалина («остров Гилят») есть места, куда «люди с судами могут проходить» (15, с. 39, см. также 2, с. 250).

В этих сообщениях, как теперь выяснилось, нашли отражение рассказы нижеамурских нивхов (гиляков) о посещении в 1643 г. залива Анивы экспедицией де-Фриса (19, с. 40). Здесь следует учесть, что предприимчивые амурские нивхи еще в XVII в. не раз с торговыми целями ходили не только к

южносахалинскому заливу Анива, но и даже на северную оконечность острова Хоккайдо («Иедзо»).

Но это были еще слишком неопределенные сведения.

Примерно в тот же период — во второй половине XVII в. в Россию поступили первые голландские карты, на которых остров Иедзо (Хоккайдо) был ошибочно изображен с двумя сахалинскими заливами — заливом Анива и Терпения. Эти карты, несомненно, были сделаны с учетом сведений, полученных еще участниками экспедиции 1643 г.

Первые известия о результатах экспедиции де-Фриса дошли до Голландии в 1644 г. Вскоре правлению голландской Остиндской компании были представлены первые карты и отчеты экспедиции, дневники и письма ее участников. В 1646 г. часть этих материалов была даже опубликована отдельным изданием (22). Начиная с 1648 г., виднейшие голландские картографы стали использовать данные экспедиции де-Фриса на своих географических картах Тихого океана, Азии и даже всего мира. Однако же подробную историю голландской экспедиции 1643 г. русские смогли узнать лишь по известной книге голландского географа Н. К. Витсена «Северная и восточная Татария», которая была издана впервые в Амстердаме в 1692 г. (26). В этой книге Витсен перепечатал (26, т. 2, с. 50—62) еще раз некоторые материалы, опубликованные в сборнике 1646 г. (22). Но многое он просто пересказал своими словами. Напечатал он также довольно любопытные замечания голландского математика Дирка Рембранца о плавании де-Фриса (26, с. 63).

Голландская экспедиция 1643 г. также вспоминалась и при беседе Витсена в Амстердаме в 1697 г. с участниками русского «великого посольства» — Петром I, Ф. А. Головиным, Ф. С. Салтыковым и др.

В 1705 г. вышло существенно дополненное второе издание книги Н. Витсена «Северная и восточная Татария» (27), в которой любопытные сообщения о голландской экспедиции 1643 г. в северные воды Тихого океана были несколько пополнены. Это второе издание стало известно в России еще шире и оно во многом способствовало тому, что Петр I уверовал, во-первых, в то, что где-то на Курильских островах может быть обнаружено если не золото, то по крайней мере серебро (14, с. 121), во-вторых, в то, что где-то у южных Курил может

оказаться северо-западный берег... Северной Америки! Именно поэтому Петр I и решил послать И. Евреина и Ф. Лужина (14) на поиски Америки... на юг вдоль Курил.

К периоду правления Петра I относится и появление первых русских печатных карт, на которых нашли отражение некоторые результаты плавания де-Фриса. Так, на картах Василия Куприянова 1713 г. был изображен остров Иедзо с заливами Анива и Терпения (6, с. 193). Это ошибочное изображение повторялось на русских картах и позже, например, на общих картах России И. Кирилова 1733 г. и карте И. Делили 1732 г. (см. 3, карты №№ 71, и 72, 78).

Немалый интерес к экспедиции де-Фриса проявляли участники Второй Камчатской экспедиции В. Беринга. Одно время даже ходили слухи, что Беринг будто бы за большие деньги купил документы экспедиции де-Фриса (1, с. 84). Одно очевидно, что Беринг действительно интересовался всеми северными островами, у которых плавали голландцы в 1643 г. Особенно большой интерес у участников Второй Камчатской экспедиции вызывали открытые де-Фрисом острова — «Земля Штатов» и «Земля Компаний». Так, С. П. Крашенинников (8, с. 175) писал: «Стеллер думает, что между Курильскими островами и Американскими сыщется Кампанская земля, о которой многие сомневаются...». Чтобы проверить эти сведения де-Фриса, а заодно решить и ряд других более важных задач, в первую очередь, открыть морской путь до самой Японии, в 1738-1739 гг. плавали М. Шпанберг и В. Вальтон, которые особое внимание обратили на южные Курильские острова. Картографические материалы этих экспедиций настолько резко противоречили данным де-Фриса, что это явилось одной из причин. Почему в Петербурге весьма серьезно усомнились в достоверности известий Шпанберга и Вальтона. После плавания А. Чирикова и В. Беринга в 1741 г. к берегам Северной Америки в России окончательно убедились в неправдоподобности голландской гипотезы о наличии западного выступа Северной Америки в районе южных Курил. В 1742 г. участники Второй Камчатской экспедиции (Е. Шельтинг, М. Гвоздев и В. Ртищев) смогли на дубель-шлюпке «Надежда» посетить сахалинские воды, в которых плавало судно де-Фриса в 1643 г. (за исключением залива Анива).

Особенно большой интерес к плаванию де-Фриса проявил участник Второй Камчатской экспедиции выдающийся исто-

рик Сибири Г. Ф. Миллер. Готовя свою известную работу «Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю с Российской стороны учиненных», Миллер не раз проштудировал все сведения об экспедиции де-Фриса, опубликованные Н. Витсенем. И он включил в свою новую работу их краткий пересказ (11).

В 1792-1793 гг. участники экспедиции А. Лаксмана в Японию первыми из русских мореходов воспользовались на месте географическими картами с данными, собранными де-Фрисом. Поэтому в дневнике А. Лаксмана и оказались упоминания о «Фриизовом проливе».

Особенно большой интерес сведения о плавании де-Фриса вызвали в России в начале XIX в., когда началась подготовка к плаванию И. Ф. Крузенштерна — «первому плаванию россиян вокруг света». Тогда-то министр коммерции Н. П. Румянцев и счел нужным лично познакомиться со всеми сведениями Н. Витсена о плавании де-Фриса. В своем письме к И. Ф. Крузенштерну от 13 июня 1803 г. Н. П. Румянцев, вспоминая, что о де-Фрисе писал сам «достойной всякого вероятия писатель Витцен», упрекнул голландского мореплавателя и его спутников в том, что они будто бы «держась 37°... ничего не открыли...» (9, с. 306). При этом Н. П. Румянцев добавил от себя: «Вообще же о тогдашних голландских мореходцах ныне примечают, что они не довольно далеко подвигались к востоку и что в исчислении своего пути легко могли ошибиться» (там же). И. Ф. Крузенштерн полностью подтвердил, что картам де-Фриса не следует доверять. После своего посещения в 1805 г. залива Анива и залива Терпения, И. Ф. Крузенштерн писал: «капитан Фриз при описании того и другого залива наделал весьма много погрешностей, которые кажутся даже невероятными...» (9, с. 160). Но он особо оговаривал, что в «искусстве голландских мореходцев XVII столетия и нельзя сомневаться». Поэтому в книге И. Ф. Крузенштерна, как и в книгах его предшественников — Ж. Ф. Лаперуза и В. Р. Броутона (21), имеются отдельные ссылки на данные де-Фриса. И. Ф. Крузенштерн даже сделал попытку дать свое объяснение, почему М. Г. де-Фрис, находясь в южносахалинском заливе Анива, не смог открыть пролив, отделяющий Сахалин от Хоккайдо (9, с. 160).

К сожалению, последующие исследователи морей этого района — В. М. Головин, П. И. Рикорд, Ф. П. Литке,

Г. И. Невельской и др. уже не имели представления о реальных результатах плавания де-Фриса.

После выхода в Лейдене книг о Японии Ф. Ф. Зибольда (25) вновь в России стали вспоминать о плавании де-Фриса 1643 г. Однако эти сведения были настолько общи, что у многих авторов даже возникли сомнения относительно маршрута де-Фриса у южных Курил. Лишь в 1858 г., благодаря стараниям голландских исследователей П. Леопе и Ф. Зибольда (младшего) были впервые изданы наиболее важные документы плавания де-Фриса (23). И можно смело утверждать, что это издание является самым ценным документальным сборником, посвященным экспедиции де-Фриса. В СССР имеется всего лишь несколько экземпляров этого издания.

Сборник открывался кратким введением, за которым следовали первые документы: распоряжение генерал-губернатора Батавии Антонио Димена об отправке де-Фриса в плавание, перечень выданных документов, подробная инструкция де-Фрису и подробнейший дневник плававшего на флейте «Кастрикум» оберштурмана Корнелиса Янсона Куна. Затем следовал краткий судовой журнал и серия любопытных приложений: отрывки из документов 1643 г., исходивших от генерал-губернатора и Совета Индий относительно плавания де-Фриса и крайне краткие биографии де-Фриса и Куна. Заключительную часть сборника составляли ценнейшие подробные комментарии Ф. Ф. Зибольда (младшего), хорошего знатока истории плавания де-Фриса.

Текст инструкции, врученной де-Фрису, ясно показывает, что ее организаторы мечтали изучить морской путь от Индонезии в страну «Катай» (Китай) и верили, что в дальнейшем голландцам еще удастся отыскать в нее и другой путь из Голландии — по северным арктическим морям. Поскольку голландцы считали, что северо-западные берега Америки должны близко сходиться с берегами Азии, де-Фрису предлагалось также заняться изучением западных берегов Америки. Наконец, де-Фрис должен был проверить сообщения испанских моряков о наличии «восточнее Японии» островов, богатых золотом и серебром. Текст этой инструкции, несомненно, также заслуживал опубликования на русском языке и поэтому он и воспроизводится в приложении к настоящей статье. Он позволяет судить о том, каковы же были географические представления голландцев о всей северной Азии в целом еще в

начале 40-х гг. XVII в. Характерно, что в этот период голландцы еще надеялись, что они для связи со странами Дальнего Востока смогут пользоваться северным морским путем, а это также повышало их интерес к северным водам Тихого океана и к тем землям, которые могли бы в будущем стать их опорными пунктами в северных водах Дальнего Востока.

Особенно большую ценность представляет подробнейший дневник оберштурмана Корнелиса Куна. Он не только позволяет более точно определить по современным картам весь путь флейты «Кастрикум», но и подробно проследить, как голландские моряки знакомились с островами северной части Тихого океана и их обитателями.

К сожалению, эта ценнейшая голландская публикация 1858 г. была известна в России лишь немногим. Фактически в XIX в. этим изданием пользовался (и то в незначительной степени) только известный этнограф Л. И. Шренк (19). Даже Д. Н. Анучин, живо интересовавшийся айнами, не знал о существовании этого ценнейшего сборника. В 1876 г. он писал: «Подробные отчеты о плавании голландской экспедиции не были напечатаны и, по-видимому, не сохранились» (1, с. 84). Историю плавания де-Фриса Д. Н. Анучин излагал по книге Н. Витсена — и то преимущественно в пересказе Г. Ф. Миллера. Правда, Анучин также пользовался малоудачным поверхностным рассказом об этой экспедиции, опубликованным в Амстердаме в 1732 г. (24).

Не знал голландской публикации 1858 г. и первый историк Сахалина А. М. Никольский, который, кстати сказать, был весьма невысокого мнения о результатах географических открытий экспедиции де-Фриса. Никольский писал, что эта экспедиция пролила «до такой степени слабый свет на эту часть Азии, что надо было много трудов и усилий со стороны позднейших деятелей в области географии, чтобы разобраться в том хаосе, который представляли сведения о странах, лежащих к северу от Японии» (12, с. 3). Если бы А. М. Никольский знал о дневнике К. Куна и картах де-Фриса, возможно он не был бы столь строг в своей оценке.

Можно назвать десятки более поздних работ, в которых приводились те или иные сведения о голландской экспедиции де-Фриса 1643 г. Поэтому уже давно возникла необходимость опубликовать на русском языке не только уточненную

Историю экспедиции де-Фриса, но и тексты наиболее важных документов этой экспедиции. Однако подготовка подобных публикаций требует большего времени, а между тем нельзя более мириться с тем, что растет количество статей и книг, в которых приводятся неправильные сведения об экспедиции М. Г. де-Фриса. Уже теперь весьма важно обратить внимание географов, во-первых, на те подробности плавания экспедиции де-Фриса, которые иногда освещаются в литературе с довольно существенными ошибками, во-вторых, на те забытые материалы этой экспедиции, изучение которых представляет особый интерес для историков, этнографов, археологов и других специалистов по Тихому океану.

Прежде всего необходимо уточнить сам маршрут плавания де-Фриса. Общеизвестно, что де-Фрис открыл два острова — «Землю Штатов» и «Землю Компании». Но, к сожалению, до сих пор высказываются самые различные суждения относительно того, какие именно южные острова Курильской гряды так назвал де-Фрис. Еще в середине XIX в. академик Карл Бэр (20, с. 50) склонен был думать, что голландцы под «Землей Штатов» имели в виду остров Кунашир, а под «Землей Компании» — остров Итуруп. Правда, в обоих случаях он поставил знак вопроса, давая понять тем самым, что он не вполне уверен в достоверности своего заключения. Д. Н. Анучин (1, с. 84) решал этот вопрос уже иначе. Он писал: «Compagnies Land» была ничто иное, как о-в Уруп, (19-й в ряду Курилов), «Staaten Land» — о-в Итуруп (Itopop) а, мнимая часть «Иезо» — о-в Кунашир (21-й в ряду Курилов)». Этой же точки зрения придерживался позднее М. С. Боднарский (4, с. 84), Ю. К. Ефремов (8, с. 169) и А. Н. Рыжков (17, с. 123). Л. С. Берг не был уверен, что громадная «Земля Компании» могла быть относительно небольшим островом Уруп. В. И. Греков (5, с. 58) и Д. М. Лебедев (10, с. 199) полагали, что «Земля Компании» — это Итуруп, а «Земля Штатов» — Уруп. И эта ошибочная версия стала часто повторяться в литературе. Она даже нашла отражение в очень полезном сборнике документов «Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана в первой половине XVIII в. (1984, с. 119, 293 и 309). Но когда мы обратились к упомянутому сборнику документов 1858 г., то стало очевидным, что в данном вопросе были правы Д. Н. Анучин, М. С. Боднарский, Ю. К. Ефремов и А. Н. Рыжков: «Землей Штатов» де-Фрис

назвал несомненно Итуруп, а «Землей Компании» — северо-восточное побережье острова Урупа, а остров Кунашир (как и южный Сахалин) голландские моряки приняли за северную оконечность острова «Езо» (Хоккайдо). Подлинные документы плавания де-Фриса ясно показали, что голландские моряки не смогли заметить пролив между Кунаширом и островом Хоккайдо и пролив между Сахалином и тем же Хоккайдо только из-за туманной погоды. Достоверность этих определенных наблюдений (они не вполне точны), сколько характеристиками отдельных легко опознаваемых гор, например, «Пика Антония», который вне всякого сомнения является вулканом Тятя: ведь помощник штурмана флейта «Кастрикум» Ф. Я. де Баккер справедливо отмстил, что на этом пике «вокруг вершины имеется обход как на башнях» (27, с. 146). Он же отмечал, что «пик Антония» (вулкан Тятя) очень хорошо виден издали с разных сторон. Аналогичную характеристику дал ему и видный советский географ Ю. К. Ефремов: «Измывительно изящна и правильна форма этого вулкана. Представьте себе гору, немного не доросшую до двух километров высоты. Словно искусным токарем выточен весь конус. Легко и плавно возносится его зелено-серая громада над морем, очерчивая подошвой и склонами идеально правильную окружность. Но на высоте около полутора километров конус срезан, «усечен» горизонтальной плоскостью. Выше поднимается значительно более узкий сосок — центральный «юный» конус. Это классический пример двухэтажного вулкана» (7, с. 56). Но кунаширский «пик Антония» (названный в честь Антония Димена) был неправильно отнесен голландскими моряками к северо-восточной оконечности «Земли Есо» (острова Хоккайдо!).

Изучение документов плавания экспедиции де-Фриса позволяет нам также ясно представить, почему вдруг у голландцев возникла весьма странная мысль, что «Земля Компании» (Уруп) является частью северо-западного побережья Америки. Эта путаница возникла прежде всего из-за того, что голландцы уверовали в справедливость испанских сообщений о том, что побережье Америки к северу от Калифорнии будто бы резко поворачивает на запад в сторону Азии. Именно поэтому уже в инструкции голландской Ост-Индской компании де-Фрису было предписано исследовать не только восточные берега Азии и острова севернее Японии, но и... «западный берег Америки»

(23, с. 11). Действуя по этой инструкции, де-Фрис и его спутники и нашли возможным принять северо-западное побережье Урупа — «Земли Компании», за... западный берег Америки Правда, первоначально голландские моряки высказывались осторожно. Так, Корнелис Кун записывал 21 июня 1643 г. в своем дневнике: «Я думаю, что эта страна, у которой мы находились, была островом, расположенным близко от берегов Америки, или это выступающий ее далеко простирающийся в море мыс, ее берег» (23, с. 100). Позже второе предположение стало повторяться чаще и к концу XVII в., как это видно из книги П. Витсена (26, с. 123), многие уже стали воспринимать это предположение как... установленный факт. Вот почему и Петр I и даже некоторые участники Второй Камчатской экспедиции склонны были верить, что именно здесь может быть обнаружен ближайший к Азии участок берега Северной Америки. Именно этим и объясняется не только посылка экспедиции Евреинова и Лужина на поиски берегов Америки вдоль Курильских островов, но и то, почему плавание М. Шпанберга и его спутников в тот же район предшествовали плаванию В. Беринга и А. Чирикова 1741 г. к берегам Америки па восток от Камчатки.

Весьма любопытно отметить, что голландцы, полагая, что айны называют словом «анива» пролив, решили, что они вправе называть этим словом и пролив между Итурупом и Урупом, который они сами ранее называли «проливом де-Фриса». А отсюда у голландцев и возникло фантастическое предположение, что название легендарного пролива Аниан между Америкой и Азией будто бы произошло от айнского слова Анива. И эта версия еще более укрепила веру голландцев, что пролив де-Фриса¹ — пролив у берегов Северной Америки! К сожалению, впоследствии кое-кто ошибочно решил, что голландцы будто бы отнесли пролив Аниан к... сахалинскому заливу Анива! Все это, конечно, внесло еще большую путаницу в данный вопрос.

Подлинные дневники участников плавания де-Фриса особенно полезны для этнографов: ведь они содержат самые ранние вполне достоверные сведения о местном населении как южных Курил, так и южного Сахалина. Хотя в этих докумен-

¹ Пока на географических картах название этого пролива пишется через «з». На самом деле фамилию голландского мореплавателя следует писать через «с».

тах отсутствуют какие-либо этнонимы, но само описание внешнего вида местных жителей и их обычаев не оставляет никаких сомнений, что здесь всюду голландцы встречались с айнами. Об этом говорят сообщения о «мохнатых бородах» мужчин, их благоговейное отношение к «палочкам со стружками» (айнское инау) и весь запас ими употребившихся слов. По описаниям голландской экспедиции, тогда в тех местах айнов было еще не очень много и некоторые из них лишь начали переселяться на острова. И, конечно, тогда в этих местах не было никаких японцев. Поэтому, бесспорно, айны этих районов в те времена пользовались полной независимостью. Но это, конечно, не значит, что у них не было тех или иных вещей, сделанных их южными или западными соседями. Айны даже этих отдаленных районов Тихого океана, безусловно, издавна были связаны со своими соседями узами межплеменного обмена. Документы экспедиции де-Фриса ясно показывают, что кунаширские айны хорошо знали айнов южного Сахалина и поддерживали с ними меновые отношения.

Особенно полезны для этнографов документы плавания де-Фриса тем, что они подробно характеризуют образ жизни айнов. Голландские описания 1643 г. показывают, что и в те далекие времена морской промысел был главным занятием айнов и Курильских островов, и Сахалина. Сам быт их был весьма примитивен. В дневнике Корнелиса Куна содержится особенно большое число важных сведений о материальной культуре айнов южных Курил и южного Сахалина той далекой эпохи. В самом деле, в дневнике Куна подробно описывается одежда, оружие, утварь и даже захоронения айнов.

Приведем некоторые характерные подробности.

Кун отмечал, что на Курилах айны были одеты преимущественно в звериные шкуры. Несколько иной была картина в южносахалинском заливе Анива: здесь многие айны были одеты «в грубые белые кафтаны из грубого конопляного льна, которые в некоторых местах были обшиты красными и синими хлопчатобумажными нитками; в ушах у всех были вдеты прядки разноцветного бисера. На некоторых были камзолы из шкур» (23, с. 124). Бесспорно, айны получали бисер от своих соседей путем межплеменного обмена.

Любопытны сведения о жилищах айнов на южных Курилах и южном Сахалине.

Вот как, например, Корнелис Кун описывал айнские жилища на Кунашире: «Домики были маленькими, покрытыми травой, стены были сделаны из коры больших деревьев, шитыми вместе полосками шкур. По середине дома был очаг с двумя отверстиями наверху для вытяжки дыма. Над огнем в дыму на палках висела камбала и семга... Кроме рыбы, они также ели большие толстые стебли крупных листьев, которые растут здесь во множестве. Мне их передали — они были хороши и вкусны в сыром виде» (23, с. 112). На южном Сахалине постройки айнов были уже более удобными для жилья.

Любопытны сведения голландцев об оружии у айнов. Так, у одного курильского айна Кун видел «на голове колчан со стрелами, в руках — лук и на боку — топорик» (23, с. 112). У южносахалинских айнов уже более часто встречались особые сабли-палаши, которые они, несомненно, тоже получали путем межплеменного обмена у своих соседей.

Особенно интересны для этнографов (да и для археологов) сведения Куна об открытых захоронениях на высоком месте западного побережья мыса Терпения. Здесь были найдены «10 могил, в которых еще лежали мертвые. Эти гробы были сделаны очень странно из досок соснового дерева, поднятых на один фут над землей на четырех небольших столбах. Под четырехугольным гробом под дном на деревянной решетке лежал мертвый с венком из тонких нарезанных щепок у головы, одетый в старый хлопчатобумажный кафтан, который уже успел истлеть. Мы нашли около него блюдечки для пищи, разную мелочь, лук и стрелы, по-видимому, в гробу была и пища. В гробу лежали небольшой пестик, чтобы толочь рис, и ступка. Крышка гроба напоминала крышу дома. На коньке крыши находилась красивая резная чашка. Вдоль гроба у каждого его конца — головы льва или дракона с деревянными кольцами в пасти и все четыре угла тоже были резными... Рассматривая с удивлением эти могилы, мы увидели около них много палочек с тонкими резными кудряшками и щепками, висящими там. Концы их были прикреплены к палке» (23, с. 143-144). Очевидно, что здесь шла речь об упоминавшихся айнских инау.

В дневнике Куна встречаются и многие другие, такого же рода описания, представляющие большой интерес и для этнографов, и для археологов.

Особый интерес для нас представляют данные о серебре.

Как известно, сама экспедиция де-Фриса была организована в связи с тем, что до голландцев дошли слухи о том, что испанские моряки, плывя как-то из мексиканского Акапулько к берегам Дальнего Востока, где-то восточнее Японии нашли остров, на котором имелось серебро и золото. Естественно, у голландцев и возникло желание как можно скорее разыскать эти острова. В последнее время некоторые авторы склонны были считать, что эта версия была кем-то выдумана. Но у этой легенды, несомненно, была реальная основа. Дело в том, что в Японию с севера действительно иногда поступало и золото, и серебро. Русские источники XVII в. не оставляют никаких сомнений в том, что часть золотых и серебряных вещей попадала на Сахалин и Хоккайдо с реки Амур. Еще в 1652 г. русские казаки слышали от нижеамурских гиляков-нивхов, что к ним по Амуру сверху поступает и золото, и серебро (16, с. 56). Далее эти вещи нивхскими торговцами вывозились на тихоокеанские острова. Вместе с тем какое-то количество серебра добывалось айнами и на самом острове Хоккайдо и, возможно, на некоторых Курильских островах. В пользу этого говорят и некоторые весьма любопытные сообщения самих участников экспедиции де-Фриса. Так, Корнелис Кун, рассказывая о своем пребывании у Урупа, писал, что они с берега с одной из прибрежных гор дважды привозили «землю, которая была похожа на руду и, казалось, содержала серебро». Это настолько сильно заинтересовало голландских моряков, что они поспешили водрузить на горе деревянный крест с надписью «V anno 1643» и провозгласить эту землю владением Голландии. Именно в это время они и дали Урупу название «Земли Компании» и место, где водрузили крест, назвали «Крестовым мысом» («Kruishock»). Еще более любопытные сведения собрали голландцы на Кунашире у подножья вулкана Тятя («Пика Антония»). Беседуя с одной женщиной. Кун спросил у нее, откуда айны берут серебро для окантовки рукояток своих топоришков. «Старая женщина, — писал Кун, — первая поняла мой вопрос и показала жестами, как роятся в песке. Потом взяла немного песка в руки и, имитируя шипение, сыпала его в горшок и показала потом, что горшок ставят на огонь и тогда будет хорошо. «Каны» означает у них серебро. Я жестом спросил, как это делают, и она мне показала на пик Антония и что это там, подтвердили все» (23, с. 112-113). Вероятнее всего, аинка рассказала голландцам о добыче серебра не на Кунашире, а на острове Хоккайдо, где действительно в далеком прошлом серебро добывалось айнами.

Позже, когда голландские моряки осматривали южные берега Сахалина, они уже у многих айнов видели в ушах серебряные кольца. Когда голландцы спрашивали айнов, откуда они берут серебро, они указывали рукой в сторону Хоккайдо и южных Курильских островов. Поэтому нет ничего удивительного в том, что экспедиция де-Фриса еще более укрепила веру у многих и притом надолго в то, что на южных Курилах может быть найдена серебряная руда. Верил в это и Петр I, и некоторые его сподвижники. Даже участники экспедиции Ж. Ф. Лаперуза в 1787 г. говорили о возможности обнаружения серебра на Курилах.

Все эти подробности, безусловно, очень важны для историков географических открытий в северной части Тихого океана.

Было бы весьма полезным, если бы современные геологи на Урупе, Итурупе и Кунашире смогли бы на месте установить, что же голландские моряки принимали за серебряную руду.

Многое в документах экспедиции де-Фриса может оказаться полезным для ученых-естественников. Ихтиологи найдут в дневниках участников голландской экспедиции самые ранние сведения о рыбах южной части Охотского моря. Орнитологи встретятся в этих документах с самыми ранними сведениями о птицах района Курильских островов. Так, нетрудно убедиться в том, что в дневнике Куна имеются самые ранние краткие сведения и о курильских конягах, и о топорках.

Есть в документах экспедиции де-Фриса и некоторые записи, полезные для топонимистов. Так, 23 июля 1643 г. Кун отмечал: «Примерно в 4 часа пополудни мы увидели снова берег..., крутой выступающий мыс с низким берегом на севере, похожий на голову тунца. Этому мысу мы дали название Тонин (Tonyns — по-голландски означает тунец)» (23, с. 138). Это название сохранилось до наших дней, но его происхождение было забыто.

Наконец, в дневнике Куна существует запись, заслуживающая совершенно особого внимания. Описывая пребывание голландских моряков 8 июля 1643 г. на берегу пролива Екатерина на Кунашире у горы Тятя («пик Антония»), Кун писал: «Один из наших людей нашел стоящий деревянный крест, привез его и показал жителям, которые, увидев крест, были очень испуганы и показали, что его надо бросить в воду,

да и тот, кто дотронулся до деревянного креста, не должен до них дотрагиваться, пока не вымоет руки. Потом было все хорошо. Они смеялись и были рады, когда крест был брошен в воду. Еще один такой крест стоял в начале леса» (23, с. 117).

Недавно возникла легенда о том, что здесь идет речь о кресте, который будто был установлен какими-то русскими землепроходцами. Знатоки айнской этнографии Л. Б. Спеваковский справедливо нам указал, что здесь идет речь о «Т» — образном знаке, устанавливаемом на женской могиле — знаке, которым должен быть уничтожен, если он кем-то оказывался оскверненным.

Итак, приведенных примеров вполне достаточно для того, чтобы убедиться в том, как важно опубликовать на русском языке основные документы экспедиции де-Фриса 1643 г. В первую очередь следует напечатать, хотя бы в отрывках, по голландской публикации 1858 г., интереснейший дневник Корнелиса Куна. Кое-что следовало бы напечатать по сборнику 1646 г. (22) и, наконец, по книге Н. Витсена (26, 27). Отмечу здесь, что в сборнике 1858 г. совершенно не было никаких документов о плавании второго судна голландской экспедиции 1643 г. — яхты «Брескенс» под командованием Г. К. Схепа. В России до сих пор история этого плавания была известна только по публикации Н. К. Витсена, а между тем это плавание также заслуживает особого внимания, так как его участники тоже смогли побывать у берегов Курильских островов.

Очень важно также опубликовать все графические материалы экспедиции де-Фриса, прежде всего, связанные с этим плаванием географические карты — карта самого де-Фриса (23), карта этого района Н. Витсена и другие карты; зарисовки береговой линии и отдельные рисунки, сделанные на месте, например, у берегов Урупа. По этим рисункам можно довольно ясно себе представить, как внешне выглядел сам голландский флейт «Кастрикум». Конечно, лучше в самом ближайшем будущем приступить к изданию на русском языке подлинных документов голландской экспедиции де-Фриса 1643 г. Это можно было бы сделать в виде отдельной книги, как уже недавно издавались на русском языке документы Третьей тихоокеанской экспедиции Джемса Кука (18). Но поскольку документы голландской экспедиции более интересны для специалистов, чем для широкого читателя географической литературы, пока эти документы целесообразно публиковать в спе-

циальных научных сборниках. Так, в Ленинграде уже готовится особый сборник по айнской проблеме, в котором будет опубликован в отрывках ранее упоминавшийся и частично цитировавшийся дневник оберштурмана флейта «Кастрикум» Корнелиса Куна. Часть текста этого дневника уже была переведена покойной В. Г. Трисман на русский язык.

Ратуя за публикацию на русском языке основных документов экспедиции де-Фриса, мы отнюдь не переоцениваем ее значения в истории Тихого океана. Мы не забываем того, что сама эта голландская экспедиция по существу оказалась одиноко стоящим эпизодом в истории северной части Тихого океана — не только потому, что голландские военные моряки с тех пор вообще больше не появлялись в этих водах, но и потому, что и другие западноевропейские моряки смогли попасть в этот сектор океана весьма не скоро: экспедиция Джемса Кука появилась лишь спустя 134 года, а Ж. Ф. Лаперуза и того позже — через 144 года! Поэтому мы признаем, что экспедиция де-Фриса по своему значению в истории северной части Тихого океана просто не сопоставима со многими другими тихоокеанскими экспедициями и, прежде всего, с русскими морскими походами той же эпохи. Напомним, что русские мореходы, начавшие свои плавания в северной части Тихого океана на четыре года раньше де-Фриса, в отличие от голландских моряков действительно смогли еще в 1639-1640 гг. (плавание Ивана Москвитина) открыть совершенно новую эпоху в истории северной части Тихого океана: ведь за этими замечательными морскими походами вскоре последовала целая серия новых морских плаваний русских в северной части Тихого океана. В 1645 г. В. Д. Поярков 12 недель плыл по Охотскому морю из устья Амура до устья Ульи (13, с. 58-59). В 1647 г. по Охотскому морю плывал С. А. Шелковников. 1648 г. стал годом исторического морского плавания С. И. Дежнева. В 1648-1651 гг. плывал от Охоты до Тауйской губы составитель первой «лоции» части Охотского моря Алексей Филиппов по прозвищу Глубокой. В 1651-52 и 1657 гг. по Охотскому морю плывал Михаил Стадухин. В 1652-1653 гг. в юго-западной части Охотского моря плывал И. А. Нагиба. Отдельные плавания тогда же, в 50-х гг. XVII в. по Охотскому морю совершили Патрикей Минин, Самуил Мельненок, Оника Логинов и другие русские землепроходцы-мореходы. Так было положено начало русскому мореходству в дальневосточных водах.

После плавания де-Фриса в течение 134 лет (до плавания Джемса Кука) русские мореходы были единственными европейцами, которым довелось плавать в этих водах. Это-то и позволило русским именно в те полтора века прочно закрепить за Россией огромные пространства дальневосточного побережья. У голландских мореходов тоже было желание в северной части обрести для себя новые владения, но это им оказалось не под силу. Конечно, в этом во многом была виновна старая соперница Голландии — Англия, которая именно в середине XVII в. смогла нанести голландской колониальной империи сильнейший удар. Однако отказ Голландии от территориальных притязаний в этих северных районах был вызван с одной стороны тем, что голландцы осознали вскоре, что их надежды на использование северного морского пути для связи между Голландией и Китаем вряд ли оправдаются в ближайшем будущем и, во-вторых, голландцы усомнились в целесообразности создания своих колоний в столь далеких, пустынных и опасных местах, которые сулили им больше трудностей, чем выгод. Для русских же мореходов освоение суровых северных земель было вполне обычным и, безусловно, выгодным делом. Поэтому вполне закономерно то, что именно русские мореходы одни и стали с середины XVII в. столь успешно осваивать земли северной части Тихого океана.

Совершая частые плавания в XVIII-XIX вв. вдоль Курильской гряды, русские моряки часто с большим уважением вспоминали и голландских моряков, которые еще в середине XVII в. не раз испытывали свою судьбу в этих опасных водах Охотского моря и, несмотря на большие трудности плавания, при крайне плохой видимости, не посадили свое судно ни на скалы, ни на мель. И мы, советские историки географических открытий в Тихом океане, также обязаны отдать должное М. Г. де-Фрису и его смелым спутникам.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Анучин Д. Н. Племя айнов // Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. — Т. XX. — Труды антропологического отдела.—Кн. 2.— Вып. 1, — М., 1876. — С. 79—201.
2. Арсеньев Ю. В. О происхождении «Сказания о великой реке Амуре» — Известия РГО. — 1882. — Вып. 4. С. 245—254.
3. Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке XVII—XVIII вв. — М., 1964.
4. Боднарский М. С. Очерки по истории русского землеведения. — Часть I. — М., 1947.

5. Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. — М., 1960.
6. Ефимов А. В. Из истории великих русских географических открытий. — М., 1971.
7. Ефремов Ю. К. Курильское ожерелье. — М., 1962.
8. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. — М. — Л, 1949.
9. Крузенштерн И. Ф. Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях - Надежде» и «Неве». — М., 1950.
10. Лебедев Д. М., Есаков В. А. Русские географические открытия и исследования, с древнейших времен до 1917 года. — М., 1971.
11. Миллер Г. Ф. Описание морских путешествий по Ледовитому и Восточному морю с Российской стороны учиненных //Ежемесячны» сочинения и переводы к увеселению служащие. — 1758. — Генварь-февраль.
12. Никольский А. М. История исследования о. Сахалина в связи с историей присоединения его к Российским владениям //Остров Сахалин и его фауна позвоночных животных. Приложения к X-му тому Записок Академии наук. — № 5, — Спб., 1889.
13. Полевой В. П. Забытые сведения спутников В. Д. Пояркова о Сахалине. (1644—1645 гг.). — Известия ВГО. — 1958. — Вып. 6. — С. 547—551.
14. Полевой Б. П. Николай Витсен о близости Америки к Азии и этнических связях между ними //Наука и техника (Вопросы истории науки и техники). — Вып. VI — Л., 1971. — С. 120—122.
15. Полевой В. П. Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» //Рукописное наследие древней Руси. ПО материалам Пушкинского дома. — Л., 1972. — С. 271—279.
16. Полевой Б. П. Первые известия сибирских казаков о японцах (1652—1653 гг.) //Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР 1970. — Л., 1971. — С. 55—57.
17. Рыжков А. Н. По следам легенды о золотых островах //Литературный Сахалин 1960. Южно-Сахалинск, 1960. — С. 121—128.
18. Третье плавание Джемса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг., — М., 1971.
19. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. — Т. I—III, Спб., 1883, 1899 и 1903.
20. Ваег К. Е. Peter' s des Grossen Verdienste um die Erweiterung der geographischen Kermtnisse. Beitrage znr Kontniss des Russischen Reiches und der agrenzende Landen Asiens, В. XVI. SPb, 1872.

21. Broughton W. R. Voyage of Discoverer to the North Pasific Ocean, in which the coast of Asia from the latitude of 35° N to the latitude of 52° N the Island of Jesu (commonly known under the name of the Land of Jesso), the north, south and east of Japan, the Lieuxchieux and the adjacent isles, as well as the coast of Corea, have been examined and surveyed performed in H. M. sloop Providence and her tender in the years 1795-6 7-8 Vols. I-II.L, 1804.

22. Koorte beschryvinghe van het Eylandt by de Japanders Eso genaemt, nevens de manieren, zeden, ommegangh ende gestalte des selfs Inwoonderen; soo als het eerst in den Jare 1643 van't schip Gastricum bezeylt ende ondervonden is. Amsterdam, 1646.

23. Leupe P. A. (editor). Reise van Maarten Gerritz Viies in 1643 naar her noorden en oosten van Japan volgens het Journal gehoimden door C.J. Coen op het Schip Castricum. Amsterdam, 1858.

24. Relation de la decouverte de la Terre de Jesso ou d'Eso au Nord du Japon par le vaisseau C astricum en 1643—Recueil de Voyages au Nord, t.IV, nouv.ed., Amsterdam, 1732.

25. Siobold Ph. Fr. Nippon. Archiv beschreibung von Japan und dessen Neben-und Schutzlandern: Jeso mit den sudlichen Kurilen, Krafto, Koorai und den Liukiu-inse In, nach Japanischen und ettropaischen Schriften und egenen Beobachtungen. Leyden, 1832-1852, H.I, VII.

26. Witsen N. K. Noord en Oost Tartarye. T. HI. Amsterdam, 1692.

27. Witsen N. K. Noord en Oost Tartarye. T. I-II, Amsterdam, 1705 (2-d edition).

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ИНСТРУКЦИЯ

скиперу-командиру Маартену Гсрритсену Фрису и совету флейта «Кастрикум» и яхты «Брескенс», направляющихся для исследования неизвестного восточного побережья Татарии, королевства Китая и западного побережья Америки, а также островов восточнее Японии, богатых золотом и серебром

Достойнейшие доверия географы и землеописатели называют среди великих стран Азии самой крупной Татарию, которая с севера соприкасается с Ледяным морем, с запада — Россией и Польшей, с юга — Черным и Каспийским морями, Бактрией и Индией, а с востока — с Китаем и неисследованным Татарским океаном. С востока на запад она простирается на не менее 900, а с юга на север — не менее 450 немецких миль; это великое пространство крупнее всей Европы и включает в себя много крупных стран, провинций, озер и пустынь. Среди этих стран наибольшую территорию занимает известное королевство Катай, лежащее в умеренном климате примерно у 50 градуса северной широты и является первой провинцией империи великого хана, резиденция которого находится в большом столичном городе Камбалу, который прославлен своей замечательной торговлей, весьма широкой внутренней торговлей или татарской, и внешней китайскими товарами. Восточный берег этой страны известен большим числом кораблей, которые ведут широкую торговлю прибрежную с соседними странами, но ввиду того, что эта страна расположена в самом углу земного шара, ее еще не посещали европейцы, ни даже сами люди стран Востока, ни даже граничащие с нею китайцы; ее считают как бы сокрытой, слишком далеко лежащей, почти вне земли расположенной.

Уверовав в указанное местоположение упомянутой страны Катая, ученые космографы и мореплаватели стали серьезно помышлять об открытии этого королевства и указывали на разные к ней пути: мимо восточной Индии через пролив Магелланов, или мимо Северной Америки через Девисов пролив,

или мимо Новой Земли южнее Северного полюса, где уже тремя путями различными пытались плавать англичане и голландцы, но безуспешно; также безрезультатно с двумя кораблями в 1594 г., и с семью в 1595 г. здесь плавал Ян Хайген ван Линсхотен по приказу господ Генеральных Штатов Объединенных Нидерландов. И хотя во время первого плавания был открыт пролив у острова Вайгач — пролив Нассау между Московией и Новой Землей до Татарского северного моря, все же из-за того, что во время второго плавания этот водный путь оказался забит льдом, флоту пришлось вернуться назад в Нидерланды без ожидавшихся результатов. С этих пор все нации стали считать невозможным открытие Татарии северным путем, а от Ост-Индии или Вест-Индии из-за отсутствия возможностей или любознательности у испанских королевских управителей (несмотря на то, что отсюда удобнее плыть, чем из Европы) никаких плаваний предпринято не было; их могучий монарх, считая такие плавания преждевременными, таких повелений не давал, как не понимали этого и другие европейцы, плававшие в тех водах, пока в 1639 г. подчиненные нашему правительству два флейта под командованием Матиса Кваста не отправились для исследования восточного берега Татарии и, в частности, знаменитых островов, богатых золотом и серебром восточнее Японии, и которые оттуда из-за несчастного стечения обстоятельств тоже вернулись, не сделав ничего полезного.

Желая, однако, от открытия Катая и близлежащих от него островов извлечь великую пользу как торговую, так и завоеваниями, особенно ради распространения истинной христианской религии, и учитывая, что в настоящее время ни один христианский монарх или республика не располагает такими возможностями, какие имеются у свободного нидерландского государства или ее Остиндской компании, владеющие удобно расположенным городом Батавией и еще более близко расположенными завоеванными землями в Молуккских островах и на Формозе, которые могут быть для этого использованы, господа наши управители совершенно серьезно рекомендуют еще раз заняться такими открытиями. Поскольку это признают необходимым предприятием и компания в настоящее время владеет многими кораблями и может без затруднений, не сокращая своей торговли и не ослабляя своих военных усилий, отправить два хорошо экипированных корабля Совета Индии, решили, что не следует долгие откладывать плавание

С целью открытий, и послать туда флейт «Кастрикум» с яхтой «Брескенс», снабженных всем необходимым, и Вы как опытный моряк, склонный совершить такое путешествие, облеченный доверием и правом командира, с твердой верой осуществите это важное плавание с должной храбростью, доброй осмотрительностью, должным терпением и бдительностью и по возвращении назад должны будете перед нами должным образом отчитаться. Опытный пилот-майор Фрач Якобсен Фиссер, Вы и другие любознательные лица предложили нам различные маршруты плавания для открытия Татарии и островов восточнее Японии с пояснительными записками, содержание которых мы не будем здесь излагать, поскольку все их копии будут Вам вручены для того, чтобы Вы их смогли использовать. Одним лишь словом мы упомянем здесь мнение Фиссера и Ферстегена о плавании между Японией и Кореей. Поскольку нет уверенности в том, что там имеется удобный пролив и, по всей вероятности, там много мелей и подводных скал, что очень опасно, и там можно погибнуть, мы поддерживаем Ваше мнение о плавании в открытом море восточнее Японии, тем более мы не уверены, что западный пассат в том районе в летнее время силен и постоянен, так что можно было бы плыть с востока на запад. Во время плавания командора Кваста, несмотря на позднее осеннее время, ветер оказался непопутным даже на расстоянии 200-300 миль от всех берегов. Несомненно, в июне и июле берега Татарии от восточной части Японии легко достижимы на парусах, поскольку на широте 40° в Татарском океане нет контр-пассатных ветров, а дуют переменные ветра (как вокруг Европы). Вы должны начать свои открытия Татарии с востока Японии, поскольку путь к ней знаком и менее опасен, придерживаясь указаний, данных Вам в инструкции, однако в соответствии с Вашим пониманием их в зависимости от сложившихся обстоятельств, времени и местных особенностей при одобрении совета вы можете, как того потребуют интересы компании ради достижения основного плана, действовать самостоятельно — в соответствии с вашими силами по Вашему доброму опыту и бдительности.

Прежде всего, Вы должны ранним утром после предварительного тщательного осмотра вместе отправиться в плавание, взяв курс к Молуккским островам, как указано в особой инструкции, которой Вы должны придерживаться во время этой части плавания,

Прибыв в Териате перед крепостью Малейя, вы вручите приложенные письма к вице-губернатору Ваутеру Серойену и сами подчинитесь приказаниям Компании, сделаете на ваших кораблях запасы воды, топлива и всего, что еще потребуется. Во время пребывания там команда будет снабжаться свежими продуктами, о чем необходимые приказания даст господин Серойен, который Вам по Вашим просьбам по возможности будет помогать, и мы надеемся, что время будет использовано не без пользы и все будет сделано старательно и быстро, чтобы до апреля или самое позднее в начале апреля Ваш важный рейс смог бы оттуда начаться. Но до этого на совещании совета необходимо составить хорошо сигнальную инструкцию, в которой определялся бы порядок несения службы, а также было бы предусмотрено, как можно соединить корабли, если шторм или какое-либо иное происшествие (да сохранил пас от этого Бог) их разъединил бы. Это в высшей степени важно для выполнения нашего замысла. После осуществления всего необходимого, вы (как уже было сказано) 1 апреля или раньше начнете во имя Бога плавание, взяв курс, как только пройдет Джилоло в северо-восточном направлении, используя слабые и переменные ветра, которые в это время года обычно дуют в этом районе. На широте 10-15° ветра обычно направлены на юго-восток. Вы направитесь на север прямо через море к восточному берегу Японии, пока не увидите землю на широте 37°. Весьма вероятно, что на этом пути встретите несколько неизвестных или зависимых островов архипелага Сент-Лазаро или островов де ла Веслас, иначе именуемых Ладронес. На посещение их не стоит тратить времени, но тщательно следите за неизвестными мелями и скалами.

Мы надеемся, что Вы 20-25 мая увидите с борта восточный берег Японии и, идя в направлении на север — северо-восток, будете держать свой путь вдоль берега до тех пор, пока берег не отойдет на запад с тем, чтобы попутно узнать, где расположен крайний северный конец Японии и можно ли там встретить землю, которую японцы называют Есо (Хоккайдо — Б. П.): является ли она землей материка Китая или Татарии, или же это особый остров, расположенный между ними. Но на это особого времени не теряйте, а держите курс на северо-запад, пока не обнаружите берег Татарии или Китая. Оттуда идите к югу как позволит ветер и определите землю Есо, что, надеемся, удастся сделать на широте между 40° и 45°, затем

идите на север вдоль берега насколько он там простирается. Вам следует плыть до тех пор, пока не откроете реки Полисанг, китайские морские города Янгио, Брема или подобную бухту, порт или реки, где можно удобно укрыть корабли и где находятся города, поселения и жители, от которых можно за короткое время узнать расположение страны и выведать все, что ниже подробно указывается (в инструкции).

Весьма возможно, что Вы и около китайского берега встретите несколько кораблей, джонок или судов, поскольку те кто описывал эту землю, считали, что не только у татарского берега, но и прилегающих морях есть множество кораблей, которые ведут крупную торговлю с сопредельными странами и островами. Если это подтвердится, то будьте осторожны, будьте начеку, не проявляйте ни гордость, ни силу и будьте вежливы и дружеским угощением добивайтесь благосклонности этого народа и определите точно цели их рейсов и выясните, где находятся их гавани и торговые города, особенно реки Полисанг и Янгио. Мы не сомневаемся, что Вы сможете посетить какой-нибудь порт или населенное место в Татарии или в Китае примерно 15-20 июня, т. е. в самое наилучшее время года, в наиболее длинные дни, что будет способствовать успеху Вашему и уменьшит опасность, связанную с плаванием.

Вы должны точно нанести на карту и описать все земли страны, острова, мысы, бухты, заливы, реки, мели, косы, рифы, скалы и утесы, которые вы встретите в пути или проходя мимо как в океане, так и у берегов Японии, Иесо, Китая или Татарии, а также зарисовать формы всего обнаруженного, для чего вам дается рисовальщик, а также отмечать, на какой широте они, какова их протяженность, каково расстояние до берега острова, мыса, мола, бухты и реки и между ними, какие видны на них отличительные признаки, горы, холмы, деревья или строения, по которым их можно узнать, а также какие там глубины, мели, острова, подводные скалы, рифы и как, по каким признакам можно легче избежать опасность, а также определить земли: тверды ли, остры, мягки ли, ровны ли или они поднимающиеся, круты ли они, можно ли их измерить лотом или нет, по каким признакам удастся найти наилучшие якорные стоянки на рейдах и в бухтах, как идут фарватеры и реки и судоходны ли они какие там ветра, какие имеются течения, отливы и приливы, определяются ли они по луне или по ветрам, какие изменения бывают муссонов, есть ли дожди и за-

сухи. Все это тщательно наблюдать и отмечать, за чем должны следить опытные штурманы, что поможет в будущем сделать новые открытия и новым посещениям открытых земель. Удобное время года летом, длинные дни и короткие ночи будут, как выше указано, способствовать намеченным исследованиям и всех упомянутых вещей, почему вы нигде не должны терять время, а хорошо использовать лучшую часть лета и хорошую погоду, при которой сможете плыть вперед на парусах ночью и днем, ибо при коротких днях и безлунных ночах трудно все увидеть. Поэтому в высшей степени многое следует открыть быстро и в короткое время.

Однако необходимость обследовать татарские и китайские берега вынудит вас время от времени в соответствующих местах бросать якоря, всегда искать и выбирать такие бухты или рейды, в которые можно будет входить и там находиться с наименьшей опасностью, при том или ином ветре можно будет успешно управлять судном. Особенно следует с большей осторожностью и осмотрительностью приставать к берегу с таким маленьким судном, так как неизвестно, какие люди владеют этой незнакомой страной Татарией. Здесь могут быть как грубые дикие варвары, так и цивилизованные воспитанные люди, почему всегда необходимо иметь оружие и проявлять осторожность, ибо по опыту знаем, что во всех областях Земли нельзя доверять диким народам, потому что обычно считается, что люди, появляющиеся столь неожиданно и странно, приходят лишь для того, чтобы занять их территории. При открытии Америки местные жители захватывали и убивали много беспечных и легковверных исследователей и из-за этого часто многие путешествия заканчивались неудачей, гибелью. Из таких соображений вы будете всегда хорошо, дружески встречать варваров и не замечать мелкие кражи, которые они могут совершить, с тем, чтобы не вызывать у них неприязни, привлекать их к себе с тем, чтобы узнать быстрее об их образе жизни, об их стране, тем более если там будет что-либо для вас полезное.

О расположении их стран, какие там плоды, животные, какие постройки домов, об их быте и жизни, населении, одежде, оружии, нравах, материалах, питании, религии, управлении, войнах и другие интересные вещи, особенно добрые ли они или злые — обо всем этом постарайтесь узнать, когда время позволит, показывая им разные образцы товаров, которые для этой цели даны вам с собой с тем, чтобы вы смогли понять,

какие товары и материалы у них и какие желают они получить от вас. Все это необходимо точно замечать, зарисовывать и правильно описывать, ведя для этого подробный и пространственный дневник, в котором безупречно записывать, чтобы по вашему возвращению можно было бы составить надлежащий рапорт.

Ввиду того, что область Китая, очевидно, заселена культурными людьми, вы придя туда, отправите на берег ассистента Давида Кассу, лесного охотника Юриана Схолте или одного из 4-х солдат, которые знают московский или польский языки, чтобы там у власти испросить разрешение на высадку на берег, затем пошлете на берег после получения разрешения одного из младших купцов или ассистентов, кроме того переводчика, с небольшими подарками и будете приветствовать правителей от имени государства, пашей республики, особенно от имени генерал-губернатора и Советов Индии, предлагая всякую дружбу и взаимную торговлю на условиях, какие мы, нидерландцы, имеем в море со всеми правительствами и нациями всего мира, торгуем дружески, имея для этого всякие товары и лучшие условия по сравнению с другими нациями мира, и чтобы местные власти узнали, как в нашей стране ведется честная торговля и одобрили бы приход туда двух кораблей под хорошим управлением с ценными товарами, редкостями, какие можно будет при свободной торговле доставлять и как друзей встречать. После полученного ответа постарайтесь приобщить их к дальнейшим сношениям или к получению разрешения на торговлю в зависимости от обстоятельств и времени, проявляя всегда бдительность и осторожность, показывая им благовоспитанно товары и образцы товаров. С этой целью вам даются с собой на каждый корабль раздельно товар, одна часть из которого для Китая, другая для островов около восточной Японии на общую сумму 1374.08.4 гульденов. Старшему купцу Виллему Бейгефельду поручается составить торговые книжки в надлежащей форме с расчетными свидетельствами и учетом остатков.

При показе упомянутых товаров и образцов Вы со старшими купцами будете тщательно следить, чем эта нация интересуется и к каким товарам они наиболее склонны, а также следить за тем, какие товары у них имеются, в особенности, за золотом и серебром, и пользуется ли этот товар должным уважением. Вы не показывайте своей жадности к этим товарам,

чтобы оставить их в неведении и его реальной большой стоимости, и если они предложат его в обмен на ваш товар, то вы делайте вид, что вы его не цените, а покажите им медь, бронзу, олово, свинец, что будто эти минералы у нас имеют большую ценность. И если вы их найдете склонными к торговле, то наши товары, к которым они особенно будут падки и которые мы не считаем ценными, то держите их в таком почете с тем, чтобы их можно было бы продавать или менять не иначе как с большой выгодой и принимать их тогда, когда будет известно, что они для компании выгодны, как покажет торговля. Особенно необходимо будет отсюда привезти образцы и те записи, по которым будет видно, что можно было бы знать, что там можно получить нам с пользой в будущем.

Из-за недостатка знаний об истинном положении королевства Китай, необходимо узнать следующее: размеры страны и ее особенности, какие там существуют города, местечки, реки, горы и пустыни, как они расположены и какие у них имеются соседи, где находится их главный город Камбалу, его размер, как он расположен и его особенности и т. д., какой морской или торговый город там поблизости расположенный и как там можно удобно путешествовать. Какие (в стране) имеются порты и торговые города, бухты, гавани, как развито мореходство, какую торговлю эта страна ведет с соседями, особенно из каких товаров эта торговля состоит. Какие имеются там плоды, животные, минералы и чем главным образом занимаются ее жители. Какие религии они имеют, особенно имеются ли у них магометанская или христианская вера и каковы они? В особенности находится ли управление страной у короля, дворянства или у простого народа и в каком городе находится их резиденция. И если окажется, что правит король или принц великого хана или монарх татаров, то выяснить, в чем состоит его военная сила и богатство, каким авторитетом он пользуется как правитель и законодатель, с какими странами, нациями и принцами он находится в войне или мире, как осуществляются эти отношения. Особенно важно узнать отношение правителя к чужестранцам и к необыкновенным вещам. Кроме того, если господа правители компании прикажут отметить в рапортах и в записках, то вы в зависимости от обстоятельств сочтете это нужным об этом упомянуть.

Если вы найдете китайскую нацию приветливой и друже-

ски расположенной к вам и если эта страна окажется такой, что там генеральная компания бесспорно сможет начать важную и выгодную торговлю, то вы попытайтесь заключить с властями договор о постоянной торговле и навигации к общему удовлетворению обеих стран и народов, и если они согласятся, то к ним с первым же судном прибудет посол. С той же целью, если на то даст согласие правительство, там можно было бы оставить 2—3 человека для изучения языка и обычаев, а также для изучения страны и прочего с разрешения совета, и этих людей следует снабдить инструкциями и товаром и использовать для этого ТОЛЬКО проверенных, вежливых и дружелюбно расположенных юношей. При этом можно согласиться, чтобы и от них приехало, бы к нам равное число людей, чтобы знакомиться с нами, и твердо им обещать в будущем году прислать вместе с ними прибытие наше со многими полезными товарами.

Если окажется, что эта страна управляется столь могучим королем, как в начале инструкции упоминалось и как было уже описано разными авторами, то вы с разрешения совета и совета регентов, из места вашего пребывания можете поручить кому-либо из резидентов поехать в столицу страны и от нашего имени приветствовать королевское величество с подарками, разными редкостями и предложением установить дружбу и союз, как выше сказано, или что-то еще, что вы найдете полезным для нашей компании. Всякую наглость и злонамеренность матросов команды к обнаруженной нации, вы должны предотвратить и позаботиться о том, чтобы они ничего бы не учинили ни в домах, садах, лодках или с женщинами, а также чтобы не увозили насильно против их воли из их страны, но если несколько человек добровольно согласятся на это, то можете их сюда привезти.

Что делать дальше в Китае, нельзя предвидеть, а потому и не включается в инструкцию и потому оставляется на предусмотрительность вашу и совета. Только рекомендуется Вам ко всему подходить с осторожностью и не оставлять ценные корабли компании без народа при возможной опасности, и потому мы желаем, чтобы командир корабля легкомысленно не сходил бы с корабля. Он должен всегда оставаться на кораблях до тех пор, пока компания с разрешения совета не потребует противного. Необходимо, чтобы необдуманные случайные поступки не причинили ущерба в выполнении плана этого плавания.

После того как все самые необходимые дела в Татарии будут выполнены, команды отдохнут и корабли будут снабжены пресной водой и топливом, вы к концу июля или самое позднее в начале августа с разрешения правителей страны и местного населения снова отправитесь под парусами, взяв курс прямо через океан к юго-востоку до долготы восточного края Японии или навстречу к востоку к западному берегу неизвестной Америки к Кабос де Фортуна, Кориентес или Мендосина Фаген, если позволит погода и ветер, определить какова страна, исследовать и оттуда следовать прямо к югу к восточному мысу Японии с видом на берег на $37^1/2^0$, где, мы надеемся, вы будете около 20—25 августа с божьей помощью. Оттуда вы возобновите исследования острова, богатого золотом и серебром, которые были неудачно начаты командором Матис Квастом в 1639 г., о чем вам переданы инструкции и дневники и которые позволят вам лучше понять результаты наблюдений с тем, чтобы избежать ранее допущенные ошибки, а также письменные отчеты, которые нам были предоставлены купцом Ферстегеном по случаю открытия этого острова, сообщающие, что будто бы в южном море на $31^1/2^0$ северной широты примерно в 400 испанских милях или 343 нидерландских расположен около Японии большой высокий остров, заселенный белым, красивым, дружелюбным и цивилизованным народом, и что этот остров чрезвычайно богат серебром и золотом, как будто об этом узнал некий испанский корабль, плывший много лет назад от Манилы к Новой Испании; по этим рапортам в 1610 или в 1611 г. король Испании отправил туда корабль, чтобы его подробно исследовать и завладеть из Акапулько в Японию. Но это плавание из-за плохой подготовки и ряда неудачных случайностей не состоялось, и с тех пор этот король оказался неспособным осуществить это полезное начинание. Отправка туда командора Кваста также кончилась полной неудачей.

Благодаря указанной информации и других сведений, мы уверенно считаем, что упомянутый остров находится восточнее Японии на указанном расстоянии и вы возобновите исследования, взяв курс к востоку от мыса Японии по параллели $37^1/2^0$ на 350 миль днем хорошим ходом, а ночью с малыми парусами, чтобы его не пропустить, и если упомянутый остров не встретится и еще на сто миль, чтобы быть уверенным, что он там не расположен на упомянутой долготе к северу или к югу.

От этой точки, где вы можете оказаться примерно 20 сентября, вы, в зависимости от времени, состояния кораблей и команды, можете с согласия корабельного совета взять один из двух следующих путей для дальнейшего следования, а именно: один курс снова на запад в широтах 37° — 35° к Японии, чтобы таким образом с уверенностью выяснить, нет ли там желаемого острова или же островов, которые, как говорят, лежат между 30° и 30° в 100-150-200 милях к востоку от Японии, так как считают уверенно, что несколько японских кораблей приставали к ним и привозили оттуда в Японию серебро. Если не встретите ни того, ни другого, то следует взять курс на юго-запад к Формозе.

Другой путь, если западный пассатный ветер не позволит вернуться к Японии, то по предполагаемой широте плывите к юго-западному берегу Америки севернее Кабо де Перцилис или Мендосина около Кабо дель Ауна у Коста Триста, если удастся, останьтесь в каком-нибудь заливе, примерно там, где Томас Кандиш, английский рыцарь, в 1517 г. на 38° находился в удобном заливе, где встретил очень хороший народ и эту страну назвал Новый Альбион, отметив, что достаточно взять немного земли, чтобы установить наличие серебра и золота. Эту страну тогда можно будет попутно посетить, чтобы кое-что узнать об ее положении и дать команде там немного отдохнуть и освежить тем, что там будет найдено и корабли снабдить водой и топливом, чтобы оттуда примерно в юго-западном направлении отправиться прямым курсом к желанному золотому острову или открыть один из островов серебра между 30° и 36° в 100-200 милях около Японии. И если эти острова не будут открыты, то взять курс, как и предполагается в первом варианте, к острову Формоза к концу этого путешествия.

Поскольку мы серьезно считаем, что золотой остров будет открыт восточным курсом и один из серебрянных островов одним из двух путей, то мы инструктируем вас, как вы, находясь на службе компании, должны действовать, так же как вам приписано действовать при открытии Китая, по со следующим добавлением: мы считаем, что эти острова можно посетить с наименьшей опасностью, идя на северо-восток от берега, который вы увидите остров золота на японском Беобис — картах с рекой и гаванью, как вы можете видеть на приложенной небольшой карте,

Если этот большой остров или меньшие острова и их жители таковы, как о них сообщают, а именно, что эти острова очень богаты золотом и серебром и что их население имеет хорошее пропорциональное телосложение, белокожие, дружелюбные, вежливые и цивилизованные люди, то следует на них больше рассчитывать, чем на диких варварских людей, обратиться к ним дружески и сообщить их властям, что вы прибыли из далеких стран искать с ними выгодную торговлю и что вы желаете их снабдить нашими товарами для комфорта их страны. Показывая им товары, которые вам для этой цели переданы, вы должны определить, в большом ли изобилии там золото или серебро, показывая малоценную монету, например, медную из сорта меди «спиантлер», олово или свинец, особо отметив, какую ценность они всем металлам придают и в большом ли значении у них золото и серебро, какие у них рудники и как они добывают его из земли, и как его очищают. Такие сведения позволят получить хорошее представление о самой этой стране. И если обнаруженная страна владеет такими значительными богатствами, что генеральная компания сможет здесь извлекать значительную выгоду, то вы сократите свое пребывание там и после получения самых примечательных вещей спешно отправляйтесь через Формозу, быстро приезжайте сюда, чтобы можно было бы срочно отправить необходимые рапорты. Но вам следует обсудить перед отплытием, не следует ли там оставить двух-трех способных людей, но с согласия и по желанию местных властей, и можно ли сюда привезти равное число островитян, но не против воли местных властей, делая это так, как выше указано в отношении Китая. И хотя мы, в основном, здесь изложили пожелание в связи с вашим путешествием, мы сознаем, что невозможно дать точный приказ на все случаи жизни, мы предоставляем вам возможность действовать вам по вашему усмотрению в надежде на вашу осторожность, бдительность и хорошую осмотрительность и осторожность совета, в надежде, что вы во время экспедиции будете так благоразумны, что она совершится в пользу генеральной компании, и мы не будем неблагодарными за ваше исполнение долга, и если во время вашего плаванья будут обнаружены богатые и для компании выгодные земли или острова, то обещаем всем хорошим послушным членам команд повышения по службе, и мы оценим их заслуги, и вы сами определите разумную награду тем, кто первым обнаружит новые земли, острова, мели, пески, скалы или другие

опасные места, что позволит предупредить возможное несчастье.

Всякую твердую землю и острова, которые будут открыты, вы должны будете взять во владение светлых высокочтимых Генеральных Штатов, как суверенной республики свободных соединенных нидерландских провинций, что можете произвести в незаселенных странах или в таких, которые не имеют владения, путем воздвижения камня в знак установления владения с помещенным на нем гербом страны или флагом нашего принца, ибо такие страны принадлежат по праву их открытия и занятия, но в заселенных странах или в таких, у которых несомненно имеют повелителя, то при присоединения их необходимо иметь согласие их народа и повелителя путем любовного согласия, путем посадки дерева, установления камня, герба или флага принца в память добровольного их присоединения. Но, так как, вероятно, вы как в Татарии, так и на неизвестных островах, найдете большей частью вежливые нации и, следовательно, с законными властями, то по праву тех стран, они не могут быть взяты во владения, и они не захотят добровольно отказаться от своего суверенитета, то потребуется с подобными нациями в соответствии с их принципами заключить договор о дружбе, чему могут служить и возведенные памятники, отмеченные в ваших дневниках с упоминанием имен тех лиц, которые при этом присутствовали и еще будут со временем оказываться на службе нашей республики.

Для того, чтобы путешествие могло быть осуществлено в соответствии с нашим добрым намерением и в соответствии с генеральным письмом и выполнено на службе компании и это все осуществилось во время опасного и длительного рейса, мы и назначили Маартена Герритсена Фриса командором обоих кораблей и тем самым уполномочиваем его поднять свой флаг на большой стене флейта «Кастрикум», созвать совет, на котором ему поручается постоянно председательствовать, и приказывается всем офицерам и матросам без каких-либо исключений, находящимся на кораблях «Кастрикум» и «Брескенс», признать упомянутого Маартена де Фриса своим командиром и руководителем, уважать его и подчиняться ему при всех условиях, помогать ему добрым советом и прилежной службой при осуществлении путешествия и при открытии неизвестных стран, как подобает бдительным и верным слугам, каждый из которых по возвращении назад ответит перед нами.

Совет этих двух кораблей будет состоять из следующих лиц:

командир Маартен Герритсен Фрис, постоянный председатель, капитан Хендрик Корнелисен Схаап на «Брескенсе», помощник купца Биллем Бейлефельт на «Брескенсе», капитан Питер Вилленгсен Кнехтес на «Кастрикуме», старший штурман Корнелис Янсен Кун на «Кастрикуме», старший штурман Иериан Броин на «Брескенсе».

Временный помощник купца Абраам Питтафин на «Кастрикуме» будет как секретарем, так и по требованию и как казначей.

На этом совете будут обсуждаться все дела по ускорению путешествия и выполнению нашего приказа. Командир при этом имеет два голоса, но в делах правосудия привлекаются и старшие моряки, как это диктует приказ наших принципов. Но в делах мореплавания относительно определения курса кораблей, открытия стран и других подобных вопросов младшие штурманы будут иметь совещательные голоса, которые командир выслушивает и принимает решение, которое должно быть дважды зарегистрировано, подписано и выполнено.

В случае, если командир Фрис (сохрани бог!) умрет, то тогда командир Хендрик Схаап его заменит, то он исполнит все части настоящей инструкции и, как его предшественник, будет отдавать приказания всем его подчиненным, как это полагается.

Корабли отправляются с командами из 110 смелых людей, среди которых 10 солдат на каждом корабле, хорошо снабженные амуницией, орудиями и провиантом и на двенадцать месяцев достаточных съестных припасов. Организуйте хорошо и надлежащим образом раздайте команде обычный паек, один день мясной, второй день — сало, один мутси уксуса, половина мутси жидкого масла в неделю, полтора мутси арака в день, крепкого арака на каждом корабле по две бочки для раздачи в холодные дни для команды. Но особенно важно разумно запастись питьевой водой и топливом, для чего снабдите их бочками для воды, чтобы в ней не было нужды и чтобы путешествие не прервалось из-за нехватки воды, не тратилось бы время на ее поиски. Возвращение назад экспедиции, на которую были сделаны столь большие расходы, явилось бы

для всех вас большим позором, а поэтому это следует заранее предупредить.

В заключение этой инструкции мы желаем Вам благословения всемогущего и молим его божественное величество распространить на вас свою милость на намеченные открытия, ваше мужество, на ваше возвращение в добром здравии и на распространение вечной славы нашей родины, особую службу компании и бессмертный почет всех вас.

В замке Батавии, 2 февраля 1643 г. Подписи:

Антонио Ван Димен
Корнелис ван дер Лейн
Иоан Маатсайкер
Июстус Сааутен
Саломон Свиф

ПРИМЕЧАНИЕ К ИНСТРУКЦИИ

Со времен Гийома Рубрука в европейских источниках Китай часто именовался «Катайей». Поэтому в данной инструкции мы всюду вместо «Катайя» пишем: Китай. В те же времена вся северная часть Азии от Китая именовалась «Татарией». Вот почему и пролив, отделяющий Сахалин от Азии еще в XVIII в. стал называться Татарским проливом или рукавом.

Бактрия — территория, расположенная южнее Кавказа в сторону Индии.

«Камбалу» или Камбалык («город хана») — Пекин.

В 1594-1595 гг. голландский мореплаватель Ян Хайген Липсхотен пытался северным морским путем пройти в Китай, но потерпел неудачу: он оказался не в состоянии преодолеть паковые льды в Карском море. Проливом Нассау голландцы называли пролив Карские ворота.

Матиас Кваст в 1639 г. по существу первым попытался осуществить те же планы, которые легли в основу инструкции Фриса, а именно обследовать восточные берега Японии и попытаться найти золотые острова, которые были будто бы открыты испанцами в 1584 г. Кваст обследовал часть восточного берега Японии, но золотые острова он не нашел.

Формоза в настоящее время именуется Тайванем.

Ф. Я. Фиссер и Ферстеген — опытные голландские мореплаватели 30-х гг. XVII в., находившиеся на службе голландской Ост-Индской компании.

Виллем Ферстеген сыграл особо важную роль в возникновении в Голландии интереса к легенде о тихоокеанском золотом и серебряном островах. Именно он, вернувшись из Японии, где он прожил несколько лет, первым сообщил генерал-губернатору Голландской Индии Брауверу, что вблизи Японии по широте 37° имеются золотой и серебряный острова (по-японски «Киншима» и «Гиншима»). Браувер сообщил об этом в Голландию. Поэтому новому генерал-губернатору Антони ван-Димену и было предложено заняться поисками этих легендарных островов. Именно он и послал в 1639 г. Матиаса Кваста с заданием искать острова и осмотреть берега Азии (Татарии) до 42° северной широты. Какая-то болезнь привела к тому, что 38 участников его экспедиции оказались не в состоянии выполнять свои обязанности. Экспедиция была прервана. В 1640 г. Кваст собирался еще раз побывать на севере, но его направили в Малукку для участия в военных действиях. А в 1643 г. на север был послан уже М. Г. де-Фрис.

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О МААРТЕНЕ ГЕРРИТСЕНЕ ДЕ-ФРИСЕ, СОБРАННЫЕ В. Г. ТРИСМАН ПО РАЗЛИЧНЫМ ГОЛЛАНДСКИМ СПРАВОЧНИКАМ

М. Г. де-Фрис родился в голландском городе Харлингене около 1600 г. 22 июня 1622 г. он в качестве простого матроса прибыл в Голландскую Индию (Индонезию) на судне «Герб Хоорна». Вскоре стал использоваться в качестве картографа и землемера. Вскоре стал шкипером. В 1640-1641 гг. успешно служил на Формозе (Тайване), где создал хорошую карту острова, а также составил его описание в виде лоции. На Формозе принял участие в создании фортификационных сооружений, за что получил 600 гульденов. В 1642 г. участвовал в успешном захвате крепости Квелонг на Формозе. Вскоре был зачислен шкипером и инженером в голландский штаб, который возглавлял военачальник Лемотнус. Именно поэтому в 1643 г. ему дали наказ организовать плавание на север на флейте «Кастрикум» и бриге «Брескенс».

После успешного плавания к берегам Японии, Курил и Сахалина ему поручили составить карту плавания 1643 г.

В 1644 г. де-Фрис возглавил голландскую эскадру, которая вела вооруженные действия против испанцев на Филиппинских островах около Манилы. В 1646 г. он вторично на 4 кораблях ходил на Филиппины и участвовал в военных действиях. В 1647 г. уже с 9 кораблями он пытался завладеть Манилой, но потерпел неудачу. На голландских кораблях началась тогда эпидемия, которая привела к гибели многих голландских моряков, в том числе и самого М. Г. де-Фриса.

СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК НА САХАЛИНЕ. ВСТРЕЧИ, ФАКТЫ, ГИПОТЕЗЫ

В настоящее время средства массовой информации достаточно потрудились, чтобы любой, даже самый неискушенный читатель мог ответить на вопрос: «Кто же такой снежный человек?» Реликтовые гоминоиды встречены буквально во всех районах Земного шара от Чукотки до Австралии и от заоблачных гималайских вершин до островов Тихого океана. Еще совсем недавно мой рассказ о снежных людях на Сахалине вызвал бы недоверие и вряд ли был бы воспринят всерьез. Однако во время многочисленных экспедиций по Сахалину приходилось иногда встречать следы гоминоидов и слышать рассказы местных жителей о встречах с этими загадочными существами. Сначала я скептически относился к вопросу о существовании гоминоидов на Сахалине. Но даже когда я окончательно уверовал, что в дебрях Сахалина бродят эти огромные волосатые существа, мне не очень хотелось раскрывать эту тайну для окружающих, чтобы хоть как-нибудь уберечь их от возможных столкновений с цивилизованным миром. Сахалин невелик, и популяция сахалинских гоминоидов, несомненно, очень малочисленна. Всякое вмешательство человека в Природу и в жизнь реликтов ледникового периода может самым драматическим образом отразиться на их судьбе. Варварское истребление лесов леспромхозами Сахалина во многих районах острова уже привело к сокращению и гибели многих представителей нашей фауны. Если мы хотим выжить сами и сохранить жалкие остатки некогда богатой Сахалинской Природы, мы должны незамедлительно прекратить нашу колонизаторскую войну против Природы. Может быть, тогда в ней останется место и братьям нашим старшим — древнейшим представителям рода Гомо — реликтовым гоминоидам..

Попытка продлить их относительно спокойное существование и заставляла меня не торопиться с обнародованием информации о гоминоидах, но настойчивые просьбы секретаря Общества изучения Сахалина и Курильских островов М. М. Прокофьева и президента Общества М. С. Высокова убедили меня в необходимости опубликовать пока еще довольно скуд-

ные свидетельства существования гомиоидов на Сахалине. Большинство этих рассказов услышаны мной случайно, у походного костра. Я всегда интересовался, не когда специально не занимался проблемой снежного человека и сто поисками на Сахалине. Именно поэтому я не всегда помню фамилии своих информаторов и точную дату событий. И все же попытаюсь описать все известные мне прямые и косвенные свидетельства существования реликтовых гоминоидов на нашем острове, оставляя достоверность сведений на совести моих информаторов.

Первое свидетельство о встрече с заросшим шерстью человеком в сахалинской тайге я услышал еще в 1969 году от друга и одноклассника Г. А. Набережных. Он рассказывал, что, отдыхая на турбазе «Озеро Верхнее» в окрестностях г. Чехова, отправился с группой туристов в поход на г. Шпанберга. Где-то в сопках туристы наткнулись на волосатое существо, которое поспешило скрыться. В окрестностях лагеря, оборудованного туристами, было обнаружено убежище дикого человека, напоминавшее шалаш из веток. Услышав этот рассказ, я в свое время не придавал ему значения.

Сам я окончательно поверил в существование снежного человека на Сахалине в 1981 году. В этот год мы с членами краеведческого клуба «Абориген» помимо археологических разведок занимались поисками горных озер в бассейне р. Костромы (Холмский район). В середине октября 1981 г. я с тремя спутниками — Н. Христофоровым, Н. Синельниковым и С. Бизяевым — отправился на поиски горного озера, расположенного в сопках вблизи верховьев одного из левых безымянных притоков р. Костромы, впадающих в последнюю между реками Чудес и Ощупь. У нас была карта, составленная с помощью аэрофотосъемки в 1957 г. На ней в верховьях ручья, вблизи безымянной вершины высотой 420 м было отмечено озеро. Пройдя реку и забравшись на водораздел, мы не увидели и следов озера и решили подняться на вершину «420», в надежде увидеть желанную цель сверлу. Пока Н. Христофоров и С. Бизяев обследовали один из распадков, мы с Николаем Синельниковым поднялись на вершину. День клонился к вечеру. Совершенно неожиданно для этого дикого края мы обнаружили на вершине японский топографический знак в виде вкопанного в землю каменного столбика с иероглифами, а неподалеку от него четко отпечатанный на влажной земле

след босой человеческой ноги внушительного размера — около 40 см.

В связи с этим мне вспомнилось и другое. В конце июня того же 1981 года, когда мы занимались поисками озера Комариного в верховьях р. Костромы, после двух дней хождения по ледяной воде заболел один из моих спутников Игорь Дудakov. Мы остановились и устроили лагерь на высокой террасе правого берега р. Костромы. Шел сильный дождь. Усталые и мокрые, мы забралась в спальные мешки и, дрожа от холода, коротали эту долгую тревожную ночь. Часам к четверем утра дождь стих, и вдруг с соседней сопки донесся резкий отчетливый свист, усиленный эхом. Свист повторился еще и еще раз. Так мог свистеть только человек. По литературе известно, что у гомиоидов существует язык свиста. Этот свист долго стоял в моих ушах. Но только после того, как всего лишь в 12-15 км отсюда, на вершине «420», мы обнаружили след огромной босой человеческой ноги, я уже не сомневался, что и свист, и след — свидетельства обитания в этих краях одного и того же существа — древнейшего представителя рода Гомо.

Следующий случай произошел еще в конце 1960-х годов.

Рассказала мне его одна девочка из краеведческого клуба «Абориген» как семейную тайну, поведенную ей отцом. Отец девочки был охотником-любителем. Однажды он бродил по лесу с ружьем в окрестностях п. Садовники (Холмский район). Остановившись на краю поляны, он вдруг увидел бегущую ему навстречу «огромную обезьяну». Что-то в ней напоминало одетого в шкуру человека. Инстинктивно вскинув ружье, заряженное дробью, он выстрелил в приближающееся существо и бросился бежать. Оглянувшись, он успел заметить, что «обезьяна» убегала от него в противоположную сторону. Возможно, она была ранена и впоследствии погибла от ран. Вернувшись домой, потрясенный случившимся, охотник никому ничего не сказал, т. к. боялся, что убил человека. Лишь спустя много лет, он поведал об этом своим близким... Я услышал этот рассказ в 1983 году.

Один из жителей поселка Шебунино в 1988 г. на раскопках стоянки Ивановка поведал мне следующее. Однажды он с братом вдвоем ехали верхом на лошади по тропе в районе бывшего поселка Первомайск, расположенного в 12 км от Шебунино вверх по р. Шебунинке, Тропа представляла собой узкую ал-

лею среди сахалинского крупнотравья. Рядом с лошадью бежал жеребенок. Вдруг сидевшие на лошади ощутили какое-то оцепенение и в этот момент из зарослей показалась мощная волосатая рука и схватила жеребенка за холку, пытаясь утащить его в чашу. Жеребенок заржал и вырвался, а лошадь рванулась вперед, унося седоков от укрывшегося в зарослях странного волосатого существа. Через неделю в районе Первомайска пропала женщина, которая отправилась в лес за ягодами. Считают, что она утонула в болоте или провалилась в старую японскую шахту. Но не исключено, что ее похитил снежный человек, ведь случаи похищения женщин и детей гоминоидами неоднократно отмечались в печати, а в Тибете одна женщина, исчезнув в лесу, вернулась в деревню через несколько месяцев беременной и вскоре родила от йетти ребенка...

Анализируя этот рассказ, я не мог не обратить внимания на чувство оцепенения, которое охватило седоков. По литературе известно, что гоминоиды обладают даром гипноза. Мне тоже довелось испытать подобное ощущение. Это было еще в 1970 году, когда мы с Ю. Маслаковым исследовали Крильонский полуостров, совершая траверз по рекам Амурской и Урюму. Однажды в верховьях р. Урюм мы расположились на ночлег на галечной косе. Ночью я проснулся от подозрительного шума за стенкой палатки и в этот миг ощутил странное оцепенение. В двух шагах от палатки кто-то ходил, а потом явно осматривал содержимое наших рюкзаков. Продуктов у нас почти не было, и наутро мы обнаружили лишь пропажу выловленной вечером рыбы...

Еще один случай встречи с гоминоидом рассказал мне В.Я. Горобец в 1986 году со слов одного из учащихся СПТУ-1, жившего в поселке Зеленодольск Анивского района.

Одна из жительниц поселка отправилась вечером в окрестности на поиски своей коровы. Вдруг из леса навстречу ей выбежал высокого роста волосатый человек и подбежал к ней, пытаясь что-то объяснить на «иностранном» языке. Женщина от неожиданности и странного вида существа упала в обморок. Когда она очнулась, вокруг никого не было. Она побежала в поселок, чтобы сообщить властям об «иностранном шпионе, одетом в звериные шкуры». Представитель власти, покрутив пальцем у виска, ответил: «Пить надо меньше!».

В 1987 г. один из ребят из п. Яблочный, отдохавший летом

в пионерском лагере «Олимпия», рассказал мне, что однажды рано утром с рассветом двое ребят, отправившись на речку в районе лагеря, увидели убегавшего от них высокого роста «одетого в шубу» человека... Больше всего ребят удивило, что в разгар лета человек был «одет в шубу» и вел себя странно, убегая от людей.

Были случаи зимних встреч с гоминоидами. В декабре 1987 г. по поселку Яблочный прошел слух, что в окрестностях объявился медведь-шатуна и его следы видели в долине реки Целебной за плодово-ягодным совхозом. Через некоторое время я встретился с работником местного лесничества, опытным охотником-следопытом, эвенком по национальности, Николаем Христофоровым. Он рассказал, что отправившись ранним зимним утром в тайгу, он увидел свежий след, пересекавший долину р. Яблочной неподалеку от лесничества — след того самого «медведя-шатуна», о котором слышал накануне. С собакой и пятазарядкой он направился по следу, стараясь внимательно его изучить и пришел к выводу, что этот след — не медвежий. След пересек долину и начал подниматься в сопку. Собака убежала вперед и начала кого-то облаивать. По-видимому, она спугнула какое-то существо, отдыхавшее в зарослях на склоне горы. Охотник не рискнул приблизиться к убежищу, однако вернулся в долину с уверенностью, что след оставлен не медведем. Я думаю, что и в этом случае мы имеем дело со снежным человеком.

Летом 1988 г. А. Нартов рассказал мне следующее: «На окраине г. Томари в небольшом доме жила корейская семья. Однажды зимой, когда за окном бушевала вьюга, а дома находились лишь двое женщин — мать и дочь, кто-то громко постучал в окно. Мать послала дочь посмотреть, кто там пришел. Услышав крик дочери, мать бросилась к окну и увидела в нем обнаженного волосатого мужчину крупного телосложения.

Последний раз я встретил след снежного человека в устье р. Горбуши Невельского района 6 сентября 1988 года. Его обнаружил один из моих спутников по экспедиции вокруг мыса Крильон — Арнольд Егоров. На плотном мокром песке мы увидели мощный отчетливый отпечаток босой ноги человека длиной более 40 см. Когда каждый из нас пытался оставить свой отпечаток босой ноги, следа почти не оставалось. Надо полагать, что существо, оставившее след, обладало солидным весом. След был направлен вверх по реке, но он был единствен-

ным, видимо, гоминоид пересек вброд реку, вступил одной ногой на узкую кромку сырого прибрежного песка, а далее его путь шел по сухому сыпучему песку, где следы недолговечны...

Что же это за существо, с которым иногда приходится сталкиваться жителям Сахалина и других уголков планеты. Ниже я считаю возможным изложить некоторые, пусть далеко не новые, взгляды на происхождение снежного человека — реликтового гоминоида ледникового периода.

Эволюция приматов представляет собой не прямую линию, а скорее разветвленное древо, многие ветви которого являются тупиковыми. Такой тупиковой ветвью явились, например, гигантопитеки, гигантские ленивцы и другие вымершие в эпоху плейстоцена их представители. Одной из ветвей эволюции рода Гомб был человек неандертальский. Неандертальцы жили в эпоху рисского оледенения (100-40 тысяч лет назад). В это время огромные пространства Евразии и Северной Америки были покрыты мощной (до 3-4 км) толщей льда. В Европе ледник доходил до широты нынешнего Киева, а к югу от ледника располагалась холодная, так называемая перигляциальная зона, также не пригодная для обитания. Таким образом, лишь в горных местностях к югу от ледниковой и перигляциальной зон, какими были Гималаи, Алтай, Тянь-Шань, Кавказ, Крым, Балканы, Аппенины, Пиренеи и другие горные системы Евразии, могли выжить в то суровое время представители рода Гомо, Именно здесь, в пещерах, под скальными навесами и в других удобных местах и жили неандертальцы. Контакты в горах затруднены, именно поэтому жили они кровнородственной общиной, т. е. «варились в собственном соку», что не могло не сказаться на их физическом облике. Замечено, что поздние неандертальцы несут черты вырождения, деградации своего физического облика, что, по-видимому, является результатом кровнородственных связей.

Но вот около 40 тысяч лет назад наступает межледниковье, тают великие ледники, освобождаются огромные равнинные пространства Евразии. Климат становится теплее. Различные группы неандертальцев выходят с гор на равнины. Чаше становятся контакты, связи, оживленной общине, развивается язык — средство общения людей, новые условия рождают необходимость приспособления к ним, изобретения новых орудий охоты, жилищ, способов передвижения, приемов добывания и хранения огня, В конечном итоге появляется но-

вый тип человека — кроманьонец. Это случилось около 35 тысяч лет назад.

Но не все неандертальцы покинули свое прежнее место обитания — горы. Потепление климата и изменение природных условий происходило и в горах. Однако та часть неандертальцев, которая осталась на прежнем месте, пошла своим эволюционным путем — не путем создания искусственной среды обитания (жилище, одежда, огонь), а путем дальнейшего приспособления к прежней — природной — среде. Впоследствии они также вышли на равнины, заселили огромные пространства ойкумены, заполнив свою экологическую нишу, не занятую человеком разумным, перешли на ночной образ жизни и продолжают существовать, нисколько не страдая от отсутствия «благ» цивилизации. Сейчас погоня за пресловутыми «благами» цивилизации, ведущая человечество к гибели, стала целью и смыслом существования человека «разумного», в то время как жизнь в согласии с Природой вместе со всеми ее духовными и нравственными ценностями превратилась в неслыханную роскошь. И человечество не очень хочет потесниться на вершине эволюционной лестницы, чтобы уступить рядом с собой место братьям нашим старшим. А следовало бы не только потесниться, но и поучиться у них жить, хотя бы не уничтожая самих себя продуктами собственной деятельности.

А. К. Клитин

ГОРА ЛОПАТИНА

На востоке центральной части Сахалина лежит обширный, относительно малоизученный район — Восточно-Сахалинские горы. Эти горы объединяют множество больших и малых хребтов, вытянутых в меридиональном направлении от Ноглик до залива Терпения.

В их северной части расположена самая высокая точка Сахалина — гора Лопатина. Высота ее 1609 отмечена на всех картах Дальнего Востока и Сахалинской области. Впервые нанесена на карту острова эта гора была в июне 1910 г. геологом П. И. Полевым во время исследований им верховий р. Тыми. В этот труднодоступный район геологическая партия Полевого поднималась по рекам Пиленге и Дыму. В том же году по инициативе исследователя Русское Географическое общество присвоило вершине имя горного инженера И. А. Лопатина.

Имя Лопатина гора получила не случайно. В 1868 г. он первым из исследователей прошел все «непропуски» восточного побережья Сахалина, поднялся по р. Набиль и перевалил в долину р. Тыми. В каком именно месте экспедиция перевалила через Набильский хребет, сказать трудно — дневники, отчет и карта маршрутов И. А. Лопатина до нас не дошли. Однако верховья р. Набиль лежат недалеко от г. Лопатина и с водораздела исследователь мог видеть вершину, которую спустя 42 года назовут его именем.

Однако долгое время слава самой высокой удерживалась за другой вершиной острова — г. Невельского. Дело в том, что топографы ошибочно определили ее абсолютную высоту в 2000 м. Этот географический казус был исправлен только в 1949 г., когда выяснилось, что г. Невельского на 211 м, ниже г. Лопатина.

Гора Лопатина лежит на стыке нескольких горных краев. Помимо двух ветвей основного Набильского, от горы берут начало и другие менее высокие горные хребты: Луньский, Стланниковый, Конечный. На орографической схеме Сахалина эта картина напоминает гигантский веер, который и получил название «лопатинский горный узел».

Гора Лопатина помогла выяснить некоторые подробности геологического прошлого Сахалина. В 1962 г. геологи Г. С. Ганешин и В. В. Соловьев обнаружили на ее северо-восточном склоне огромный кар, продолжавшийся короткой троговой (корытообразной) долиной в долину р. Чамгу. Это было не что иное, как следы деятельности ледника. Впоследствии подобные следы плейстоценового оледенения Сахалина были обнаружены и на других вершинах Набильского хребта, это позволило предположить, что наиболее приподнятые районы Восточно-Сахалинских гор испытали частичное горно-долинное оледенение.

Гора Лопатина резко выделяется среди окружающих ее гор, высота которых не превышает 1300 м. Склоны ее поросли труднопроходимыми зарослями кедрового стланика и ольхи Максимовича, отдельно стоящими искривленными деревьями каменной березы лжеэрмана, реже встречаются отдельные кусты можжевельника сибирского. Вершина горы представляет умеренно крутое продолговатое поднятие, вытянутое почти с севера на юг. Наличие значительных по протяженности высокогорных ландшафтов обусловило на г. Лопатина чрезвычайное разнообразие гольцовой растительности.

В августе 1949 г. здесь побывал известный ботаник А. И. Толмачев. Впоследствии в своей статье «О высокогорной флоре г. Лопатина» он приводит для нее 71 вид растений, большая часть которых характерна только для высокогорий. При этом отмечалась многочисленность среди этого списка разнообразных кустарников и кустарничков: рододендронов, багульников, низкорослых видов ив, филодоце, арктоуса и других. В особую категорию сахалинских эндемиков (т. е. растений, не встречающихся за пределами Сахалина) Толмачев выделил шесть видов растений: вейник Сугавары, мяккою цельнолистную, астрагал сахалинский, колокольчик Уэмуры, эдельвейс сахалинский и соссурею китамуры.

Надо отметить, что Толмачев был одним из первых ботаников, обративших внимание на высокогорную флору острова. До его исследований среди ботаников господствовало мнение о нехарактерности высокогорных ландшафтов для Сахалина и непропорциональности скромной ботанической жатвы» тем усилиям, которые предпринимались для восхождения в эти труднодоступные районы. Усилиями А. И. Толмачева было доказано не только большое разнообразие альпийской флоры Во-

сточно-Сахалинских гор (например, по сравнению с высокогорьем северного Сихотэ-Алиня в Приморье или вершинами Южного Сахалина), но и ее большая самобытность, что подтверждается наличием оригинальных узко эндемичных и узко распространенных растений. Он же указывает на значительную древность формирования высокогорной флоры Восточно-Сахалинских гор и ее изолированность от других районов Сахалина.

Символично, что на склонах самой высокой горы Сахалина берет начало самая полноводная и вторая по протяженности река острова — Тымь. Начало ей дают несколько горных ручьев, питающихся водой тающих снежников (а они в годы с многоснежными зимами лежат в руслах ручьев до конца августа). Какой именно из ручьев и есть река Тымь — ответить практически невозможно: протяженность их велика и почти одинакова. Зимой долины многих из них служат лавинными лотками, по которым съезжают вниз многие тонны снега. Толщина образовавшихся таким образом снежников достигает к началу лета нескольких метров. Склоны горы от лавин предохраняют плотные заросли кедрового стланика.

Вспоминаю подъем на г. Лопатина в августе 1982 г. Тогда, не зная еще всей специфики передвижений в горных районах Сахалина, я начал подниматься по водораздельному гребню горы и сразу оказался в плену у переплетений ветвей кедрового стланика. Но каково же было мое удивление, когда после изматывающего многочасового лазания по стланику на вершине горы я увидел две шестиметровые антенны и маленький домик, где еще сохранились следы присутствия людей. Рядом была вертолетная площадка. Это была АРМС (автоматическая радиометеостанция). Подобные АРМС, установленные в самых недоступных районах Сахалина и Курил, без помощи человека передают в гидрометцентр основные метеопозаказания. С вершины г. Лопатина открылся замечательный вид на самую приподнятую часть Восточно-Сахалинских гор. Отсюда просматривается вторая по высоте вершина Сахалина — гора Граничная, богатая каретовыми полостями — гора Гуран, верховья реки Тыми, Пилengi, Чамгу. Немного к юго-востоку от г. Лопатина лежит плоское, почти треугольной формы, плато, т. н. древняя поверхность выравнивания. До строительства дороги по ручьям Овень и Скалистому, здесь из верховий Тыми в долину р. Чамгу проходила старая охотничья тропа — кратчайший путь к Охотскому морю.

Не остаются равнодушными к этому району и Сахалинские туристы. Однако сильные морозы, лавинная опасность и крутые склоны предъявляют здесь высокие требования к уровню подготовки туристской группы, опыту руководителя. Лыжные восхождения па г. Лопатина совершаются ежегодно и являются своеобразным критерием мастерства группы.

В целом, можно сказать, что ландшафтам горы Лопатина повезло. Верхнетымовский леспромхоз не довел до нее дорогу всего около 10 километров, склоны ее не знали испепеляющих пожаров. В окрестностях уцелели великолепные темно-хвойные леса, верховья Тыми с ее роскошными разнотравными лугами оказались нетронутыми человеком. В сохранившихся участках тайги обитает соболь, кабарга, бурый медведь, северный олень, белка.

По насколько постоянной окажется эта неприкосновенность в будущем? Всего в 10 километрах от г. Лопатина, где интенсивно с применением тяжелой техники, велась заготовка леса, склоны гор покрыты многочисленными оползнями, царит хаос от брошенной древесины и развороченной бульдозерами земли.

На мой взгляд, необходимо зарезервировать верховья р. Тымь и г. Лопатина от возможных вырубок леса, строительства дорог и других видов хозяйственной деятельности.

В то же время, учитывая, что нагрузка со стороны туризма на этот район минимальна, нельзя ограничивать восхождения на г. Лопатина наиболее опытных туристских групп, оформивших маршрут в МКК Сахалинской федерации туризма (при этом под опытом подразумевается и экологическая добросовестность группы).

Вопрос о форме охраняемой территории, наиболее приемлемой для этого района, необходимо решить коллегиально. Возможно, что для этого необходимо провести специальные экспедиционные исследования.

ЛИСТАЯ СТАРЫЕ ЖУРНАЛЫ...

В письме А. С. Лазареву-Грузинскому в 1885 году А. П. Чехов писал: «Все, мною написанное, забудется через 5-10 лет, но пути, мною проложенные, будут целы и невредимы — в этом моя главная заслуга».¹

Более ста лет прошло с тех пор, и время опровергло первую часть предсказания А. П. Чехова, и то же время подтвердило мысль писателя о его заслуге перед отечественной литературой.

Теперь, когда мы имеем возможность читать А. П. Чехова в Академическом издании, изучать его многогранное творчество по многочисленным исследованиям и монографиям, не следует забывать и того, что публиковаться Чехов начинал в самых разных, мелких и крупных газетах и журналах прошлого столетия.

В собраниях Сахалинского областного краеведческого музея отложилась небольшая по объему, но интересная по содержанию коллекция периодических изданий, связанная с именем Антона Павловича Чехова.² Всю коллекцию условно можно разделить на два периода: издания прижизненные (1898-1904) и посмертные (1905-1915 годы).

Не претендуя на глубокий литературный анализ, настоящее сообщение предполагает познакомить читателя с теми журналами, в которых опубликованы произведения А. П. Чехова или критические очерки о творчестве писателя.

Итак, листая старые журналы, изданные в конце прошлого века, мы обнаруживаем в ежемесячном литературном приложении к журналу «Нива» (1898)³ критические очерки Р. И. Сементковского «Что нового в литературе?» Автор, обращая свое критическое перо в адрес героев чеховских рассказов «Человек в футляре» и «Крыжовник», замечает: «Прочтите эти произведения Чехова и вы ужаснетесь той картине современного поколения, которую он нарисовал со свойственным ему мастерством...»

Во второй и третьей книжках «Журнала для всех» (1899) в статьях «Наши писатели» литературовед и лингвист Д. Н. Ов-

сяннико-Куликовский приглашает читателей к дискуссии по поводу рассказа А. П. Чехова «Ионыч», опубликованного в сентябрьском приложении к «Ниве» (1898).

Автор статьи предостерегает, что в одном рассказе не следует искать всестороннего изображения жизни: «...Этот взгляд писателя так выражен, и весь опыт так поставлен и проведен, что внимательный и вдумчивый читатель чувствует присутствие идеала, его тихое веяние...»⁴

В январской книжке приложения к журналу «Нива» (1900) мы вновь читаем работу уже упомянутого Р. И. Сементковского в рубрике «Что нового в литературе?» В статье подробнейшим образом рассматривается рассказ А. П. Чехова «Дама с собачкой». Отдавая дань таланту писателя в изображении главных героев рассказа, критик бичует образ Д. Д. Гурова, негодуя на то, что такие люди, каковым его вывел Чехов, становятся типичными представителями современности.

Эту же тему «типичности» чеховских героев подхватывает В. Альбов в критическом материале «Два момента в развитии творчества Антона Павловича Чехова». Очерк помещен в январском номере журнала «Мир божий» (1903).⁵

Анализируя множество коротких рассказов А. П. Чехова, автор замечает: «В творчестве писателя произошел заметный перелом, в его произведениях все сильнее слышится новое, бодрое, жизнерадостное, то, что волнует читателя. Талант Чехова расправляет крылья, и оставляет впечатление, что у него под ногами появилась твердая почва, и он, наконец, нашел то, что так долго искал...» И как аргумент к высказыванию, В. Альбов рассматривает рассказы «Студент» и «Моя жизнь», «Мужики» и «В овраге». Закljučая обзор, В. Альбов пишет: «...Чехов — оригинальнейший цветок в русской литературе и не менее оригинальный и глубокий мыслитель, и многому у него можно поучиться...»

В двух первых номерах журнала «Вестник и библиотека самообразования» (1903) помещен литературный портрет «Антон Чехов» С. Венгерова.⁶ Свой очерк он начинает так: «Антон Павлович Чехов — один из самых выдающихся современных европейских писателей...» Далее автор дает краткую биографию. Первую часть своего исследования С. Венгерова посвящает творчеству Чехова — Чехонте, аргументированно доказывая, что из самых, казалось бы, невинных сюжетов, та-

ких как «Анюта», «Хористка», «Выигрышный билет», «Муж» рождается, по словам автора очерков, «прямо Достоевский», и на наших глазах происходит превращение Чехонте во всеми признанного писателя Чехова.

В январской книжке «Вестника Европы» (1904) опубликована статья Е. Ляцкого «А. П. Чехов. Его рассказы». Читаем у Е. Ляцкого: «К концу восьмидесятых годов, когда разрыв литературы с жизнью сделался фактом, на литературном попреще появился А. П. Чехов...» Далее критик констатирует, что произведения Чехова вызвали и до сих пор вызывают обширную критическую полемику, называет многочисленных оппонентов писателя, среди которых чаще всего упоминаются имена Н. Михайловского, А. Скабичевского и А. Волжского, в чьих суждениях, по меткому замечанию Е. Ляцкого, больше количества, нежели глубины и разнообразия. Но все оппоненты единодушны в одном: Чехов — талант, отрицание которого было бы заблуждением.⁷

17 января 1904 года в Московском художественном театре состоялась премьера последней чеховской пьесы — «Вишневый сад». В письме Ф. Батюшкову (19 января 1904) А. П. Чехов сообщает: «...Как бы ни было, на первом представлении «Вишневого сада», 17 янв/аря/, меня чествовали, и так широко, радушно, и, в сущности, так неожиданно, что я до сих пор никак не могу прийти в себя...»⁸

На премьеру откликнулись многие журналы, в нашей коллекции хранится апрельский номер «Вестника и библиотеки самообразования» (1904), в котором под рубрикой «Литературное обозрение» известный театральный критик Н. Коробка выступил с рецензией «Вишневый сад» в исполнении артистов московского художественного театра». Вот что пишет Н. Коробка: «...Пьеса Чехова и московская труппа г. Станиславского, как бы созданы друг для друга...»⁹ Далее автор рецензии дает схему драмы современного человечества и чеховского вишневого сада. Называя драматурга художником-мыслителем, критик замечает, что только такой писатель, как Чехов, мог рассчитывать, что такое вдумчивое, своеобразное произведение, каковым является пьеса «Вишневый сад», оказалось понято и принято публикой.

Через полгода после премьеры «Вишневого сада» Чехова не стало. В июльской «Ниве» (1904) помещен некролог «Кончина Чехова». «...Мы уже собирались сдать этот номер в пе-

чать, — пишут редакторы журнала, — когда получили глубоко горестную весть о кончине Антона Павловича Чехова, последовавшей с первого на второе июля, на 45-году жизни. Скорбим вместе со своими читателями...»¹⁰

В июльском номере журнала «Русское богатство» (1904) на смерть Чехова откликнулся его старый и добрый друг, товарищ по перу В. Г. Короленко. В очерке «Памяти Антона Павловича Чехова»¹¹ Владимир Галактионович вспоминает о своих последних встречах с Антоном Павловичем, которые, замечает писатель, «уже были не часты и случайны...» В. Г. Короленко ставит Чехова в один ряд с Н. В. Гоголем, Г. Успенским, М. Е. Салтыковым-Щедриним. Этими именами, считает писатель, почти исчерпывается ряд выдающихся русских писателей-сатириков.

Заключая обзор периодики за 1904 год, обращаем внимание читателей на октябрьскую публикацию в «Вестнике и библиотеке самообразования» «Наши беллетристы и Чехов». Автор материала Е. Колтоновская совершенно неожиданно освещает творчество Антона Павловича: «...А. П. Чехов был, прежде всего, художником, главным образом художником, только художником, а ему выпало на долю быть русским писателем. В войну алой и белой розы трудно жить палевой розе, которая не хочет быть ни алой, ни белой...»¹²

Продолжая листать старые журналы, изданные после кончины А. П. Чехова, замечаем: «Нет! Не угасал интерес ни читателей, ни критиков к творчеству Чехова».

Тщательно и подробно рассматривает пьесы А. П. Чехова литературный критик Н. Коробка в августовском номере «Вестника знания» (1905).¹³

Тот же «Вестник знания» (1908)¹⁴ помещает интереснейшую статью «Начинающий Чехов», проиллюстрированную братом Антона Павловича, талантливым художником Николаем Чеховым.

В седьмом номере журнала «Вестник знания» (1909) в рубрике «Литературное обозрение» помещена статья Я. Козловского «Письма Чехова» (собраны Б. Н. Бочкаревым).¹⁵

В январской книжке журнала «Современный мир» (1910) со статьей «На родине Чехова» выступил одноклассник Антона Павловича по таганрогской гимназии Тан.¹⁶ Статья приуроче-

15. КОЗЛОВСКИЙ Я. Письма Чехова //Вестник знания. — 1909. № 7., С. 367-372.

16. Тан. На родине Чехова //Современный мир. — 1910. — № 1. — С. 163-185.

17. Львов-Рогачевский В. Л. Чехов и новые пути // Современный мир. -1910. — № 2. — С. 1 -17.

18. Ал. Чехов. В. Мелихове // Нива. — 1911. — № 26. — С. 478-483.

19. Брусянин В. Дети в произведениях А. П. Чехова //Житейские встречи. — 1912. — ноябрь. — С. 435-450.

20. Чуковский К. Записная книжка Чехова //Нива. — 1915. — № 50. — С. 932-935.

В. Я. Горобец

САХАЛИНСКИЕ КУРОПЛТЫ

В начале 1990 года в клуб «Поиск» СПТУ-1 обратились сотру-дники УКГБ по Сахалинской области с просьбой оказать им помощь в поиске мест массовых захоронений репрессиро-ванных, поскольку знали из газет о моих занятиях биолокаци-ей, или лозоискательством-древним, но безотказным способом поиска подземных вод, пустот, металлов и других аномалий. Прежде, чем выехать на поиски, ознакомился с исторически-ми документами, письмами, воспоминаниями очевидцев, соб-ранными у В. Л. Подпечникова, заместителя председателя ком-иссии облисполкома по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, а также с архивными материала-ми в управлении КГБ.

В конце мая с двумя своими учениками Е. Ефремовым и Е. Кабизовым выехал на мотоцикле в Верхний Армудан. Пока с Женей «маленьким» ознакомился с местностью и проверял рассказы тех, кто что-то, где-то видел, Женя Ефремов вел опрос очевидцев в г. Александровске. Вскоре мы убедились что напрасно тратим время и силы: информаторы либо созна-тельно искажают факты, либо сами ничего не видели, поэтому кроме коровьих и медвежьих черепов и костей мы ничего не нашли, зато металлические рамки и знание фактического ма-териала позволили в один день установить места нескольких массовых захоронений и места кремации расстрелянных.

Во время второй поездки уже с группой учащихся из «По-иска» были найдены еще два массовых захоронения, около бывшей свинофермы в восьми километрах от Верхнего Арму-дана.

Оставалось сделать главное — доказать, что именно здесь проводились массовые казни. Доказать местным властям, ко-торые, побывав на месте кремации и выслушав мои предполо-жения, высмеяли их, заявив, что, видимо, браконьеры убили оленя, а кости закопали, предварительно спалив их в костре... Мне помогли воспоминания Яна Чеховича, бывшего узника и свидетеля трагедии (см. «Советский Сахалин» № 15-17 за 1990 г.).

Он оказался прав. Места кремации засыпаны метровыми слоями глины и закрыты дерном. Одно из них напоминает

ВИЗИТ МИТРОПОЛИТА ПИТИРИМА НА САХАЛИН

лесной холм длиной три метра. На глубине более метра встречаются угли, а ниже — слой глины кирпичного цвета толщиной до 30 сантиметров. Таких слоев несколько: видимо, не раз здесь жгли большие костры. Найдены фрагменты обугленных человеческих костей. Рядом мальчишки нашли пятилитровый горшок, в котором, вероятно, уносили в ручей пепел и золу. Часть золы и пепла нашли невдалеке, спрятанными под слоем дерна и глины.

Групповые могилы казненных тоже похожи на лесные холмы, но кое-где просматриваются и контуры прямоугольной формы размерами 2,5X2 метра. Как показали вскрытия двух из них — это братские могилы. Их глубина до полутора метров. В одной из них было четыре, а в другой — шесть скелетов. По их позам можно понять, что стреляли в них тут же, у могилы, в которой они в беспорядке лежали. На черепах видны следы насильственной смерти: пулевые отверстия в затылочных, теменных и лицевых частях. К сожалению, грунтовые воды не позволили детально изучить захоронения. Но полуистлевшие остатки нижнего белья, кусочек меха от шапки, найденные неподалеку солонка с надписью «РККА», «чекушки» из под водки, на дне которых есть дата — март 1938, — указывают на то, что именно здесь производились массовые расстрелы в период 1937-1938 годов.

Всего только в районе кремации мы насчитали 53 братских могилы. В пятистах метрах от этого места есть еще одно место с братскими могилами. В окрестностях свиновхоза таких мест мы нашли шесть. Они относятся к разному периоду, судя по методу захоронений; есть поляна, на которой расстрелянные покоятся на глубине до 50 сантиметров.

Живым необходимо сделать все возможное, чтобы увековечить память о безвинно погибших, возродить их честные имена. Одним из возможных вариантов было бы создание мемориального комплекса в Верхнем Армудане и на месте массовых захоронений в районе бывшего свиновхоза.

В один из жарких августовских дней 1990 года, а точнее 16 августа, в пашу область прибыл с визитом высокопоставленный гость: митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим. Впервые иерарх Русской православной церкви столь высокого ранга посетил Сахалин. Одно перечисление званий и должностей митрополита Питирима заняло бы целую страницу, но достаточно упомянуть, что наш гость является профессором, доктором богословия, председателем издательского отдела Московской Патриархии, народным депутатом СССР, членом президиума Советского фонда культуры.

В Южно-Сахалинске митрополит Питирим пробыл ровно сутки, но они были наполнены встречами, беседами, выступлениями перед сахалинцами. Причем, первое выступление по Сахалинскому телевидению было дано буквально через час после приземления самолета в Южно-Сахалинском аэропорту.

На следующее утро митрополит Питирим познакомился с Южно-Сахалинском, побывал в краеведческом музее, на выставке из КНДР в художественном музее, в областной научной библиотеке, где он после знакомства с музеем книгопечатания оставил такую запись: «Потрясен храмом книги».

Одной из главных целей приезда митрополита Питирима на Сахалин было освящение будущего храма, что и было совершено около перекрестка улицы Комсомольской и Коммунистического проспекта. В заключение визита состоялась встреча митрополита Питирима с жителями Южно-Сахалинска на стадионе «Космос». Участие во встрече приняли епископ Хабаровский и Владивостокский Гавриил, архимандрит о. Иннокентий и хор издательского отдела Московской Патриархии. Во время своего кратковременного пребывания в Южно-Сахалинске митрополит Питирим не только познакомился в нынешнем состоянием дел на Сахалине, но и узнал много интересного из истории православной церкви в прошлом, о чем в не столь далекие времена было упоминать не принято.

А. И. Груздев

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ВИЗИТ ОТРЯДА КОРАБЛЕЙ ВМС КАНАДЫ ВО ВЛАДИВОСТОК 3-7 ИЮНЯ 1990 ГОДА

Отряд кораблей под флагом командующего Тихоокеанским флотом Канады контр-адмирала Питера В. Кернса прибыл во Владивосток в составе эскадренного миноносца «Хьюрон», фрегатов «Аннаполис», «Кутней» и транспорта снабжения «Провайдер». В воскресное солнечное утро тысячи жителей города пришли на Корабельную набережную, чтобы приветствовать 1059 канадских моряков, впервые прибывших сюда с визитом. Контр-адмирала П. В. Кернса и командование отряда приветствовали первый заместитель начальника штаба ТОФ вице-адмирал Н. И. Мартынюк и председатель Владивостокского горисполкома Б. Фадеев. Оркестр исполнил государственные гимны Канады и СССР. Между тем по трапам канадских кораблей уже начали подниматься первые посетители, которые подробно знакомились с устройством кораблей и их тактико-техническими данными. Все последующие дни поток горожан на корабли не иссякал.

В доме политпросвещения состоялась пресс-конференция для советских и иностранных журналистов, в которой приняли участие контр-адмирал П. В. Кернс, контр-адмирал В. Г. Овчинников и капитан Т. Ч. Хит. Отвечая на многочисленные вопросы, канадский адмирал, в частности, сказал, что «этот визит — первый, и мы думаем, что он станет отправной точкой в дальнейшем развитии дружеских отношений между нашими флотами. Осуществляя более тесные контакты, мы тем самым разрушаем старые представления друг о друге».

В этот и последующие дни проводились автобусные экскурсии по городу, а группы сошедших на берег офицеров и матросов заполняли центральные улицы Владивостока. Тут и там можно было видеть подтянутых, в элегантной форме канадских моряков. Первый день визита завершился большим концертом ВМС Канады, который они дали для горожан в Доме офицеров флота.

Утром 4 июня командующие флотами возложили венок к вечному огню мемориала славы Тихоокеанского флота. Гости посетили соединение морской пехоты, где им продемонстрировали приемы рукопашного боя, стрельбу по мишеням из грана-

тометов, пулеметов и автоматов, показали боевую технику. На флотском стадионе состоялась встреча по футболу. В последующие дни проводились соревнования по легкой атлетике, гребле, перетягиванию каната.

В дни своего пребывания во Владивостоке канадские гости осмотрели военные корабли ТОФ — противолодочный корабль «Адмирал Октябрьский», сторожевик «Порывистый», атомный ракетный крейсер «Фрунзе», а также аэродром, где базируются противолодочные вертолеты ВВС ТОФ, обменялись мнениями о тактико-технических данных и вооружении боевой техники, о системе подготовки кадров.

Канадские моряки посетили учебный отряд подводного плавания, познакомились с учебной базой будущих подводников, побывали в Тихоокеанском высшем военно-морском училище им. С. О. Макарова, где им также показали учебно-лабораторную базу училища, рассказали о системе подготовки будущих офицеров флота, состоялась встреча с профессорско-преподавательским составом и курсантами училища.

Из Москвы во Владивосток прибыл Чрезвычайный и Полномочный посол Канады в СССР Вернон Дж. Тернер с супругой, которые также участвовали в экскурсиях и встречах с военными моряками и горожанами; в беседах с руководством края и города обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества.

И хозяева города, и канадские гости устраивали приемы и обеды, были организованы концерты и вечера отдыха, канадские матросы встречались с молодежью города. Повсюду царил веселая и непринужденная обстановка.

Но вот наступило 7 июня — день прощания. Будто под стать событию, в воздухе были морось и легкая грусть. Вновь, как и в день встречи, на причале собралось множество владивостокцев, прибыли посол В. Дж. Тернер с супругой, адмирал Г. А. Хватов, руководство края и города, военные атташе с семьями. Звучали гимны обеих стран, торжественным маршем прошла рота почетного караула, играл военный оркестр. Сказаны прощальные слова, закопчена церемония прощания. Выстроившись в кильватерную колонну, канадские корабли покидают Владивосток, взяв курс на Филиппины.

Завершившийся визит стал еще одним звеном в укреплении сотрудничества между флотами и народами Советского Союза и Канады. Он внес свой вклад в дело взаимопонимания и доверия между странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. Латышев

ИЗ НАСЛЕДИЯ БРОНИСЛАВА ПИЛСУДСКОГО

Одной из самых крупных этнографических коллекций Бронислава Пилсудского, хранящихся в настоящее время в музеях Советского Союза, является коллекция Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР в Ленинграде. Она насчитывает более тысячи предметов, относящихся к культуре нивхов, айнов, ороков о. Сахалина.

Исследователи научной биографии Б. О. Пилсудского отмечают, что тесное сотрудничество с Музеем антропологии и этнографии у него началось в начале 1900-годов, когда там начал работать Л. Я. Штернберг, Трагическая судьба «государственных преступников» свела Пилсудского и Штернберга на Сахалине, где оба отбывали наказание и для обоих каторжный остров стал своеобразным факультетом этнографии коренного населения — нивхов, айнов, ороков. Оба впоследствии стали известными учеными-этнографами, хотя научные судьбы у них сложились по-разному.

Начатая на Сахалине совместная работа по изучению языков, культуры, истории аборигенов продолжалась долгие годы, практически до трагической гибели Бронислава Пилсудского. Материалы, связанные с этой работой, отложились в различных архивах страны и пока известны только немногочисленным исследователям научного наследия ученого. В лучшем случае в некоторых работах, изданных за последние годы, они лишь упоминаются. Среди таких материалов в архиве Ленинградской части Института Этнографии Академии Наук СССР, подразделением которого является Музей антропологии и этнографии, хранится рукописный подлинник одной из самых ранних этнографических работ Бронислава Пилсудского, представляющей несомненный интерес для этнографов и биографов ученого.

К сожалению, в архиве не сохранилась история документа. Четыре небольших листа, из которых три заполнены с двух сторон характерным почерком Пилсудского, озаглавлены: «Некоторые ответы на программу сведений по вопросам первоначального физического воспитания у гиляков о. Сахалина».

Они вложены в конверт, на котором другой рукой сделана надпись: «Вопрос о физическом воспитании детей. Гиляки о. Сахалина. 17/XI-98». По-видимому, вся рукопись является ответом на первый вопрос программы, так как перед текстом стоит цифра I. В программе были и другие вопросы. Б. О. Пилсудский в конце отмечает: «Если потребуются разъяснения или ответы на другие вопросы, здесь обойденные молчанием, то они могут быть даны впоследствии».

Вместе с рукописью Б. О. Пилсудский направил в музей шестнадцать предметов, собранных у нивхов селения Хитиниво, которое находилось примерно в пяти километрах от селения Рыковское (ныне с. Кировское) Тымовского округа. Весь собранный этнографический материал относился к теме сообщения, являясь атрибутами ухода за новорожденными у нивхов. Каждый предмет был пронумерован и рядом с русским дано его нивхское название.

Архивный материал позволяет сделать вывод, что первая этнографическая коллекция от Б. О. Пилсудского поступила в Музей антропологии и этнографии еще в 1898 г. Л. Я. Штернберг, уехав с Сахалина в 1897 г., в это время жил в Житомире. В Музее антропологии и этнографии он начал работать в 1901 г., поэтому к «Программе сведений по вопросам первоначального физического воспитания у гиляков о. Сахалина» он, по-видимому, отношения не имел. Еще требуют ответа вопросы, кем подготовлена программа, кто ее направил Б. О. Пилсудскому. Одно несомненно, уже в то время научный авторитет молодого ученого был достаточно высок, и архивный материал хорошо подтверждает его правомерность.

**Некоторые ответы на программу сведений по вопросам
первоначального физического воспитания у гилияков
о. Сахалина**

1. Омовение над новорожденным производится в первый раз приблизительно на 5-ый день после появления его на свет. В первый раз моют намоченными в холодной воде стружками смородинного прута, которые имеют вид нашей мочалы. Затем насухо вытирают ребенка заячьей кожей. Потом уже моют водою тоже холодной, набирая ее предварительно в рот и из него выливая на ребенка, три раза в день до году,* когда купание прекращается. Моют в юрте над берестовою постелью «эплян тур» (№ 10); если же потом мать ребенка долго живет в балагане, устраиваемом для рожениц, то в этом балагане.

В люльку кладут только на 3, 4 или пятый день и тогда одевают ребенка в рубашку, надевают ему обувь и шапочку. Рубашку иногда моют. Никогда туго не пеленают. Ребенок остается в люльке лишь на день. На ночь его раздевают до гола и кладут в берестовую посудину (№ 10) головой к низкому концу, у высокой стенки помещается таз, а ножки в коленях перегибаются, опираясь на край высокой стенки. Под ребенком находится одна подстилка из дрели (№ 11), а дальше под тазом накрошенные гнилушки (непреренно лиственного дерева, но никак не хвойного), служащие для впитывания в себя мочи. Покрывается ребенок тою же одеждою, что и мать, рядом с которой он кладется в упомянутой посудине. У самих гилияков мужчин и женщин обычай снимать на ночь все за исключением коротких подштанников.

Ведерко (№ 12), из которого набирают воду для омовения ребенка, ни для чего другого употребляться не может. Набирать воду из другой посуды нельзя. Оно охраняется от загрязнения крышкой из бересты, чего другая посуда не имеет.

Для того, чтобы ребенок в люльке был постоянно сух, подкладывают ему к мочеполовым органам язычек из бересты, по которому моча течет вниз в привязанное малое берестяное ведерко (№ 9). В нем находятся накрошенные гнилушки, впитывающие мочу, что даст возможность свободно качать ребенка

* По передаче других женщин моют ребенка 2 раза в день в то только 6 или 7 дней, затем моют уже по 1 разу, следовательно, можно предположить, что существует в этом отношении большое разнообразие.

без боязни вылить мочу на нары, над которыми висит люлька.

Люльку качают, когда хотят усыпить ребенка. Ее подвешивают более вертикально, когда ребенок бодрствует, и горизонтально, когда ребенок спит.

К люльке приделан пруттик, согнутый в обруч, на который навешивают какой-нибудь платок или кусок легкой материи — летом, когда мухи мешают ребенку спать.

Грудь начинают давать ребенку через 1 или 2 дня после его рождения. Затем начинают прикармливать в разное время, не раньше 6 месяцев и не позже году, смотря по здоровью ребенка. Некоторые считают, что прикармливать можно тогда, когда у ребенка есть уже передние зубы. Дают ребенку юколу, ягоды, икру (все это можно с нерпичьим жиром), но предварительно разжевывают куски взрослые (мать) и дают затем ребенку, передавая иногда прямо изо рта в рот. Гилияки, живущие вблизи русских селений, дают вначале малым детям еще и разжеванный хлеб и рисовую кашу. Ползать понемногу начинает ребенок приблизительно около 6 месяцев, а около году он уже делает попытки ходить.

Мать рождает непременно вне дома, в особо устраиваемом вблизи юрты балагане. Но в нем она находится и довольно долго — летом, и всего несколько дней — зимою в крепкие морозы.

Колыбели существуют у гилияков только прямые.

На время перекочевков колыбель с ребенком привязывается к спине матери или отца.

Гилияков нельзя все-таки считать племенем кочевым, так как многие никогда не трогаются из своих селений. Недостаток рыбы заставляет некоторых (живущих по рекам) переезжать на берег моря (в селения береговые), где рыба появляется еще зимою. У всех гилияков летние юрты строятся отдельно от зимних, вкопанных на половину в землю.

Все прилагаемые предметы куплены в селении Хитини-во, лежащем в 5 верстах от селения Рыковского Тымовского на о. Сахалине округа; рядом с русским дается и гилиякское название предметов:

1. Люлька	— чахк
2. Постель	— чахк-ляцир
3. Рубашка	— ляршк

4. Одеяло	— мукськ
5. Нагрудник	— тэерк
6. Шапка	— пак
7. Обутки	— ки
8. Верстовой язычек
для проведения мочи	— вйн
9. Собиратель мочи	— имкын-кърш
10. Ночная детская постель	— эплян-тур
11. Подстилка ночная	— тур-ляцир
12. Ведерко для воды
при умывании	— нинал-гур-лиултк
13. Гнилое дерево
(лиственное)	— крунст
14. Модель юрты	— таф (крыша с правой стороны поднимается, что позволяет различить, где подвешена колыбель)
15. Приспособление для
прикрывания платков	— тась-кыр
16. Игрушки для ребенка	— эллян лекрэнд

Если потребуются разъяснения или ответы на другие вопросы, здесь обойденные молчанием, то они могут быть даны впоследствии.

Бронислав Пилсудский

Архив Ленинградской части Института этнографии Академии Наук СССР. К-V, опись 1, № 76.

Подлинник.

Публикация текста В. М. Латышева

Бронислав Пилсудский.

ШАМАНИЗМ У АБОРИГЕНОВ САХАЛИНА*

Каждый поляк едва ли не с колыбели знает прекрасную фантастическую поэму, которую наш великий поэт-пророк¹ назвал «Анхелли», каждый из нас был восхищен таинственной фигурой Шамана, который был королем, жрецом и колдуном своего племени и возвышенно и гордо говорил толпе сомневающимся в его могуществе соплеменников: «Я — северный Моисей, я совершаю чудеса пострашнее, чем тот, стародавний... ибо во мне большая сила от Бога...»².

Целые легионы польских изгнанников, которые за любовь к Отчизне и свободе ссылались в дикие, по полгода занесенные снегом пространства Сибири, сталкивались, непосредственно общались с подобными жрецами. А те своим вещим словом старались развеять задумчивость белолицых чужеземцев, постоянно обращенных мыслью к родным краям, ворожили бездомным и все время тоскующим скитальцам, что их скитания на чужой земле вскоре окончатся, что после тяжелых испытаний наступит светлая минута в их жизни, блеснет любовь, выпадет и на их долю земное счастье. Не раз вопрошаемые о судьбе подневольного края, жаждущего стать независимым как все другие, более счастливые, народы, шаманы предсказывали страдальцам, что наступит время восстановления справедливости, когда для угнетенных и отчаявшихся воссияют радость и желанная свобода. Слыша это, разумные, обладающие ясным и критическим умом люди, хорошо знающие, что имеют дело с обыкновенным знахарем, может быть, даже обманщиком, охотно поддавались очарованию этой ворожбы. Ибо это отгоняло от них, хотя бы на краткое время, черную спутницу изгнанников — меланхолию, которая редко проистекала из силы и не крылья давала, но камения бросала в их сердца, рвущиеся из этого хмурого, извергающего холод и пустоту края.

Я хотел бы познакомить польских читателей с шаманами и шаманским культом трех местных племен: айнов, гиляков и ороков, населяющих остров Сахалин, на котором я провел 15 лет своей жизни.

* Этнографический еженедельник. — 1910. — Т. XV-XVI (На польском языке).

¹ Юлиуш Словацкий

² Из главы II поэмы.

Начну с айнов, этого загадочного племени, которое согласно последним исследованиям антропологов наряду с цейлонскими веддами было отнесено к группе старейших предшественников белой расы (называемой также арийской или индогерманской).

Своих шаманов айны называют «тусу-куру» (камлающий человек). Точно так же они называют и христианских священников. Шаманизм у айнов развит значительно слабее, чем у двух других первобытных народов, населяющих Сахалин, ороков и гиляков, и еще меньше, чем у племен, обитающих на реке Амуре и дальше на западе азиатского материка.

У айнов культ предков составляет значительную часть их религиозных верований. Умершие деды и бабки, отцы и матери покровительствуют потомкам, однако могут лишить их своего благоволения и причинить им неисчислимые неприятности и несчастья. Из этого вытекает необходимость заботиться о благосклонности теней, почивающих в могилах предков. Наилучшими же посредниками между ними и их живыми потомками являются старые люди, которые заканчивают свою бременную жизнь и как бы уже ступили одной ногой в невидимый мир, населенный их предшественниками. Авторитет и влияние старцев у айнов огромны. Они возносят молитвы богам, приносят им жертвы и управляют ходом всей жизни племени. По этой причине шаманы у айнов не играют той роли, что у других народов, у которых индивидуумы, отправляющие религиозные обряды, постепенно образуют особые касты жрецов, стремящихся господствовать над всеми проявлениями общественной жизни.

Шаманизм у айнов не достиг такой степени развития, чтобы обряды этого культа, совершенствуясь со временем превратились бы в законченное религиозное учение, которое можно было бы постичь путем систематического изучения.

Должность шамана не является наследственной. Шаманом человек становится не по своей воле и порой совершенно этого не желая. Обычно в молодости будущий шаман чувствует какое-то неопределенное стремление к одиночеству. Человека, который часто уходит из дома и бродит задумчивый по берегу моря («Упарэ-чю-Айну»), подозревают в том, что он становится орудием вселяющихся в него духов, называемых «косимпу». За таким человеком родственники стараются следить, опасаясь, как бы с ним не произошло чего-нибудь дурного, ибо тако-

го рода прогулки нередко кончаются каким-либо несчастным случаем: потерей сознания и исчезновением в лесу либо падением в воду. Один старый шаман рассказывал мне, что однажды он потерял сознание и почувствовал, что поднимается, словно птица, к облакам, во время полета он все время боялся, что упадет и убьется, но все обошлось, и он счастливо очнулся на песке у берега моря. Родители, которые со страхом искали его повсюду, нашли его бредущим по заливу по колено в воде. Тут все уразумели, что это «косимпу», подняли его в небо, чтобы показать ему различные дороги, которыми после странствовала его душа. Тотчас приготовили необходимые приспособления для исполнения шаманских обрядов, подали ему и он начал бить в бубен, скакать и петь, ибо «косимпу» вселились в своего избранника. Другой шаман объяснил мне начало своей карьеры следующим образом: было ему тогда лет 30 и однажды пошел он на обычную осеннюю охоту на соболя. Вдруг ему показалось, что все окружающие деревья сильно накренились и среди них он увидел человеческое жилье, но каждый раз, когда он хотел к нему приблизиться, виденье исчезало. Потом он увидел в отдалении двух богато одетых айнов и направился к ним, но они также моментально исчезли из глаз. Вернувшись домой, он рассказал родственникам об этих необыкновенных встречах, и они запретили ему ходить на охоту. Год спустя он спокойно сидел на нарах, как вдруг в него вселилась какая-то непонятная сила и он начал кричать так, как кричат шаманы, выбежал из юрты и бросился в море. Его вытащили, дали в руки бубен — с тех пор он стал шаманом.

Ни одного из обоих упомянутых шаманов, как впрочем и остальных (во время моего пребывания на Сахалине их было 8 на 1360 айнов), нельзя заподозрить в какой-нибудь соматической болезни, никто из них не страдает эпилепсией или конвульсиями, как многие шаманы сибирских племен. Однако, повышенная нервная возбудимость, а иногда и угрюмость явственно запечатлены на лицах айнских колдунов, а об их склонности к галлюцинациям можно судить по приведенным здесь воспоминаниям.

Трудно убедиться в том, являются ли они просто обманщиками, ловко пользующимися суеверием соплеменников, или сами свято верят в свою сверхъестественную силу. Следует скорее допустить последнее, поскольку обыкновенный обманщик не способен впасть в такой сильный экстаз, который был бы

достаточен для того, чтобы завладеть душами своих слушателей, хотя бы и простачков. Никто из айнов не сомневается в искренности своих шаманов и только по-разному оценивают способности каждого из них. Одних из шаманов они считают могущественными, всевластными, других — неудачливыми и слабосильными.

Характерными качествами людей, из которых отбираются шаманы, являются: впечатлительность, доходящая до нервической аффектации, экзальтация, актерские способности, наблюдательность и сильное воображение. Такие черты зачастую передаются по наследству, поэтому айны верят, что свои способности шаманы наследуют от отцов или дедов. Есть вроде бы также и особые местности, в которых рождаются шаманы, а есть такие, в которых их никогда не было. К последним относится южный Сахалин, а к местностям, богатым на пророков, причисляют его север. Тамошним исключением является большая старая деревня Тарайка, в которой некогда, во время гражданской войны, убила одного шамана. Обиженные духи-помощники этого шамана решили покарать деревню и с тех пор не вселяются ни в одного из ее обитателей.

Обычно больше всего шаманов объявляется в деревне Уссуро на западном побережье и дальше на севере до границы с гиляками, т. е. около 50 градусов северной широты. Здесь, собственно, чаще всего происходили контакты с проезжающими с материка ольчами и гиляками, которые съезжались для закупки различных мехов и их обмена на привезенные ими манчжурские товары. Временами приезжие оставались у айнов на год или несколько лет, сами охотились и следили за своими должниками. Эти амурские обитатели вместе с товарами завозили и некоторые новые понятия, неизвестные айнам ритуалы. Шаманские сеансы нравились айнам больше всего. Лично я убежден в том, что шаманизм проник к ним с Амура именно этим путем и вытеснил прежде практикуемые тут колдовские действия и способы борьбы со злыми духами. Я укрепился в этом предположении, когда мне айны с острова Хоккайдо сообщили, что и на этом острове шаманы встречаются тем чаще, чем ближе деревня расположена к северу. Очень много встречается их в деревне Сои, самой северной точке острова, в которой некогда были ярмарки японских и сахалинских айнов, переплывающих на утлых лодочках пролив Лаперуза для закупки риса и различных изделий.

Шаманами бывают и мужчины, и женщины. Среди восьми знакомых мне шаманов было две женщины, но обе считались очень неспособными и не снискали такого доверия, как мужчины. Иные отзывались о них пренебрежительно, мол, они под руководством чертей научились плясать и колотить в бубен, но выведать или чего-нибудь выпросить у богов не способны.

В северных деревнях восточного побережья мне показывали четырех женщин, которые очень часто, находясь дома, начинали кричать подобно шаманам. Один мальчик, зная, что я очень хочу услышать их пение, посоветовал мне принести как-нибудь в юрту одной из этих айнок пихтовых веточек и бросить их в огонь. Дым от горящих веточек одурманит женщину, и она будто бы возмечет непреодолимое желание кричать пошамански. Однако, согласно преданиям айнов, женский пол сильнее в чарах, чем мужской. Так, например, в предании о похищении лисом души прекрасной женщины, жены богача, богач обращается к шаманам, чтобы они открыли ему, где он должен искать свою жену. Три мужчины так и не смогли узнать место ее пребывания, а одна, самая младшая из трех приглашенных женщин-шаманок, находит лиса и украденную им женщину.

Предание о мысе Тюлений (находящемся в заливе Терпения) гласит, что он был сотворен чародейскими заклинаниями дочери одной айнки и бога моря. В обоих случаях мы видим одно из доказательств существования у айнов в недавние еще времена матриархата, строя с преимущественным влиянием в семье и первобытном роде женщины-матери; следы этого заметны у айнов достаточно сильно и сейчас. Одновременно с постепенным снижением роли женщины исчезала и ее внутренняя сила, необходимая колдуну, который должен поражать воображение заурядных людей и уметь гипнотизировать окружающих.

Умение насылать и отгонять чары способствует усилению влияния шаманов и укрепляет их власть над толпой. Богатые люди, несомненно, стремились присвоить себе и это звание, придающее им власти над соплеменниками, и без того во всем зависимыми от них. По крайней мере айны рассказывают, что шаманством занимаются чаще всего так называемые «Нишпа», т. е. люди с большим достатком, потомственные главы деревень и родов. Однако, эти поползновения должны были

уступить природному таланту и в настоящее время занятие шаманством совершенно не зависит от общественного положения.

Значительно меньший круг обязанностей айнских шаманов по сравнению с таким, например, племенем, как гольды, шаманы которых участвуют в погребениях и тризнах, способствует тому, что айнские шаманы не отрываются совершенно от обычного способа жизни и не отдаются исключительно эзотерической деятельности. Они ведут свое собственное хозяйство либо совместно с родственниками, как и все остальные их земляки. Однако охотой они занимаются мало, ибо шаману опасно отходить слишком далеко от дома, где он не сможет выполнить требования своих духов, которые нередко твердо и настойчиво требуют от него работы, т. е. участия в шаманском камлании.

Шаман с шаманкой никогда не вступают в брак, я допускаю, что объяснение этому следует искать в инстинктивном гармоническом подборе для нервной и впечатлительной натуры — спокойной и ровной половины. В противном случае супружеская жизнь была бы слишком тяжелой, а то и просто невыносимой. Женщины в жизни шаманов играют важную роль, отчего я полагаю, что их следует считать натурами чувствительными и страстными. Например, один знаменитый шаман имеет двух жен, одна из которых вдвое моложе его; другой, будучи в преклонном возрасте (60 лет), женат на молодой 20-летней женщине. Наконец, о третьем шамане мне рассказывали, что он женился на своей племяннице, несмотря на сильное сопротивление родственников, которые считали этот брак греховным, кровосмесительным. После смерти своей жены шаман вскоре женился во второй раз.

По понятиям айнов, шаман за свою работу должен был брать плату даже от близких родственников. Ибо в противном случае духи-помощники откажутся ему помогать. Вознаграждение не очень велико. Сам шаман размер платы никогда не определяет, это было бы непростительной оплошностью. Пользующиеся его услугами сами определяют величину и качество вознаграждения соответственно своей признательности и зажиточности. Наиболее желанными для шаманов подарками являются металлические и кожаные предметы, как, например, секиры, крючки, набойки для рукоятки японского меча, ремни и т. п. Обычно за лечение, помимо других подарков, шаман получает также пса, которого запускают в юрту во время камлания, чтобы добрые духи видели его и проявили больше усер-

дия, отгоняя хворь. Этого пса шаман не может использовать долго, он должен его вскоре убить, принеся в жертву этим духам.

Еще не было случая, когда бы шаман разбогател, благодаря подношениям. Наиславнейший нынешний шаман, старик 57 лет, имеет более чем нищенский домик, несколько псов и гораздо беднее любого своего обыкновенного земляка. А у старейшего из живущих сейчас шаманов, занимающегося этим делом свыше 50 лет, нет ни собственной юрты, ни семьи, и он вынужден жить поочередно у нескольких своих племянников.

Айнские шаманы не связывают себя присягой, как якутские шаманы, которые клянутся, что «будут опекунами несчастных, отцами для бедных, матерями для сирот», либо такой, которую дает шаман у бурятов, что «приглашенный к богатому и бедному одновременно, пойдет вперед к беднейшему» и что никогда не будет требовать платы за свой труд сверх того, что ему дадут добровольно». Однако, постоянная забота об уменьшении человеческих страданий развивает и у айнского шамана более широкий кругозор и пробуждает больше альтруистических чувств. С шаманом всегда приятно поговорить, как с человеком, которого фантазия уносит чаще и дальше границ тесной обыденности. В нем также чувствуется малоизвестное на низкой ступени человеческого развития сострадание не только к своим, но и к чужим людям, также страдающим, печалющимся, несправедливо обиженным слепым, жестоким роком. Все вопросы, связанные с загробной жизнью, со сверхъестественными существами, шаману всегда известны лучше, чем простому айну. Мне не раз приходилось при определенных касающихся этой категории явлений объяснениях слышать, что детальней и лучше я могу об этом узнать у шаманов. Правда, шаманы не всегда склонны к объяснениям и очень суверенны в разговорах о сверхъестественных силах природы. То у колдуна какое-то дурное предчувствие и он опасается сболтнуть лишнего, чтобы не повредить себе, то он молится о хорошей погоде и, прежде чем она наступит, должен сохранять покой и сдержанность в разговорах, то один из духов улетел далеко и только по его возвращении шаман согласится что-либо поведать о его особенностях и т. п.

Шаманы вообще очень осторожны и сдержанны в отношениях с людьми, и с чужими, и с земляками, держатся в стороне, с ними нелегко подружиться. С великим трудом мне удалось упросить одного шамана, которого я хорошо узнал за два года,

чтобы он позволил себя сфотографировать. Он все время твердил мне, что может потерять свою силу, что духи покинут его за такую дерзость. Эту нелюдимость, стремление обособиться от людей, уединиться, можно объяснить необходимостью распространять свое влияние на окружающих и одновременно бессознательным опасением его утратить.

Шаманские камлания разыгрываются не слишком часто. Айны, равно как и другие первобытные народы, еще не способны к выполнению каких-либо обрядов по привычке, для простой проформы. Просьбы к богам у них всегда искренние и вызваны какой-либо конкретной потребностью или несчастным случаем, или эмоциональным потрясением. Шаман никогда не напрашивается сам, он ждет, когда его позовут. Иногда он предпочитает, чтобы его подолгу упрашивали, ибо жаждет почувствовать, что ему доверяют, что ищут именно его помощи.

Болезни, согласно верованиям айнов, делятся на две категории:

1) обычные недомогания либо более серьезные расстройства организма, вызванные очевидной причиной, например, сломанные кости, поранения, чахотка, глазная болезнь и т. п. Эти болезни излечивают старухи и вообще окружающие с помощью различных трав, примочек и т. д.

2) Ко второй категории относятся непонятные болезни, преимущественно болезни внутренних органов, а также хвори, связанные с температурой, а часто с более или менее длительной потерей сознания. Причину таких болезней айны видят в том, что больным овладевает злой дух, называемый «Куннесам». Изгнать его из тела больного и тем самым излечить его в состоянии только шаманы.

Некогда при тяжелых родах роженицам помогали шаманки. Сейчас этот обычай сошел на нет. Допускаю, что в этом сказало влияние северных соседей, у которых женщину во время родов удаляют из юрты и помещают в специально сооруженном для этой цели временном шалаше, так как роженицу считают нечистой. От многих айнов я слышал, что в случае бесплодия обращаться к шаману нельзя, поскольку для него это дело является слишком грязным и его духи могут оскорбиться и лишиться его в дальнейшем своей помощи. Этот взгляд

также следует считать заимствованным, иначе он совершенно не вяжется с прямо противоположным воззрением айнов на женщину, ее функции как продолжательницы рода и даже на обычные регулы, в которых они не усматривают ничего нечистого. Напротив, капелка менструальной крови может принести счастье мужчине, если он омочит в ней палец и разотрет ее на своей груди.

Не всегда и шаман чувствует себя способным избавить мучающегося человека от «Куннесам». Один шаман, мой приятель, рассказал мне о некоем хронически больном айне, из которого он не может изгнать гнездящегося в нем злого духа, ибо тогда больному стало бы еще хуже.

Нередко случается, что родственники больного зовут не живущего по-соседству шамана, а из дальней местности, испытывая к тому больше доверия, либо опасаясь соседского шамана, который держит на них зло. Общение шамана с невидимыми духами, изгнание злых демонов невольно наводит соплеменников на мысль, что шаман может накликасть злых духов и бросить чары на особу, к которой он испытывает личную неприязнь. Страх перед мстостью шамана является причиной того, что айны постоянно настороже с каждым шаманом, стараются не задираться с ним, избегают ссор и недоразумений.

Айны верят, что их шаманы более покладисты по сравнению с колдунами соседних ороков, гиляков и мангунов. Однако уже раздаются голоса, распространяющие мнение о злостивости и кровожадности также и айнских чародеев родом с севера, то есть из областей, где контакты и взаимная деятельность соседствующих племен довольно важны и значительны. Быть может, и медленно меняющие свою культуру айны скоро начнут обвинять своих чародеев в дружбе со злыми духами и карать шаманов за использование их адской силы во вред людям. Повторится то, что уже пережили народы, опережающие айнов в духовном развитии.

И сейчас, путешествуя в мало известные места, то есть, вероятнее всего, в места обитания соседних племен, айны везут с собой особые лекарства, которые должны уберечь их от шаманских чар. К самым действенным средствам относится мозг птенчика дятла. Как только путешественник почувствует нездоровье, он спешно пускает себе кровь, чтобы добыть несколько капелек и смешать ее с мозгом дятла, и ставит по-

судинку с приготовленным таким образом снадобьем рядом с собой на ночь. К утру нездоровье обычно полностью исчезает, потому что снадобье пожирает кружащийся над ним дух шамана. Путешественник выздоравливает, но после почти всегда выясняется, что в это самое время умер какой-нибудь шаман, ибо съев кровь, смешанную с птичьим мозгом, он отравился этим губительным для шаманов ядом.

В 1905 году на острове Сахалин разразилась инфлюэнца, унесшая в могилу множество айнов. В связи с этой эпидемией родилась такая легенда: несколько месяцев тому назад умер шаман, по происхождению мангун родом из-за Амура, живший среди айнов больше десяти лет и шаманствующий тут с большим успехом. Перед смертью он открылся, что некогда его дух, бродя ночами в поисках пищи, убил в родном краю человека, и родственники убитого ранили его из засады. С тех пор у шамана в боку осталась незаживающая рана, которая и явилась причиной его смерти. Его дух всегда стоял па страже и отгонял нашествие других враждебных шаманских духов на многолюдную деревню, жители которой его, чужеземца, приютили и обходились с ним по-дружески. Но зато после его смерти на них должны были посыпаться несчастья, от которых шаман охранял их при жизни.

Каждый из шаманов, как уже я вспоминал, имеет своих собственных духов, которые ему во всем помогают, и особых богов, к которым он обращается с просьбами. Обычно ищут помощи у луны, солнца, облаков, огня либо высоких горных вершин, а их посланниками являются бестелесые духи, иногда животные, например: лис, волк, ворона и т. п. Камлая во время колдовского обряда, шаман очень часто старается подражать звукам животных, которые ему служат.

Я приведу рассказы нескольких шаманов об их духах и божках, покровительствующих им:

1. Шаман Чиворокай, 40 лет, находится под сильным влиянием орокских и гияцких шаманов, ибо происходит из местности, где все три туземных сахалинских племени живут рядом. Больше всего ему помогает бог луны или тот человек, который на ней обитает. Также хорошо ему помогает богиня огня. Затем ему помогает бог гор, сходящий в долину в образе медведя. Духом, которого он может посылать повсюду, является ворон.. Посыльным между ним, луной и медведем служит волк. К богине огня он обращается непосредственно. Она так-

же отвечает ему сама. Хотя Чиворокай обладает также доставшимся ему по-наследству клубочком скрученных щеночек (называемых «тоушим»), тот редко ему помогает.

2. Другой шаман, Нишчират, был, насколько я заметил, со мной менее откровенен и сказал мне только, что получил в наследство от своего отца в качестве помощника «бога дневного света». Покровительствует же шаману, по его словам, «бог, находящийся между облаками». Именно от него всегда исходят все советы, выслушав которые, шаман потом вещает собравшимся во время камлания людям. Хотя иногда и случается, что шаману помогают животные, но, по словам Нишчираты, это скорее исключение, обычно же шаманские духи помощник-существа бестелесые. Только у Нишчираты, кроме установленных ритуалов и необходимых для отправления культа предметов, я видел две вынутые из ножен и висящие на стене старые японские сабли, которыми он пользуется как талисманами, дабы отгонять от себя злых духов.

3. Третий шаман, старый Кантэрошке имеет помощником лиса и во время пенья издает звуки, которые айны приписывают этому животному.

4. Четвертый, самый старший из теперешних шаманов, живущий далеко от местности, примыкающей к северным соседям, — Кохко — по мнению айнов, совершенно не подвергся влиянию гиялков и ороков. Старец, едва живой, однажды перед моим отъездом из деревушки, где он жил, вопрошал богов о погоде и дал мне ответ, что 10-12 дней будет стоять чудесная погода, а потом разыграется пурга. Это полностью подтвердилось. По окончании сеанса, по моей просьбе, он объяснил, что главными богами, помогающими ему, являются: бог моря, бог гор и бог солнца. Духи, ходящие повсюду в качестве посланников от богов и приносящие ему указания от них — это три скрученные клубка щеночек (тоуши). У него, кроме этого, есть много разных слуг, которые помогают ему в пенье, издавая различные, свойственные им звуки. Таких слуг у него очень много. Из фауны: заяц, пес, лис, соболь, орел, вороны (двух видов), чайка; из предметов: лохань, японское ведро, котел, ступа и пестик (деревянные), крюк для котла; из флоры: некоторые растения и кедровые орехи.

Действительно, айны мне рассказывали, что Кохко прежде славился своей шаманской деятельностью, так равно и пень-

ем, во время которого он умел издавать различные звуки, свойственные перечисленным здесь животным и предметам.

От айнов я слышал еще об одном шамане, имевшем, в своем распоряжении духа-помощника в образе птицы, и поэтому во время пенья издававшим звуки подобно этой птичке: «чак-чак».

Все духи шаманов живут постоянно на облаках и во время сеансов прилетают к своим повелителям, а после окончания совместной работы возвращаются назад в небесные сферы.

Бывают случаи, когда дух оставляет своего господина и тогда шаман не способен ни молиться, ни петь, ни танцевать. Так, в 1905 г. шаман Чиворокай мне жаловался, что один из его духов ушел и не возвращается и это мол, вызвало у шамана болезнь и великую слабость во всех членах. Он и на самом деле выглядел истощенным, с ввалившимися глазами. От других айнов я узнал, что у него постоянно была рвота. Наконец, в эту деревню за рыбой случайно поехал другой шаман с западного побережья. Его упросили совершить шаманский обряд, на котором присутствовал и Чиворокай, и сразу же после этого, ему полегчало, ибо его дух, привлеченный пеньем и ударами в бубен, приблизился, и, по-видимому, вот-вот вернется к нему. Айны не допускают мысли, что шаманы могут занемочь подобно обычным людям. Каждую их болезнь они приписывают какой-либо провинности со стороны шамана и рассматривают как кару, ниспосланную ему на это богами либо шаманскими духами.

Один шаман (Чиворокай) признался, мне, что его духи часто лгут и он имеет только одного правдивого, но ни один из моих знакомых шаманов не подтвердил мне того, что имеет как злых, так и добрых духов. Об этом я слышал от старых айнов. Если у шамана злых духов больше, чем добрых, и злые сильнее добрых, то и сам шаман вскоре умрет, и помочь хворым может с большим трудом. Если же в распоряжении шамана больше добрых духов, то злые духи его боятся и не могут причинить зло ни людям, ни самому шаману.

Айны хоронят шаманов не на общем кладбище, а чуть в стороне. В его могилу не кладут бубен, ибо это лишило бы родственников возможности унаследовать его дар. Но кожу с бубна сдирают и бросают ее в лесу, а рядом ставят оструганную палочку, называемую айнами «инау». А для нужд друго-

го шамана оставляют старый обруч, который обтягивают новой кожей.

Для большей же уверенности, что духи шамана остались в его семье, умершему вкладывают в левую руку, вплоть до самого момента погребения, скрученные шепочки вербы, «тоуши», а после втыкают их в шапку, которой шаман пользовался во время танца. Это очень часто способствует появлению в скором времени нового шамана в этом самом доме, часто в его собственной семье.

Перед кончиной некоторые шаманы уверяли прощающихся с ними родственников, что при нервом восходе солнца или луны они выйдут из могилы и вознесутся на небо. Поэтому они просили родичей, чтобы те хорошенько прислушивались не послышатся ли из могилы удары в бубен. Если в могиле было тихо, это означало, что умершие при жизни совершили нечто постыдное и в наказание угодили в подземный мир, где, по понятиям айнов, живут все умершие люди.

Иные из айнских шаманов — ловкие фокусники, завоевывающие большую популярность, удивляя и поражая различными трюками воображение своих наивных сородичей. Эти чудеса всегда разыгрываются в ночное время. Ибо тьма — самая желанная стихия для всяких духов. Шамана связывают по рукам и ногам, возле него кладут бубен и тушат свет. Вскоре все слышат, как к дому подходит какой-то человек и тихо ударяет в бубен. Это знак, что дух уже явился. Он начинает сновать по юрте, подходит поочередно к каждому из собравшихся и тот, кого он коснется палочкой, имеет право спросить его о чем-то. Удар по ноге или полу сверху вниз означает утвердительный ответ, а перемещение палочки справа налево — отрицательный. Когда раздувают огонь, дух исчезает, а шаман лежит связанный на том самом месте, где его положили.

В другой раз протянут в юрте длинный шнур, скрученный из лыка вербы; к нему привязывают маленькие звоночки. И снова, как только присутствующие погружаются в темноту, слышатся звуки бубна над шнуром, который дрожит, отчего позванивают звоночки. Это проделки духа, потому что шаман лежит связанный так, как это хотела публика. Шаман, у которого есть такой своевольный дух, умеет добывать огонь, соединяя между собой два кусочка дерева, хотя все предварите-

льно убедились в том, что у него ничего, кроме этих кусочков, в руках не было. Что эти трюки и в самом деле бывают очень искусными и любопытными, доказывает такой факт: один из таких шаманов-умельцев получил за свои фокусы несколько сотен рублей в награду от японских промышленников. Значит, своей ловкостью он изумлял не только наивных сородичей, но и куда менее легковверных цивилизованных японцев. Сейчас такие фокусники встречаются все реже и мне не довелось увидеть их трюки воочию. Однако несколько раз я был свидетелем обычного шаманского обряда и позволю себе привести тут описание одного из них, который мне удалось записать со всеми подробностями.

Это происходило на берегу вечношумящего Охотского моря после захода солнца, потому что только в эту пору шаман возносит свои молитвы. Из одной юрты слышались расходящиеся по всей погруженной в вечернюю тишину деревне медленные, глухие, по явственным удары в бубен. Мне объяснили, что это дают знать о шаманском сеансе. Необходимо было выведать у богов, как помочь мучающемуся уже две недели от высокой температуры мальчику. Вместе со всеми в ту юрту поспешил и я. В ней царил полумрак. Немного светлее было возле огня, у которого виднелась спокойная и даже по своему красивая фигура шамана, сорокалетнего человека с черной бородой и сравнительно интеллигентным лицом. Казалось, он не обращает внимания на входящих. Тем временем юрта быстро наполнялась народом, а воздух, точно улей, гудел от говора взрослых и смеха молодежи. Однако, свойственного айману веселого оживления не было. Во всем чувствовалась приглушенность, отвечающая близящемуся торжественному акту. Наконец, шаман словно очнулся, высыпал из трубки остатки пепла и подал знак, к нему подошло несколько молодых людей, чтобы помочь ему облачиться. На нем был обычный халат из крапивы, в котором он и остался. Ему лишь перевязали длинными щепками ноги под коленями и руки выше локтей, па голову были надеты старая почерневшая шапка и корона из щепок, скрученных наподобие шнура, к ним был подвязан такой же белый шнурочек. В него были воткнуты три новехонькие, только что приготовленные, кудряво заструганные палочки длиной 8-10 см; две по бокам короны и одна спереди, они смахивали на маленькие рожки. Сзади к короне были привязаны длинные, развевающиеся щепочки, сверкающие своей свежесрезанной белизной. Эта корона на-

помнила мне тот «венеч из мертвых ужей», которым Словацкий короновал своего правителя-шамана.

В короне обретаются шаманские духи, которые начинают действовать с момента водружения ее на главу шамана. Наконец, двери плотно закрыты и завязаны, чтобы никто не мог их отворить. Неожиданный треск легко мог бы помешать шаману. Существует даже легенда, что чародей может внезапно умереть, если кто-нибудь нарушит тишину, открыв в самый неподходящий момент скрипучие, как водится, двери. Близ принаряженного шамана положены два одинаковых предмета, похожие на церковные кропила. Только у этих «такуса» — так они называются — рукоятки короче, а расщепленный пучок щепочек длинее и волнистее. Наконец, шаману принесли бубен, изготовленный из кожи кабарги, с которой тщательно удалены все шерстинки, и натянутой на овальный обруч толщиной в два пальца. С обратной стороны к бубну привязаны веревки, сходящиеся у небольшого колечка. Шаман схватил их левой рукой и держал в ней бубен, а в правую руку ему подали меньшую, в 7 аршин, плоскую палочку, слегка выгнутую посередине, а у конца обшитую собачьей шкурой. Шаман начал нагревать и подсушивать бубен, держа его над огнем, чтобы кожа натянулась и он звучал звонче. В огонь подбрасывали по одной пихтовой ветке, от которых подымался густой дым и распространялся смолистый запах. Запах расходился по всей юрте, но больше всех вдыхал его сидящий возле огня шаман. Видимо, шаманские духи находят в этом запахе особое удовольствие.

Вскоре можно было убедиться в действительности этого средства. Тихие, слабые стопы, свист и шипенье послышались из уст шамана. Время от времени он нервно зевал, стонал при этом, словно его терзает какая-то боль. Одновременно раздалась легкие, но быстрые дробные удары в бубен. Раз от разу они звучали все сильнее и реже. Усиливались также исходящие из груди чародея звуки. Невозможно было поверить, что они принадлежат человеческому существу, настолько велико было разнообразие звуков. Временами мне сдавалось, что я слышу лай псов либо волчий вой, а следом нечто похожее на воронье карканье и писк птенчиков либо, наконец, довольно искусное подражание скрипу деревьев, колеблемых бурей. Совершался слет духов-помощников. Шаман встал, и, не переставая колотить в бубен, маленькими размерными шажками начал свой танец, а точнее, плавное, ритмичное

кружение вокруг огня. Поначалу пение было завлекающим, похожим на стон, жалобным, но вскоре стало задушевым, торжественным. Напевные слова заклинаний через каждые два такта переходили в протяжные бессмысленные звуки. Вдруг раздался крик, полный ужаса и угрозы и уже в иной тональности посылались частые, резкие, пронзительные звуки. Шаман словно почувствовал приближение злых духов и пытался отогнать их криками, а потом, взяв уже описанное кропило, начал размахивать им над собой в различных углах юрты, изгоняя прочь невидимых упырей. Через минуту, однако, он возобновил прерванную было молитву, испрашивая богов о милости и жалости к больному мальчику.

Пенье каждой строфы всякий раз заканчивалось негромкими ударами в бубен. Их такт все время менялся: то один сильный удар в середину бубна и два слабых в его нижний край, то, наоборот, два слабых и быстрых, а затем один сильный либо два одновременно в замедленном темпе. Иногда шаман держал бубен возле лица, словно щит, в таком положении, что звуки, срываясь с бубна, отдавались, в будто бы вымершей юрте, слабым приятным эхом. Топот босых ног был настолько тихим, что несмотря на воцарившую тишину, его не было слышно. Длительная без перерыва около часа церемония утомила шамана, у него началась одышка: едва не потеряв сознание, тихим, изменившимся голосом он попросил, чтобы ему дали пить. Глаза его были полузакрыты, лицо выражало отвращение и страдание. Наступила короткая пауза. Шаману подали две чашки воды: в одну из них бросили несколько пихтовых иголок, а в другую — веточку сильно пахнущего багульника. Эти растения считаются лучшими средствами для поддержания экстатического состояния у шаманов. Сразу после такого питья шаман энергично начал легкими шажками танец в тесном пространстве юрты от огня до двери и обратно. Крики становились все сильнее и резче.

Близилась кульминация действия: из уст шамана вот-вот должны были бессознательно вырваться слова, из которых станет ясно, как следует лечить больного. Хранящая образцовое спокойствие публика, включая детей, хотя, может быть, несколько оглушенная и утомившаяся, сейчас напрягала слух, ни на секунду не спуская глаз с маячившей вокруг гаснущего огня фигуры шамана. Наконец, прерывистыми словами соб-

равшимся были возвещены указания богов. Некоторые из них, в особенности, отец хворого, вытянули шеи, вслушиваясь в таинственные слова, которых никогда после шаман уже не повторит; да он и не смог бы этого сделать, даже если бы очень захотел: он не помнит их, когда к нему возвращается сознание. На этот раз указание богов гласило: найти березу у восточного подножья сопки, содрать с нее клоч бересты и вырубить щепку, из которой нужно сделать небольшое «такуса» и повесить над постелью больного. В его одежду же вшить колючки дерева «Crataegus». Нужно было сделать все это завтра утром на восходе солнца. Выслушав божественный наказ, простачки с облегчением вздохнули, искренне веря, что это поможет больному. Шаман танцевал и пел еще какое-то время. Его голос вибрировал, то поднимаясь, то понижаясь, а порой совсем пропадая. Наконец, возгласами «ша-ша-ша-ша» и взмахами кропила (такуса) шаман стал изгонять из всех углов юрты своих духов-помощников, присутствие которых стало теперь не нужным. Он закончил сеанс и уселся перед огнем отдохнуть, а публика начала медленно покидать юрту. Не было слышно ни шуток, ни смеха. И взрослые, и дети прониклись торжественным актом, доставившим зрителям столько же удовольствия, сколько и возбудившим в них ощущение бессилия и ничтожества перед невидимыми и могущественными существами, правящими миром и людьми, перед непостижимой тайной бытия.

Из приведенного выше описания видно, что шаманский убор у айнов очень прост. Вообще этот наряд по мере его перемещения с запада на восток, все время упрощается вследствие ослабления самого шаманского культа. С другой же стороны тут даёт себя знать приспособление нового культа к старым айнским обычаям и верованиям, что известно из истории эволюции всех религий. И айны, соответственно этому, приспособили к шаманскому ритуалу употреблявшиеся у них «инау», то есть длинные щепочки или палочки с размочаленными и оструганными концами, зато привычный якутам и другим племенам халат у айнских шаманов не прижился. Даже обвязывание тонкими и длинными щепочками ног и рук, о котором я уже упоминал, перешло к айнским шаманам от гиляков. Вообще же айнские шаманы, избежавшие чужого влияния, используют во время своих сеансов только следующие вещи:

1. Бубен (каче) овальной формы. У шамана в ходу обыч-

но два бубна. Один — мужской, сделанный из шкуры козла, и женский — из шкуры козы. Первым бубном шаман пользуется, если больна его жена, дети или вообще кто-нибудь из домохозяев; женским — для лечения чужих людей. Изредка на бубен натягивают кожу оленя. Это, однако, новый обычай, введенный в последние несколько десятилетий, с тех пор как айны, заимев огнестрельное оружие, могли подстрелить чужого зверя, которого прежде с близкого расстояния из лука убивать им не удавалось.

У одного шамана я видел бубен, обтянутый кожей косули, однако, по его словам, у нее были клыки, словно у самца.

2. Палочка для битья в бубен. Иногда ее рукоятка оканчивается резной головкой какого-нибудь фантастического животного. У шамана Нишчираты были три вырезанные головы никому неведомого зверя «кусаку», который смотрит внутрь человека и рассказывает шаману обо всем, что касается болезни хворого.

3. Корона, сплетенная из щепок (хэтомое), в которую во время сеанса вплетают новые шнурочки из щепочек и привязывают длинные топкие щепки (цимесиу инау), спадающие на затылок наподобие косичек. Всякий раз, когда пользуются короной, приготавливают также маленькие палочки из вербы (кики), которые втыкают в нее с трех сторон: с боков (горизонтально) и надо лбом (вертикально). Сплетенный из щепочек шнурок прикрепляется к короне навсегда, а палочки и длинные щепки через несколько дней вытаскивают и втыкают среди других «инау» позади юрты.

Когда корона становится слишком тяжелой, мастерят новую, а старую прячут в сундуке с пожитками и талисманами. В эту «Хэтомое» обычно втыкают клубок из щепочек «тоуши», в котором чаще всего обретается вся сила чародея.

4. У некоторых шаманов бывают также короны из темной, украшенной разноцветными лоскутками материи (называемые нойхоюпу). Шаманки пользуются ими постоянно, а шаманы в тех случаях, когда отправляются в отдаленную местность.

5. Два кропила «такуса», которые мастерят непосредственно перед каждым сеансом. Одно из «такуса» — мужчина, другое — женщина. Это последнее выбрасывают на двор к

«инау», находящимся позади юрты, сразу же после сеанса, а мужское «такуса» вешают над бубном на стене, но через 2-3 дня выбрасывают и его. Тогда же прячут в травяную торбу и корону, а на стене остается один бубен.

6. Во всех шаманских обрядах обязательно используют пихтовые ветки, которые в огромном количестве жгут непосредственно перед сеансом, а также в его процессе или в перерывах, когда шаман отдыхает.

7. Используют также ветки багульника, которые, как я уже описывал, служат для укрепления духа шамана. (Иногда ему во время отдыха дают немного риса с морской капустой).

8. Некоторые айнские шаманы позаимствовали у гилеков хвост с железными погремушками. Однако такой хвост прикрепляют не во время носящей мистический характер церемонии, а по ее окончании, для смеха. Я видел однажды шамана, который, закончив обряд, устроенный с целью исцеления больного, снял свою корону, надел на голову матерчатое кольцо и опоясался поясом с привязанными к нему сзади железными пластинками и трубками разнообразной формы и вида. Под этим шевелящимся железом к поясу была привязана подушечка, набитая травой, предохраняющая тело шамана от ударов во время танца. При каждом движении или подскоке чародея железо брэнчалось, что очень забавляло зрителей, настроенных во время такого представления шуточно и весело. Таким образом, религиозный обряд соседей для айнов стал своего рода сценическим представлением и, как я заметил, отлично забавлял и зрителей, и актера.

Все предметы шаманского культа должны быть изготовлены непременно другими людьми. Сам шаман ни во что не вмешивается. Подать, повесить, укласть, вынести орудия колдовства — все это обязанности его окружения, то есть обычных людей. Уже на этой стадии человеческого развития мы видим зачаток разделения труда между людьми, обладающими различными способностями.

Однако и среди айнов можно встретить отдельных людей, настроенных к шаманам скептически, как и вообще ко всякому колдовству, и доискивающих своим критическим умом естественных причин явлений на этой трудной и долгой дороге, которая на протяжении тысяч человеческих поколений

привела к современному научному знанию. Я должен отметить здесь факт, свидетельствующий об общности элементарных черт психики у всех народов и во все века.

Один из таких айнских маловеров, богатый и влиятельный человек, серьезно заболел, как раз в том городишке, где я случайно находился. Я привел к нему лекаря и тот запретил ему выходить из дома, прописал лекарства. Я был уверен, что айн точно исполнит предписание, ибо знал, что он верит европейской медицине, уже дважды ездил на воды в Японию и это ему здорово помогло. Поэтому я был сильно удивлен, когда на завтра, придя навестить своего приятеля, не застал его дома, через пару дней я снова увидел его больного, лежащего в юрте своих родственников в айнской деревне, расположенной от городка на расстоянии 60 км с гаком. Мне сообщили, что приглашенный шаман уже изгнал злых духов, вселившихся в тело больного, и есть надежда, что тот вскоре вернется в нормальное состояние. Сам больной, измученный, сломленный физически и душевно, может быть в глубине души даже сожалеющий о своем прежнем недоверии к силе колдовских чар шамана, отказался принять предложенные мною лекарства и выразил надежду, что талисманы, сделанные для него по приказанию шамана, вернут ему здоровье скорее.

Чтобы доставить удовольствие толпе, шаманы нередко но только уверяют, что адский дух изгнан из тела страдальца, что он извлечен из него и при этом на его теле не осталось никаких отметин или ран, но даже показывают вещественные доказательства этого. Таковыми доказательствами сверхъестественной силы шамана обычно являются какие-нибудь мелкие предметы: гвозди, монеты, шепочки, камешки, жучки, кусочки дерева и т. п. Уже совершенно сознательно обманывая свою легковерную паству, шаман демонстративно показывает какой-либо предмет по окончании сеанса, заявляя, что именно он причинял боль и муку пациенту.

Значение айнских шаманов невелико в области религии и того меньше — в этнической; оно основывается исключительно на их лечебной практике. К шаманам обращаются в случае сильной, прогрессирующей слабости; выведывают, как избежать болезни во время свирепствующей эпидемии. Охотники, неожиданно лишившиеся охотничьей удачливости, просят подсказать, что они должны делать, чтобы счастье вернулось к ним. Некоторые шаманы умеют находить вора, совершивше-

го какое-либо воровство, что, к слову, на той ступени развития, на которой находятся айны, случается крайне редко. Перед дальней дорогой к шаманам обращаются с просьбой дать совет, когда нужно выехать, чтобы избежать противного ветра и опасного волнения моря, чтобы путешественнику сопутствовала отменная погода. Встречаются шаманы, умеющие утишить метелицу, успокоить взбаламученное море; другие же, наоборот, являются «дождеделателями», обладают силой вызывать ненастье, ливни и бури.

Я приведу здесь несколько шаманских молитв.

Вот молитва, выражающая просьбу айнов о ниспослании совета, можно ли ехать в море на лов тюленей: «Дух мой, люди пребывают в сомнении, посему, дух мой, жалься над нами. Я вопрошаю тебя от их имени, ибо они обратились ко мне. Посему, вы, духи, помогающие мне, сочувствуя мне, поведайте мне все, ничего не скрывая. Пусть я открою это людям».

А вот ответ шамана внимающим ему айнам:

«Итак, вы, люди, выжидающие погоду, всматривающиеся в ясное небо, жаждущие увидеть хороший ветер! В этом году борются друг с другом добрые и злые ветры. Мне повели об этом боги. Если вы отправитесь в море, будьте осмотрительны и осторожны. Когда начнет дуть ветер с гор, спешно возвращайтесь назад и тогда лишь спокойно пускайтесь в море, когда ветер будет дуть с моря. Так мне советуют боги».

Шаман, совершающий в какой-нибудь юрте свой обряд впервые, в начале сеанса молится богине очага, находящегося в ней. Следующая молитва относится как раз к этой категории:

«Нами поставлено бабунио,¹ внук людей, которых ты охраняешь, имеет тяжелое сердце (то есть печален). Мы надеемся, что ты из сострадания сжалишься над ним. Внук здешних людей очень болен. Поэтому этой ночью я обращаюсь к тебе с единственным словом просьбы. Вместо людей ты скажи богу дома об этом, ибо твой долг быть послом (между богами и людьми). Ты расскажи все богу этого дома, а заканчивая свою просьбу, урони на этого бедного человека луч своего света».

¹ «Ciare achi» — это название богини домашнего очага, используемое в молитвах.

Потом шаман обращается к своим духам, прося совета как вылечить больного, поэтому предварительная молитва отвечает именно такому случаю.

«Мои духи! В эту ночь, сейчас, в бубен бить я буду, сострада (больному). Посему вы, духи, силу свою влейте в меня и жальтесь над этим бедным больным человеком. Будет хорошо, если сегодня в эту ночь вы передадите мне свою мощь. Ибо вы — боги, ходящие по облакам, имеющие огромную силу. Сегодня немножко поделитесь ею. Основывайте надежду на старых талисманах.¹ Духи мои, понесите слова с мольбою о жалости».

«Пес есть существо, сошедшее с небес. Поэтому люди посылают этого лающего зверя вместо себя к богу самых высоких гор. Если бы вы нас явственно предупредили — было бы хорошо».²

Сделайте так, чтобы мы могли надеяться, что бог (солнца) прольет лучи своего света на этого несчастного ребенка. Мои духи! Злые люди удручены, и я тоже — человек, поэтому прошу вас возыметь для них сочувствие. Об этом прошу вас».

После этих молитв шаман получил с помощью своих духов откровение и вот в каких выражениях (напеваемых им) уведомил ожидающих совета людей:

«Завтра, когда вы пробудитесь, поставьте богу, хранящему дом, «инау» с кружочком, знаменующим солнце. Это «инау» пусть будет сделано из дерева, верхушка которого обращена к земле. Поставьте это «инау», чтобы его божественная сила, сила его лучей, вошла в ваш дом. Используйте од-

¹ Я записал эти молитвы в одной хорошо знакомой мне деревне, когда туда во время болезни маленького ребенка позвали шамана, а одновременно были вытаснены и развешаны все талисманы этого дома, завернутые в скрученные из шепочек шнуры. Эти талисманы не имеют отношения к шаманскому культу, а являются архаической частью первобытных верований айнов.

² Убийство пса и насаживание его головы на высокие «инау» во время чьей-нибудь болезни — свойственный айнам обычай, существовавший еще до их знакомства с шаманизмом. Пес почитается у них лучшим связным между людьми и богами, потому что сам вместе с волком пришел на землю с облаков. Айнский шаман верит в силу просьб пса намного сильнее, чем в силу просьб своих духов. Пару раз я видел, как пса убивали во время чьей-нибудь болезни и даже в отсутствие шамана.

ного из псов как связного, именно на него я возлагаю главную надежду. После того, как сделаете то, что я вам велю, прикажите мастерить одно красивое «такуса» и повесьте его над изголовьем. Прикажите содрать кору с березы со стороны, обращенной к востоку, и пусть сделают из вырубленного из нее кусочка кружочек, как для рукоятки меча. Этот кружочек повесьте рядом с «такуса». В повязку на руке вшейте колючки шиповника. Хотя этот совет не дает полной уверенности в выздоровлении, но если вы, люди, надеющиеся на шаманских богов, спешно исполните все это и послушаетесь всего, что они приказали, то, по всей вероятности, результаты будут хорошими».

После этих слов шаман снова обращается к своим духам: «Мои духи шаманские, все, что я слышал от вас, поведал я людям. Если они это исполнят, то этот бедный человек немного поправится. Мои духи, я благодарен вам».

Своих шаманов айны делают на могущественных (нупуру) и слабых (ахоиан). Есть и средние между ними типы. Нужно хотя бы немного общаться с шаманами, чтобы заметить разницу между различными чародеями в уме и способностях. Это отличие выражается в умении приноравливаться к обстоятельствам и неожиданностям, в наблюдательности, в способности найти удачный ответ.

Два случая, о которых я хочу сейчас рассказать, вполне убеждают меня в этом.

В декабре 1905 г. я перебирался в айнской лодке вдоль восточного побережья из северного айнского района в южный. В деревне Котанкеш мы должны были прервать свой путь, потому что море сделалось слишком беспокойным и наш утлый челн, выдолбленный из цельного куска дерева, легко мог бы опрокинуться. Здесь жил шаман и однажды вечером его упростили продемонстрировать мне шаманский обряд, а заодно вымолить у бога хорошей погоды. Шаман от имени своих духов выразил удовлетворение, что я посетил одну из самых старейших айнских деревень, некогда славившуюся живущими в ней богатыми и мужественными людьми. Но сразу после этого начал кричать, что чувствует запах водки, что духи приказывают мне дать немного водки каждому из присутствующих. Действительно, у меня было с собой немного коньяку и охочие до спиртного айны в дороге постоянно подбивали меня на подношения; не выдержал этого искуса и шаман, сваливая, правда, вину на своих духов.

Самый сильный на Сахалине шаман жил на восточном побережье, в небольшой деревушке, родной для его второй жены. Сам он был родом из деревни на западном побережье, именно там у него было больше всех почитателей и он часто навещал родные места.

Его было трудно застать дома. Наконец, путешествуя в челне дальше, по еще не замерзшему морю, я добрался и до деревни, где жил шаман Нишчирата, который в этот же вечер стал ворожить едущим со мной айнам, делая им хорошую погоду и помнил обо мне, как о своем былом госте.

— «Мои духи были очень мной недовольны, — объяснил мне, — что несколько месяцев тому назад я взял от тебя бумажный рубль, чтобы устроить тебе хорошее, спокойное путешествие на север. Они долго бранили меня и я всерьез опасался, что они покинут меня в наказание за мою жадность. Они не любят деньги, эти грязные бумажки с портретами неприятных им особ. И сегодня, перед тем как я начал свою работу, они предостерегали меня, а я испытывал сильное беспокойство. Но сейчас я разузнал от них, что их недовольствие относилось только ко мне. К тебе они благоволят, и сегодня открыли мне, что ты не принадлежишь к тем, которые пришли сюда, чтобы угнетать нас, отобрав у нас землю наших отцов, обижая наших детей. Они объяснили мне, что ты сын великих и благородных людей, что твоя страна¹ находится далеко от нас и она гораздо красивей и богаче нашей, но так же несчастлива, как и бедная наша земля.

Духи благодарят тебя за то, что ты захотел посетить наш бедный народ, что сочувствуешь ему и много помогаешь нам советами и учишь пашу детвору.² Они повелели мне показать тебе сегодня все свое искусство, ничего не утаивая и не позволили мне лениться, и приказали радушно и со всем усердием принять редкого и достойного гостя. Однако никакой платы за свою работу я не могу от тебя принять, духи строго-на строго запретили мне это».

Долго продолжались танцы, пенье и различные прорицания шамана. Между прочим, он предсказал мне, что я без

¹. Многие из айнов со слов сосланных поляков и японцев слышали о Польше, а также отличали другие народности (татар, армян, латышей) от русских.

². В течение двух зим я обучал в школе айнских детей.

особых приключений уеду с Сахалина и здоровым вернусь на родину. Вознаграждения он не взял, но, уступая моим просьбам, не протестовал, когда я дал серебряный рубль его жене, то есть не бумажный, а металлический, который привередливым в выборе подношений духам был гораздо приятнее.

Вот несколько фактов из шаманской практики, о которых мне рассказывали в разное время.

Один айн (по имени Икун) был женат на молодой женщине из деревни Юречиш. Через несколько лет после замужества женщина тяжело заболела, на ее теле появились язвы. Некоторые считали, что она заразилась сифилисом от японцев. Однако ее родители обратились к живущему в этой деревне шаману. Тот решил, что в ее мужа вселился дьявол и посоветовал им разойтись, в противном случае женщина умрет. Шамана послушались. Икун бросил жену, женился на другой, а больная женщина, почти утратив, правда, способность двигаться, жила после этого несколько лет, а может, жива и по сей час.

Во время моего пребывания на Сахалине в декабре 1905 г. один айн из северной деревни Тарайка, по имени Циминк, увидел далеко в море целое стадо каких-то морских животных, которые всплывали на поверхность моря, у них были рога, как у быков. О своем видении, вызванном, видимо, каким-то оптическим обманом, он тотчас рассказал живущему в этой деревне шаману. Шаман объяснил это таким образом: в настоящее время идет страшная небывалая война между русскими и японцами. Во время битв множество убитых людей падают в море.

Из-за этого у бога русского моря выросли бычьи рога. Это — недоброе предзнаменование, означает, что вскоре разразится эпидемия. Действительно, через несколько месяцев эпидемия инфлюэнзы скосила едва ли не четвертую часть населения этой и соседних деревень.

Другой шаман с западного побережья это необычное явление истолковал иначе. Ороки и айны убивают в заливе Терпения множество тюленей при помощи огнестрельного оружия. Часто раненого или убитого тюленя не удастся вытянуть на берег и он тонет в море без пользы для человека. Тамощные обитатели этим самым нарушают старинный айнский обычай, соблюдаемый на южном и западном побережьях и разрешающий охотиться на разных морских животных толь-

ко колющими орудиями. И вот объявился морской бык, чтобы показать свое недовольство. Это означает, что на жителей севера вскоре падет кара — на них будет ниспослана эпидемия, которая унесет много людей. Под конец прорицания шаман посоветовал не убивать тюленей из ружей, а охотиться с помощью огнестрельного оружия только на лесного зверя.

Предсказания шаманов о том, что наступающий год должен наполнить печалью и страхом души айнов, можно было слышать довольно часто. Мне приходилось слышать их ежегодно. Я не думаю, что это были умышленные со стороны шамана попытки устрашить своих овецек, в случае удачного года показать им, что они были спасены только благодаря его указаниям, расставленным талисманам и другим ухищрениям; в случае же большого количества смертей среди населения использовать этот факт как доказательство своей искусности и дара ясновидения. Ум первобытного человека, беспомощного перед могуществом природы и стихийными бедствиями, столь мало понятными ему, почти всегда угнетен сознанием своей слабости, очень тревожен и проникнут фатализмом. От всего того, в чем мы усматриваем проявления бесконечной красоты, дикарь испытывает страх и чувство опасности. Соприкосновение первобытных народов с цивилизованными расами привносит в жизнь столько новых понятий, так много дает им новых впечатлений и столь радикально меняет материальные условия их существования, что мысль дикарей все больше озабочивается социальными проблемами, и все меньше их внимание приковывают неисчерпаемые силы природы.

Размышления над этими проблемами постепенно становятся отличительной чертой некоторых дикарей, имеющих врожденную тягу к анализу. Их мысль, направляемая сильной фантазией, блуждает, упорядочивает снивелированные и хилые умы окружающих, не умеющих выработать своего собственного стойкого и ясного взгляда на явления таинственной и неизвестной природы.

Южная зона обитания айнов, которая была занята японской рыбацкой колонией в XIX в., а потом заселена русскими поселенцами, не только поставляла меньшее число шаманов, но была гораздо независимей от влияния шаманов. Предсказания чародеев действовали не на всех и мало кто выполнял шаманские предписания, долженствующие оберегать каждый дом от несчастья. Однако это настроение изменилось в процессе русско-японской войны, которая с самого начала при-

несла бедствия для населения острова, отрезанного от всего света и брошенного на произвол судьбы при отсутствии самых необходимых продуктов: муки, риса, сахара, чая, табака, которые раньше обычно завозились японцами, дающими, к слову, айнам солидный заработок путем закупки у них рыбы — главного богатства Сахалина. Опасались также недобротства со стороны русских, которые чувствовали, что айны предпочитают держаться японцев, чья культура была и есть для них ближе по духу. Поэтому все стали строго соблюдать религиозные обряды, без тени скепсиса выполняли указания шаманов, втыкали возле каждого дома при сенях длинную оструганную жердочку («инау»), к которой был привязан все время крутящийся деревянный нож в ножнах из полого сухого ствола (медвежьей дудки).

Это одно из обычных шаманских средств предотвращения дурного: сухой стебель (иногда его заменяют жестяными бляшками) шуршит, колеблясь от порывов ветра, а шум, чад и острые орудия, в данном случае деревянный нож, способны отогнать злых духов, норовящих прокрасться в человеческое жилище.

В это тревожное время, когда шаманам понадобилось заботиться о сохранении здоровья своих подопечных овецек особо, я имел возможность наблюдать, с какой жадностью люди искали их совета и немедленно его исполняли. Когда на севере вспыхнула инфлюэнца и распространилась на юг, Я как-то гостил в одной юрте, в которую только что вернулся из соседней деревни хозяйский сын. Первой новостью, какой он поделился с родителями, было сообщение о том, что шаман рекомендует делать во время свирепствующей эпидемии. Через несколько минут его мать вышла на подворье и вскоре возвратилась с целой горстью колючек шиповника, произрастающего на Сахалине в великом множестве.

Усевшись на полу на своем месте, она начала старательно втыкать там и сям шипы в подбитую ватой одежду мужа, сына и свою собственную, вооружая ее, так сказать, талисманами, которые должны были уберечь их от грозной заразы. Я заметил, что к концу работы озабоченное лицо старушки распогодилось, в глазах ее засветилась успокоенность, когда она подала одежду своему единственному сыну. Она верила, что уж теперь-то надежно уберегла его от хвори.

Воздействие посредством внушения на жизнь первобытных рас еще мало исследовано, но нет сомнения, что оно является

могучим фактором в их борьбе с разнообразными болезнями. Состояние психической удрученности является причиной развития различных соматических заболеваний. Некоторые исследователи первобытных народов, как например, Пешель, Петри и другие, придерживаются мнения, что душевная депрессия, охватывающая дикие племена в случае захвата их территории цивилизованными нациями, служит основной причиной вымирания туземцев во всех частях света. Не стоит, следовательно, удивляться их глубокому почтению к тем соплеменникам, которые поднимают их дух, дают им уверенность в будущем. Понятие о том, до какой степени на первой ступени человеческого развития доходит порой благодарность упавших духом к тем, кто имеет власть над их душами, могут дать приводимые ниже примеры.

У одной молодой айнки налицо были характерные признаки помешательства. На ней испробовали все известные аинам способы лечения сумасшедших. Ее окуривали едким дымом известных растений, скатывали, словно бревно, с горки вниз. Связанную, в мешке, садили, наконец, в клетку и кормили ее, как медведя, сквозь щель в срубе — ничего не помогало. После всего этого больную взялся излечить один шаман из племени ольчей (мангунов), который в качестве купца приехал на Сахалин за собаками и остался в деревушке, где жила бедная женщина, на всю зиму. Его шаманские приемы так сильно подействовали на молодую айнку, что она стала чувствовать себя гораздо лучше, а когда шаман уехал, убежала из дома и упростила забрать ее с собой. Когда, однажды, проезжая по Амуру, я заглянул в одну мангунскую деревню, я слышал, что эта супружеская чета живет в мире и согласии уже 6 лет, что айнка перестала тосковать о своих близких и свыклась с чуждым ей на первых порах окружением. Кто-то даже согласился сообщить ей, что я хотел бы увидеться с нею и мог бы передать ей на ее родном языке вести о родной стороне. Однако прежде, чем посланец успел до нее добраться и прежде, чем обрадованная айнка с мужем и детьми смогла бы приехать ко мне, я, к сожалению, был вынужден тронуться в путь дальше, так как стремился во избежание непредвиденных осложнений как можно скорее выбраться из местности, где со дня на день ожидалось вторжение японцев. Вследствие этого мне не удалось, как я намеревался, расспросить эту женщину обо всем, что она чувствовала во время сеансов, столь для нее целительных.

Однажды я был свидетелем шаманского гипнотического сеанса, который выразился в происшествии иного рода. В мае 1904 года в деревне Тарайка один шаман во время сеанса, на котором я присутствовал, предсказывал, что война между японцами и русскими закончится без особых последствий для Сахалина, что эти народы не одолеют друг друга; в конце предсказания он добавил, что видит неподалеку от нас заблудившийся в тумане японский корабль, который пристанет к берегу, но никому не причинит зла.

Буквально на следующий день я, в сопровождении нескольких айнов, отправился пешком в орокскую деревню. Расстояние до нее было приличное — около 40 километров — и мы, идя вдоль песчаного морского берега, добрались до деревни лишь поздно вечером. Будучи под сильным впечатлением от слов шамана, айны все время вглядывались в морскую даль и, наконец, один из них указал нам на далекую темную точку, которая была, по его мнению, ничем иным, как этим самым судном, пристающим к берегу. Во время привала возле пустых строений японского рыбозавода айны влезли на крышу и окончательно убедились, что шаман сказал правду. Этому было поверил и я, тем более, что айны так убедительно показывали, где находятся паруса, где мачты и где виднеется дым. Только один скептически настроенный молчаливый айн не дал ввести себя в заблуждение оптическому обману и распознал в далеком пятнышке горы, наполовину покрытые снегом и находящиеся именно в той стороне, где виднелся зачарованным аинам-легковерам корабль призрак. А ближе к вечеру и мы, к своему глубокому разочарованию, убедились в том, что предсказанного судна на сей раз, действительно, не было.

Д. Стефан

**КУРИЛЬСКИЕ ОСТРОВА
РУССКО-ЯПОНСКИЙ РУБЕЖ НА ТИХОМ ОКЕАНЕ**

IV

ПЕРИОД ЯПОНСКОГО ВЛАДЫЧЕСТВА

1875 — 1945 г.г.

«Из вод Охотского моря поднимается гора, чьи очертания совершеннее Фудзи. Это Алайд,* самая северная вежа нашей империи».

ИТО Осаму (1926)

Подобно человеку, в руки которого свалилось неожиданное богатство, Япония поначалу не знала, как распорядиться скалистой грядой, протянувшейся до самой Камчатки. Суровый Курильский климат не способствовал деловым инициативам империи. И лишь спустя около двадцати лет японцы начали развивать экономический потенциал архипелага. Но и тогда среди жителей Японских островов нашлось не много желающих поселиться на курильских берегах. Даже в канун второй мировой войны большую часть гражданского населения Курильских островов составляли сезонные рабочие рыбообрабатывающей промышленности. К этому времени значенные архипелага в глазах японского государства определялось скорее стратегическими, нежели экономическими соображениями. Курилам было суждено сыграть последнюю роль в качестве японского плацдарма против США и ненадежного обоярядом в международных договорах и соглашениях.

Управление

Хотя Сахалин и Курильские острова часто упоминались ронительного шита гибнущей империи.

* Согласно легенде курильских айну, Алайд некогда возвышался над Камчаткой, но благодаря злой воле и ревности других гор, переместился в море, оставив после себя Курильское озеро.

Продолжение. Начало см. в №№ 1—2, 1990 г.

моотношения с Японским государством строились по-разному; по разному относились к ним и сами японцы. В отличие от Сахалина, Курильские острова никогда не находились на колониальном статусе. До 1945 года ни одно иноземное государство не захватывало островов Итуруп и Кунашир. Когда в 1869 году географический термин «Хоккайдо» пришел на смену устаревшему понятию «Эдзо», острова Кунашир и Итуруп вошли в пределы нового региона (Хоккайдо), чего не случилось с Сахалином. После приобретения Центральных и Северных Курил в 1875 году Япония включила их в состав государства, однако, Южный Сахалин в Токио считали колонией (подобно Тайваню и Корее) вплоть до последних месяцев второй мировой войны.

В административном отношении Курильские острова управлялись как часть Хоккайдо, хотя время от времени токийские власти предпринимали административные эксперименты, не имевшие, впрочем, особого успеха. В 1869-1871 г.г. Южные Курилы образывали район «Тисима» (Тисима-но купи) и несколько «даймё» (поместий) осуществляли непосредственное управление островами. С 1871 года южные острова гряды были подчинены Хоккайдскому колониальному управлению («Хоккайдо кайтакуси»), которое после 1875 года взяло под свой контроль весь архипелаг. В 1882-1886 г.г. острова были включены в состав провинции Нэмуру («Нэмуру кэн»). С образованием в 1886 году губернаторства Хоккайдо («Хоккайдо тё») Курилы были отданы под юрисдикцию территориального отдела Нэмуру («Нэмуру ситё»). Восемь из тринадцати уездов («гун») провинции Нэмуру приходились на Курильскую гряду.* С 1916 года Центральные Курилы (от Урупа до Онекотана включительно) были переподчинены департаменту сельского хозяйства и лесоводства. Острова Шикотан и Хабомаи составили большую часть уезда Ханасаки провинции Нэмуру, но не считались частью Курильских островов.**

Расположенная на узком полуострове восточного побережья Хоккайдо, провинция Нэмуру имела тесные контакты с Курильскими островами в течение всего периода японского

* А именно: Кунасири (на о Кунашир), Эторофу, Фурэбэцу, Шана, Сибэторо (все — на Итурупе), Уруппу (Уруп, Броутон и о-ва между ними), Симусиру (Симушнр, Райкокэ и о-ва между ними) и Шумшу (Шумшу, Шиашкотан и о-ва между ними).

** Тисима Гайкё. — Нэмуру, 1930. — С. 4—12; Тисима Гайкё. — Саппоро, 1934. — С. 2—7.

Иностранцы охотники и противодействие их проникновению

правления. Образованная вскоре после Реставрации Мэйдзи, деревушка Нэмуру превратилась в оживленный порт с населением в 35.000 жителей (1940). Являясь административным центром Курильской гряды, город Нэмуру, кроме того, соперничал с Хокодатэ в качестве крупнейшей на севере Японии базы тихоокеанского рыболовства. Конторы, консервные фабрики и верфи Нэмуру имели тесные экономические связи с курильскими морскими промыслами. Телеграфная станция и морские коммуникации Нэмуру связывали обитателей Курил с внешним миром; в средних школах города получала образование курильская молодежь.

Управление более чем 50 островами, протянувшимися на 1200 километров в северных морях, ставило перед японскими властями нелегкие задачи. Только солидные капиталовложения, чудеса изобретательности и упорства могли преодолеть огромные трудности, порожденные курильским климатом и удаленностью островов. Географическая обособленность затрудняла административное управление этими районами. Население гряды состояло из различных этнических групп: японцев, япопизированных айну, русифицированных айну и русских, пожелавших в 1875 году остаться на Курилах. Кроме того, здесь поселилось некоторое количество бывших сахалинских каторжников.

Малочисленность курильского населения несколько облегчала задачу администрирования. В 1875 г. на Кунашире и Итурупе проживало лишь около 800 местных айну, к которым в период путины присоединялись 300-400 японских рыбаков, торговцев и чиновников. Около 100 айну и горсточка русских населяли Северные Курилы. Центральная часть гряды (от Урупа до Онекотана) оставалась незаселенной, если не считать стражников и браконьеров. К 1913 году общая численность населения Курильских островов едва достигла 4 000 человек. После 1920 года значительно усилилось заселение Кунашира и Итурупа японскими рыбаками, за которыми последовали учителя, монахи и полицейские. К 1939 году на этих островах насчитывалось уже 18 000 жителей. Кроме постоянных обитателей, в 1920-1930-х г.г. к работе на рыбообрабатывающих предприятиях Парамушира и Шумшу ежегодно привлекалось от 20 до 30 тысяч сезонных рабочих.*

* Тисима Тёсасё. — Саппоро, 1957. — С. 16—17.

На протяжении столетий покрытые бурыми водорослями тихоокеанские берега Центральных Курил изобиловали колониями каланов, тюленей, морских котиков и морских львов. Эти обитатели скалистых берегов и холодных вод находились в относительной безопасности почти до XIX столетия, когда они оказались на грани полного уничтожения из-за возросшего коммерческого интереса к меху и жиру этих животных. Уже в 1870-е г.г. местные японские чиновники остро осознали необходимость мер по предотвращению массового истребления этих ценных животных.

Охота на морских млекопитающих у берегов Курильских островов велась еще до прихода на эти земли как японцев, так и русских. Айну добывали каланов и выброшенных на берег котиков, чтобы обеспечить себя мясом и одеждой. Шкурки каланов и котиков переправлялись в Мацумаэ и Эдо еще в начале XVII века. Районы обитания этих животных японцы называли «Раккосима» (острова морских котиков).

Русские первыми превратили охоту на калана в прибыльный промысел. Начиная с XVIII века, русские казаки обложили северные и центральные острова «ясаком» (дань, обычная собираемая в виде пушнины).

Эти обложения постепенно росли, поскольку истощались камчатские пушные ресурсы из-за варварского истребления животных. Высоко ценимые русскими и китайцами за длинношерстный темный мех и серебристые «бороды», к 1780 году каланы почти исчезли с курильских берегов. Лишь полувековой запрет на промысел калана позволил сохранить и частично восстановить популяции этих животных. С 1828 до 1875 г.г. «Российско-Американская компания» и ее последователи осуществляли некоторый контроль за промыслом калана, для охоты на которого использовались завезенные на Курилы алеутские охотники.*

В 1860-е г.г. курильские каланы впервые приковали к себе внимание англичан и американцев. Обеспокоенные сокраще-

* Тихменев П. А. Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени. Т. 1. — СПб., 1861. — С. 270-293; Гибсон Д. Р. Ресурсы русской пушной торговли. — Мэдисон, 1969. — С. 28—32.

нием китобойных промыслов, они увидели в калане потенциально выгодную замену. В 1872 году интерес к каланам возрос стократ, когда некий капитан Кимберли из Санта Барбара (Калифорния) вошел в порт Хакодате с грузом в триста шкур рок этого ценного пушного животного, добытых на острове Итуруп. Если учесть, что одна шкурка оценивалась на Лондонском пушном аукционе от 15 до 210 фунтов стерлингов, можно себе представить, какое волнение вызвала добыча капитана Кимберли. Спустя несколько месяцев на Курилы устремились промысловые суда из Хакодате, Иокогама, Гонолулу и Сан-Франциско. Едва японский посланник Эномото Буэ скрепил в 1875 году Санкт-Петербургский договор, как купец из Бостона Аугуст Хейз запросил у него приватную концессию на промысел калана в новых японских владениях. Эта просьба была отклонена.*

Некоронованным королем промысла каланов стал неутомимый английский капитан Генри Джеймс Сноу. В 1872-1888 г.г. Сноу предпринял восемь экспедиций на Курильские острова, после чего удалился на покой, чтобы воплотить историю своих странствий в двух знаменитых книгах.** В погоне за богатой добычей, он беспечно пренебрегал опасностями и редко оставался перед самым грубым нарушением законов, установленных природой и людьми. В течение почти двух десятков лет его посещали то фортуна, то несчастья—кораблекрушения, аресты, конфискации добычи, гибель членов команды и надувательство торговых партнеров. Несмотря на свидетельства недоброжелателей и завистников, Сноу менее всего руководствовался в своих опасных приключениях соображениями наживы — скорее он был азартным авантюристом, чего и требовала его необыкновенная профессия.

Истребление каланов коробило европейцев, но отнюдь не в той мере, чтобы заставить их отказаться от ценных шкурок, уже успевших войти в моду. Охота проводилась следующим

* Ваки Т. Тисима и японцы. — Саппоро, 1970. — С. 189; О лондонских ценах на пушнину в начале 1890-х годов см.: Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — Лондон, 1897. — С. 85.

** Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — Лондон, 1897; Он же. В запретных морях. — Лондон, 1910. Американские стратегии второй мировой войны руководствовались географическими и этнографическими описаниями Курил, сделанными Сноу. См.: ВМС США, Штаб морских операций, Исследовательский центр Иельского ун-та. Курильские о-ва. Нью-Хэйвен, 1942; Архив Гуверовского института войны, революции и мира. — Стэнфорд, Калифорния.

образом. Заметив калана (обычно в тот момент, когда он дремлет на куче водорослей), шхуна спускает на воду три лодки с пятью-шестью охотниками в каждой. Когда калан, заметив опасность, устремляется в открытое море, добычу окружают, взяв ее в центр треугольника, образованного лодками. Пузырьки воздуха выдают направление движения животного под водой. Испытывая необходимость в глотке воздуха, калан выныривает на поверхность. И в этот момент по нему открывают огонь с ближайшей лодки. В конце концов измученное и задыхающееся животное нередко идет на отчаянный трюк: ныряет под головную лодку и появляется с другой ее стороны, надеясь обмануть преследователей. Однако, вместо этого калан оказывается внутри рокового треугольника. Когда это происходит, все охотники открывают беспорядочную пальбу, рискуя поразить друг друга рикошетом. Доставленное на шхуну убитое животное тут же обдирается, чтобы шкурка не успела испортиться. Очищенная от жира, шкурка натягивается на распорку, сушится и складывается на нижней палубе.*

1870-е годы стали золотым веком в охоте па калана. После истощения колоний этих животных на о. Итуруп охотники двинулись к северу, к небольшим островам между Урупом и Шиашкотаном. Поскольку каланов истребляли быстрее, чем они успевали воспроизвестись, это животное вскоре стало редкостью. В 1880-е годы это привело к тому, что Сноу и другие охотники обратили свое внимание на морских котиков и морских львов, обитающих в районе Райкокэ.

Хотя мех котиков не шел ни в какое сравнение с мехом калана, потеря в качестве компенсировалась более крупными размерами котиковых шкурок. Кроме того, жир котиков использовался в кулинарии и в качестве светильного масла. Охота на морских котиков была легким делом, тем более, что эти животные редко спасались бегством и обычно встречали свою судьбу с поразительной покорностью. Сноу отмечает, что только в 1881 году на Курильских островах была убито 14 тысяч морских котиков, а один из охотников в течение пяти дней добыл две тысячи этих животных.**

* Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 86—87; Аллан А. Охота на морских котиков. — Лондон, 1910 — С. 25—26 63—64.

, ** Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 84; Он же В запретных морях. — С. 167, 170, 252, 295-296.

Морские львы в последнюю очередь *стали* объектом внимания охотников. Эти внушительных размеров животные (самцы достигают 4 метров в длину и веса около 600 кг) не обладали ни ценным мехом, ни пригодным для человеческих потребностей мясом и жиром. Их добывали в погоне за; усом, желчью, тестикулами и семенными железами, высоко ценимыми китайцами в медицинских целях. Японцы использовали клыки морских львов в качестве исходного материала при изготовлении резных фигурок «нэцукэ».

Тревога японцев в связи с истреблением на Курилах морских животных была обусловлена скорее экономическими, нежели гуманными соображениями. В 1873 году Хоккайдосское колониальное управление учредило на о-ве Итуруп наблюдательные посты. Спустя некоторое время токийские власти направили военный корабль для постоянного патрулирования курильских вод. По настоянию местных властей, МИД Японии объявило двенадцатимильную зону территориальных вод государства.

Эти контрмеры не принесли существенного эффекта, особенно после того, как в 1875 году ответственность за Центральные и Северные Курилы была возложена на Хоккайдосское колониальное управление. Патрулирование курильских вод было столь же малоуспешным занятием для японцев в 1870-1880-х гг., как и для американцев в начале 1940-х. В большинстве случаев браконьерам удавалось улизнуть от наказания. Капитаны зверобойных судов наотрез отказались признать незаконность промысла и чаще всего отделялись от компрометирующей их добычи еще до того, как на борту корабля появлялись японские инспекторы. Другие шумно доказывали свою невиновность, настаивая на том, что совершали переход от Северной Америки на Дальний Восток и зашли на Курилы лишь для пополнения запасов пресной воды. В случаях же, когда браконьеры попадались с поличным, они грозили апелляцией к своим правительствам по поводу «произвола» японских властей, объявляя свой арест незаконным. До отмены экстерриториальности в 1894 году такие угрозы вы-

нуждали японцев быть предельно осторожными в применении к браконьерам юридических санкций.*

Столь же бесплодными были усилия и центрального правительства. Когда власти провинции Нэмуно обратились в 1882 году к влиятельному вельможе Ямагата Аритомо с просьбой о военной помощи, в Токио ворчали, но добавили еще один военный корабль для охраны курильских вод. Два года спустя Курильские острова посетила группа армейских офицеров. Возвратившись в столицу, члены этой инспекторской группы выразили серьезную тревогу по поводу нашествия иностранцев и с чисто неоконфуцианской категоричностью предложили объявить северную часть гряды запретной зоной для всех и каждого. Секретарь кабинета министров Канэко Кэнтаро после своей поездки по Курилам в 1885 году говорил о необходимости усиления патрульной службы, однако к его рекомендациям никто не прислушался.

После 1890 года число иностранных зверобоев на Курильских островах стало стремительно сокращаться, но не активность японской патрульной службы была тому причиной. Охотиться, собственно, было уже не на что. Сноу писал в 1897 году, что на всем Курильском архипелаге осталось не больше 70-80 каланов. Когда в 1911 году Япония, Россия, Великобритания и США подписали соглашение о запрете промысла котиков в открытых морях, им пришлось с грустью констатировать, что охранять уже особенно нечего.

Безудержная охота на морского зверя, обитающего в курильских водах, приносила порой сказочные барыши, но в целом риск вряд ли окупался выгодой. Японские патрули меньше всего беспокоили браконьеров, испытывших на себе воздействие куда более опасной природной среды. Внезапные штормы, мощные течения, губительные приливы и отливы, коварные рифы и непроницаемые туманы создавали условия, чрезвычайно затруднительные для мореплавания.

Русские и алеуты на юге Камчатского полуострова нередко открывали огонь по подозрительным зверобойным судам.

* Сноу Х. Д. В запретных морях. — С. 78, 288-295; Аллан А. Охота на морских котиков. — С. 33, 82, 87; Ваки Т. Тисима и японцы. — С. 192-194; Такакура. История Тисима. — Токио, 1962. — С. 124-128; Тэрасима. Северные Тисима. — Токио, 1939. — С. 177-179; Тарао Тадаро. Тисима танкэн дзикки. — Осака, 1893. — С. 103-104.

В результате рискованного метода охоты на калана — «фатального треугольника» — от случайных рикошетов гибли сами охотники. Сноу приводит любопытные факты, свидетельствующие об опасном характере профессии зверобоя. Из 52 судов, промышлявших калана у курильских берегов в 1872-1895 г.г. — тринадцать пропали без вести, семнадцать потерпели кораблекрушение с человеческими жертвами, пять — захвачены русскими, четырнадцать — бежали восвояси и только три шхуны продолжали в 1895 году вести промысел.*

Незаслуженно дурной репутацией наградила судьба английских и американских зверобоев. Советские авторы хором обвиняют «грабителей» не только в «истреблении» морских животных, но и — в сжигании лесов и насилии над туземными женщинами. Капитан Сноу объявлен «морским Тамерланом», лично уничтожившим 50 тысяч котиков для удовлетворения своей страсти к наживе.* Такое суждение игнорирует тот факт, что наиболее активно зверобойными промыслами занимались и сами русские и японцы. Браконьерство привлекало каждого, у кого были для этого средства и готовность подвергнуть себя риску. Экипаж капитана Сноу и его соперники были исключительными космополитами.

Курильские котики и каланы чудом уцелели от полного истребления в 1870-1900 г.г. В настоящее время колонии котиков обитают на 11 островах, крупнейшими из которых являются Райкокэ, Анциферова, Ловушка и Средний. Популяции курильских котиков насчитывают около 17 000 животных (1956), кроме того, здесь обитает сравнительно небольшое число каланов. Советские зверобои отстреливают, согласно установленной квоте, от 6 до 8 процентов животных в год. Нет нужды говорить, что браконьеры — редкость в век электронного контроля.***

Судьба курильских айну

Айну сыграли важную роль в курильской истории. Они были коренными обитателями островов архипелага. Они рабо-

* Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 87.

** Пушкарь А. Острова Курильские. Южно-Сахалинск, 1960. — С. 94; Сушкина Н. Н. На пути — вулканы, киты, льды. — М., 1962. — С. 15.

*** Клумов С. К. Учет береговых лежбищ сивучей на Курильских островах и ориентировочное определение их численности. // Доклады АН СССР. — Т. 48. № 2 (ноябрь). — 1957. — С. 345-348.

тали и на японцев, и на русских. Их подвергали и «японизации», и «руссификации». Они лишились своих земель и почти полностью вымерли, оставив археологам и антропологам возможность изучать их культуру по многочисленным материальным свидетельствам и памятникам. В конце концов они стали полемическим оружием для целого ряда японских и русских авторов.

Японцы не упускают возможности напомнить об эксплуатации айну русскими казаками, чтобы подвергнуть сомнению русское обоснование прав на владение Курильскими островами. С другой стороны, некоторые советские авторы создают фантастические описания, в которых курильские айну приветствуют русских освободителей от японского рабства. Каждая из сторон обвиняет другую в расовой дискриминации, жестокости и даже — в геноциде.*

В действительности же айну в равной мере пострадали от обеих сторон. Они восставали против русских в 1770 г. и против японцев в 1789 г., после чего впали в апатию, которая сковывала их на протяжении XIX и XX столетий. Трагическая судьба айну обусловлена не столько разрушительным влиянием национальных политик России и Японии, сколько столкновением культур, погубившим этих коренных обитателей Курильских островов.

Было бы заблуждением полагать курильских айну единой семьей, поскольку эта народность делится на две несхожие между собой группы, населяющие северную и южную оконечности гряды. Хотя обе группы родственны в этническом и лингвистическом отношении, они прошли различные этапы развития. Кунаширские и итурупские айну установили тесные контакты со своими хоккайдосскими сородичами, а впоследствии — и с японцами. Они разводили собак, обитали в хижинах, построенных из тростника и коры, ввозили специи, одежду и домашнюю утварь из Японии.

* Пушкарь А. Острова Курильские. — С. 172; Сергеев М. А. Курильские острова. М., 1947. — С. 62-63, 116; Кудашев Л. Н. Из истории Курильских островов // Вопросы истории. — 1963, № 8. — С. 54; Кутаков Л. Н. Внешняя политика и дипломатия Японии. — М., 1964. — С. 313; Ефремов Ю. К. Курильское ожерелье. — М., 1951. — С. 76; Такакура. История Тисима. — С. 46, 49; Ваки Т. Тисима и японцы. — С. 46; Ёсида Сиэн. Северные территории. — Токио, 1973. — С. 34.

На севере — островах Парамушир, Шумшу и Онекотан — «курильцы»* вступали в браки с алеутами и камчадалами, а в XVIII веке пользовались русской одеждой, носили русские имена, говорили по-русски, исповедовали религию русских и в своих земляных жилищах пользовались русскими предметами обихода.

Северные и южные курильские айну торговали между собой в срединных точках — таких, как Уруп и Симушир, но редко вторгались на территорию друг друга, опасаясь недоброжелательства своих влиятельных покровителей. Несмотря на культурную дивергенцию, обе группы постигла одна и та же участь.**

Южнокурильские айну постепенно исчезали от вымирания, ассимиляции и эмиграции. Оспа, сифилис и сакэ истощили здоровье этого народа. Немало айнских женщин покинули своих сородичей ради японских мужчин. Рыболовные и деревообрабатывающие отрасли Хоккайдо поглотили молодых мужчин, оставив на островах слабых и хилых здоровьем. Коренное население Кунашира и Итурупа, насчитывавшее 2 000 человек в 1800 году, через столетие сократилось до нескольких сотен.*** Остатки этого народа сохранились лишь на Хоккайдо, где обитают в нескольких разбросанных по острову поселениях. В 1946 году советские исследователи случайно наткнулись в отдаленном уголке на Итурупе на двух мнимых айну. Каково же было их разочарование, когда оба категорически объявили себя японцами.****

Руссификация завершила обособление северокурильских айну. Когда японцы в 1875 г. получили северную часть архи-

* Русские традиционно именовали северокурильских айну — «курильцами», а их южных собратьев — «волосатыми курильцами».

** О более подробном сравнительном описании северных и южных курильских айну см.: Тории Р. Курильские айны. / Журнал научного ин-та (Токийский императорский университет) — 42 (1919). — № 1. — С. 7—12; Такахаси Фусадзи. Айну на Тисима. — Сираой, 1933. — С. 9—10; Оно Сёдзо. Поселения Шикотана на Южных Тисима. — Токио, 1940. — С. 159—160; Киёно Кэндзи. Северные обзоры. — Токио, 1931. — С. 7—8; Габлер А. Курилы. — Саппоро, 1930. — С. 81—85.

*** Население составляло: 2.000 (1800), 800 (1875), 725 (1891), 620 (1913). — Сергеев М. А. Курильские острова. — С. 126; Андреев В. Курильские острова. Морской сборник. — № 11. — 1938. — С. 81; Габлер насчитывает на Итурупе в 1930 г. 400 айну, но полагает, что они пришли с Хоккайдо. — Габлер А. Курилы. — С. 39.

**** Ефремов Ю. К. Курильское ожерелье. — С. 74—78.

пелага, они столкнулись с местными аборигенами, прожившими более ста лет под русским управлением. Они говорили и одевались по-русски. Они украшали свои землянки портретами царя и изображениями Девы Марии. Они исповедовали религию православной церкви. Они даже пили и ругались по-русски.* Подобная ассимиляция произошла и с айну, находившимися под японским владычеством. На Парамушире и Шумшу в 1875 году насчитывалось лишь 106 айну — жалкие остатки крупных поселений, обнаруженных в 1713 г. Козыревским.**

Сначала японцы не знали, как им быть с новыми подопечными. С целью изучения обстановки на Северных Курилах, для принятия мер как экономического, так и оборонного характера, Хоккайдосское колониальное управление направило в мае 1876 года специальную комиссию во главе с Токито Тамэмото и Хасэбэ Тацуцура. На острове Шумшу японские чиновники собрали всех его обитателей и предложили им самим выбрать гражданство. Девять айну отбыли на пароходе вместе с русскими и алеутами в Петропавловск. Остальные решили не расставаться с землей предков и принять подданство японского императора. Не имея никакого представления о новых хозяевах, айну лишь надеялись, что им будет позволено жить, как и жили, заниматься охотой и рыболовством. Эти надежды не сбылись.

Японские власти постепенно пришли к мысли, что северокурильских айну следует переселить в более подходящее место. Такое решение было вызвано несколькими обстоятельствами. Во-первых, аборигены были зависимы от поставок различных товаров извне. Требовались морские суда, доставлявшие на Шумшу за счет правительства продукты питания, лекарства и одежду. Во-вторых, айну подозревали в поддержке иностранных браконьеров. В-третьих, близость русифицированных айну к границам Российского государства вызывала беспокойство по соображениям национальной безопасности. Хоккайдосские власти предприняли три попытки (1876, 1878, 1882) уговорить айну переселиться с Шумшу и Парамушира

* Головин В. М. Воспоминания о Японии. Лондон, 1819. — С. 242.

** Некоторое к-во айну обитало на о-вах Онекотан и Шиакотан. Но точное их число в этот период остается неустановленным. — Кита Такааки. Тисима Сикотан додзин тэсасё. Саппоро, 1933. — С. 3; Такахаси. Айну на Тисима. — С. 5.

в новые жилища на Итурупe, подкрепляя свои доводы красочными описаниями сказочной природы южных островов архипелага. Но айну упорствовали. Потеряв всякую надежду добиться согласия обитателей Шумшу и Парамушира путем уговоров и соблазнов, летом 1884 года японцы начали действовать.

Переселение айну происходило с 30 июня по 6 июля под наблюдением группы чиновников, представлявших центральное правительство и администрацию провинции Нэмуру.* Айнскому вождю (его звали Александром) и старейшинам в Майруппо было объявлено, что всем обитателям Шумшу следует приготовиться к немедленному переезду на остров Шикотан. Стараясь смягчить впечатление, японцы расписывали прелести Шикотана, называя его чуть ли не сказочным раем на земле. Ошеломленные айну попросили одни сутки на размышления. Посоветовавшись между собой, они ответили согласием, хотя и не проявили при этом особого энтузиазма. Начались приготовления к отъезду. В эти минуты даже японцы почувствовали себя взволнованными. Вскоре пожитки были уложены. То, что нельзя было взять с собой — животные, лодки и жилища — было уничтожено. Когда погрузились на корабль, японский чиновник, проверив айну по списку, обнаружил, что не явились трое.**

Жизнь переселенных на Шикотан северокурильских айну в 1884 - 1945 г.г. была унылой. Власти провинции Нэмуру приняли ряд мер к тому, чтобы заглушить тоску переселенцев, насильно согнанных с родных земель. Когда корабль с переселенцами на борту бросил якорь в заливе Шикотан на северном побережье острова Шикотан, перед глазами айну предстал специально для них построенный поселок. Прибывшим были предоставлены скромные домики, земельные участки, рыболовные снасти, некоторое количество скота и рисовый паек. Двести двадцать пять квадратных километров шикотанской земли, покатые горы и богатые лиственные леса находились теперь в их распоряжении.

* В эту группу входил советник центрального правительства Ясуба Ясукадзу (1835--1899), который, будучи в 1880—1899 г.г. губернатором провинции фукуока, оказывал поддержку молодому националисту Тояма Мнцуру, печально прославившемуся позднее.

** Такакуро Синьтиро. История айну. — Токио, 1942. — С. 513, 515; Киёно. Записки Севера. — С. 16—17, 47—49, 73, 204—208; Такахаси. Айну на Тисима. — С. 6—8; Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 22—23.

Однако, эти благодеяния мало помогли. Оказавшись на чужбине, айну тосковали по родной земле. Многие из них умерли в первый год, не выдержав изменений в питании — от нехватки мяса и рыбы. Некоторые из мужчин, охваченные чувством ностальгии, погибли в тщетной попытке бежать на север в утлых суденышках. Японские власти были вынуждены возвести частоколы и патрулировать шикотанские берега с целью предотвратить самоубийственные попытки. Лишь в 1897 году группе молодых мужчин было разрешено провести охотничий сезон на родном Онекотане.*

Власти надеялись, что при умелой поддержке айнского хозяйства шикотанские айну в конце концов станут экономически самостоятельными. Эти ожидания оправдались лишь частично. Незнакомые с сельским хозяйством, айну владели жалкое существование на выделенных им участках земли. Не преуспели они и в рыболовстве: хоккайдосские айну еще в начале XIX века отказались от лова рыбы у берегов Шикотана, поскольку этот район давал весьма скудные уловы. В конце концов, сбор подножного корма стал основным средством пропитания для шикотанских поселенцев. Но прожить на одних водорослях айну не могли. Правительство поддерживало айнских жителей скромными субсидиями. Хоккайдосское управление отпускало им 1 800 иен в год, в порядке временного вспомоществования. В 1899 году был принят закон об охране аборигенов, по которому эти субсидии устанавливались пожизненно. С 1875 по 1932 год (когда субсидии прекратились) Япония израсходовала на помощь айну 156 тыс. пен (16 тыс. фунтов стерлингов) — сумму, весьма скромную со всех точек зрения. Тем не менее, в этот период шикотанские айну имели более высокий уровень жизни, чем их собратья на Хоккайдо.**

Возможно, в знак протеста против насильственного отрыва от родных земель, шикотанские айну упорно цеплялись за свои русские обычаи. Они продолжали говорить на русском диалекте, носили русские фамилии (Сторожев, Ломов, Новог-

* Сэвидж Лэндор А. Х. Наедине с волосатыми айну. — Лондон, 1893. — С. 123; Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 22-23; Торри Р. Курильские айну. — С. 4, 16.

** Министр внутренних дел Японии Иноуэ Каору (1835—1915) во время своей поездки на Хоккайдо в 1893 г. обратил внимание на условия жизни шикотанских айну и способствовал увеличению правительственных субсидий. — Кита. Тисима Сикотан додзин тэсасэ. -- С. 6 -13; Оно. Шикотанские поселения на Южных Тисима. — С. 5, 167; Такакура. История айну. — С. 515—522.

рабин и т. д.), пользовались русской одеждой и пристраивали русские бани к своим домикам в японском стиле.

Религия служила средством сбережения культурной автономности. Каждое воскресенье шикотанские айну отправляли православную службу во главе с вождем Александром, а позднее — его преемником Яковом. Начиная с 1885 г. на остров ежегодно приезжал православный священник из Хакодате. Эти контакты получили поддержку русской православной миссии в Японии при постройке в 1892 году церкви на острове Шикотан. Эта церковь действовала и в 1940-е годы и имела среди прихожан не только айну, но и японцев.

Усилия японцев по ассимилированию шикотанских айну проходили с переменным успехом. Особое внимание было уделено просвещению молодежи. Приехавшие на Шикотан учителя обучали айнских детей японскому языку и старались привить им верность императору. В 1903 г. два образцовых ученика были отправлены в Токио с целью подготовки из них будущих вождей айнской общины. Однако из-за болезней оба вернулись на Шикотан, так и не оправдав ожиданий своих менторов. Попытки приобщения айну к японской религии также привели к разноречивым результатам. Буддистские священники храма Синёу нагрянули на Шикотан в 1896 году. Однако ни проповеди, ни посулы не смогли отвратить островитян от православных обрядов. В 1910 году власти в Нэмуру приказали всем шикотанским жителям взять себе японские имена. Айну послушно подчинились приказу, но между собой продолжали называть друг друга русскими именами.*

Культурная изоляция не остановила сокращения айнского населения. В 1884 г. на Шикотане насчитывалось 94 айну, в 1907 — 67, в 1940 — 40.** Лишь половина из сорока айну в 1940 г. состояла из чистокровных аборигенов. Некоторые ученые предсказывали неминуемое вымирание курильских айну. Другие приветствовали «улучшение» айнской расы при смешивании ее с японской. Между тем, начиная с 1900 года, япон-

* Кита. Тисима Сикотан додзин тэсасё. — С. 7, 11—13, 22—26; Оно. Шикотанские поселения на Южных Тисима. — С. 7, 15. 156—157; Такахаси. Айну на Тисима. — С. 9—13; Такакура. История айну. — С. 522—524; Сноу Х. Д. Заметки о Курильских островах. — С. 23; Лэндор С. Наедине с волосатыми айну. — С. 124—129.

** Такахаси. Айну на Тисима. — С. 16—18; Оно. Шикотанские поселения на Южных Тисима. — С. 166; Кита. Тисима Сикотан додзин тэсасё. — С. 9.

скис крестьяне и рыбаки начали перебираться на о. Шикотан, и что переселение продолжалось вплоть до 1930-х гг. Постепенно количество японских переселенцев стало преобладать над угасающей айнской колонией. Уже потеряв землю предков, курильские айну оказались лицом к лицу с новыми испытаниями, порожденными второй мировой войной.

Когда советские войска высадились на Шикотане 1 сентября 1945 года, им не пришлось испытать чувство радости от освобождения своих бывших соотечественников. Никто из островитян не бросился в воду, выкрикивая русские приветствия: с началом боевых действий шикотанские айну были эвакуированы на Хоккайдо. На Курильских островах русские обнаружили лишь троих айну — двоих на Итурупе (заявивших, что они — не те, за кого их принимают) и одного — на Парамушире.* Тем не менее, советские историки собрали материал, пригодный для использования против японцев. Они обвинили Японию в «жестоком» и «грабительском» отношении к курильским айну за то, что они проявили непреклонную верность России. Шикотан они называют полицейским государством, в котором страдающих от расовой дискриминации узников к тому же и морили голодом.**

До сегодняшнего времени сохранилось лишь семнадцать бывших шикотанских айну. Они влчат существование в резервациях, разбросанных по Хоккайдо.*** Самому молодому из них — 29 лет, старейшему — 90. Большинство из них женаты на японках и уже полностью приобщились к новому образу жизни. Только двоим из них удалось в 1964 году посетить могилы родственников на Шикотане, который все еще находится под советской оккупацией. Эти семнадцать человек представляют собой последних «курильцев», названных так казаками еще в XVII веке, еще до того, как архипелаг получил свое название. Когда уйдет из жизни последний курильский айну, навеки оборвется единственная нить, связывающая нас с древнейшим прошлым Курильской гряды.

* Калининченко А. На Курильских островах. // Год шестнадцатый. XXXI. — № 1. — 1948. — С. 470.

** Сергеев М. А. Курильские острова. — С. 124—126; Ефремов Ю. К. Курильское ожерелье. — С. 174; Кутаков Л. П. Внешняя политика... — с. 315; Большая советская энциклопедия. — Т. XXIV. 1953. — С. 198.

*** Я глубоко признателен Кайхо Ёко из Хокк. пед. ин-та в Саппоро и Коидзуми Хидэки из Нэмуру за сведения о нынешнем положении уцелевших курильских айну.

Попытки колонизации

Обычно принято считать, что японцы плохо справляются с колонизацией территорий, расположенных в холодных климатических зонах. Японцев полагают слишком чувствительными к жестоким холодам и чрезмерно привязанными к традиционной архитектуре и национальной кухне. Опыт освоения японцами Северных Курил подтверждает такое заключение. Героические попытки заселения Парамушира и Шумшу нередко завершались трагической развязкой. Лишь горстка мужественных переселенцев продержалась здесь до 1945 года. Неизвестные Западу и наполовину забытые своими соотечественниками, северокурильские колонисты бросили вызов суровой природе и выстояли, вписав самые драматические, самые патетические страницы в историю своей страны.

В 1798 году, когда Хонда Тосиаки получил приказ сёгуната занять Камчатку, целая когорта фантазеров провозгласила эру северных экспансий Японии. Среди них сразу же выделились Хабуто Масаясу, Токугава Нариаки и Окамото Кансукэ, призывавшие к колонизации Курильских островов в интересах национальной безопасности и в качестве прелюдии к более широким приобретениям. Однако переход русских Курил к Японии в 1875 году несколько охладил горячие головы. Ужасающе суровый климат, отдаленность и безразличие правительства к этим землям — отбили охоту пускаться в столь опасные и нелегкие странствия.

Прошло десять лет, прежде чем Япония вновь обратила внимание на свои северные приобретения. В 1885 году секретарь кабинета министров Канэко Кэнтаро, окончивший Гарвардский университет, протезе премьер-министра Ито Хиробуми, сыграл роль катализатора в осуществлении государственных интересов.*

Во время своей поездки на Хоккайдо Канэко принял решение осмотреть все острова Курильской гряды. Увиденное потрясло его. Курильские острова, писал он позднее, являются важным в стратегическом отношении объектом, ключом к камчатским берегам. После переселения айну с острова Шумшу

* Канэко Кэнтаро (1853—1942). позднее принявший участие в подготовке японской конституции 1889 года, занимал в правительстве высшие должности. В 20-30-е г.г. XX века выступал за сближение Японии с США.

в 1884 году эта часть гряды, наиболее близкая к границам русского государства, оказалась совершенно необитаемой. Более того, иностранные браконьеры хищнически истребляли фауну курильских прибрежных вод. Русские военные корабли бродили в окрестностях архипелага, изучая топографию островов, приливы, течения и морские глубины в этих районах. В то же время жалкие финансовые средства, какими располагали провинциальные власти, не позволяли им предпринять какие-либо активные действия. Совершенно беззащитные, Курильские острова словно приглашали русских вторгнуться на эту территорию.*

Возвратившись в Токио, Канэко предложил правительству проект усиления северных границ. Проект состоял из трех пунктов: 1) Заселение островов Кунашир и Итуруп «тодэн-хэями» (крестьяне-солдаты), которые занимались бы разработкой местных угодий и в то же время охраняли подступы к Хоккайдо; 2) Установления регулярного морского сообщения для снабжения колонистов всем необходимым и для патрулирования курильских вод от браконьеров; 3) На базе императорских ВМС сформировать постоянно действующую Курильскую эскадру для сдерживания русского проникновения и выработки подробных навигационных карт этого региона. Присоединение Хоккайдо и Курильских островов к территориям, подконтрольным центральному правительству, было сделано в 1886 году по рекомендации Канэко.

Тревожные прогнозы Канэко Кэнтаро не вызвали немедленной реакции токийских властей, по-видимому, именно они побудили императора Мэйдзи предпринять шаги по укреплению японских позиций на Курильских островах. Императорское правительство взирало на близость России с вниманием, более пристальным, нежели простой интерес соседа к соседу... Беспокойство императора, возможно, подогреет докладом Канэко, выразилось в приказе камергеру Катаэка Тосикадзу предпринять самое внимательное инспектирование островов Курильской гряды. Император давал своему посланнику удобную возможность для изучения и осмотра северных территорий, поручив ему провести на островах весь зимний

* Канэко Кэнтаро. Хоккайдо санкэн дзюнеи фукумэйсё. — Токио, 1886. - С. 27-40.

Катаока принял нелицеприятное поручение со всей невозмутимостью, на какую только был способен этот изысканный аристократ. В ноябре 1891 года он добрался до Итурупа и сразу же попал под власть суровой климатической стихии. Самые холодные месяцы года он перенес в примитивных жилищных условиях в Сибэтору, на открытом всем ветрам Охотского моря северо-западном берегу Итурупа. Когда в мае месяце ледяные поля отступили от берегов острова, Катаока продвинулся к северу, останавливаясь на каждом острове для изучения его географии и экономического потенциала. 4 июля он высадился на острове Шумшу, ступив на берег мыса Кокутач (иероглифически — мыс «Верхняя оконечность государства») и через семикилометровую ширь морской воды окинул внимательным взором берег Камчатки. Камергер провел несколько недель в Оттомаи на Парамушире и Майруппо на Шумшу, где сохранились два поселения некогда живших здесь русских и айнских обитателей. Завершив свои исследования, Катаока отправился на военном корабле в Иокогама, куда прибыл 1 октября 1892 года, почти через год после начала своих странствий.*

В том же году Катаока представил императору свой доклад, в котором содержалось многое из того, что уже предлагал Канэко Кэнтаро шесть лет назад. Однако, в отличие от Канэко, камергер сосредоточил самое пристальное внимание на проблемах, которые стояли перед Северными Курилами. Прежде всего, он рекомендовал улучшение коммуникаций, скорректированных в соответствии с данными последних картографических изысканий, строительство маяков, метеостанций и портов. В дополнение к практике «тондэнхэев» на Кунашире и Итурупе, он предлагал поселить на Шумшу, Парамушире, Симушире и Урупе «тонкайхэев» (рыбаки-матросы). Наконец, он подверг критике переселение северокурильских айну на о. Шикотан и требовал, чтобы им разрешили вернуться обратно.

Предложения Катаока были приняты официальными властями с тем же доброжелательным равнодушием, что и идеи Канэко. Несмотря на то, что император продолжал проявлять глубокий интерес к колонизации Хоккайдо в течение всех 1880-х г.г., он не предпринимал никаких шагов в отношении

* Тарао. Записки по исследованию Тисима. — С. 1, 94—98, 117—120.

Курильских островов. Таким образом, колонизация гряды отдавалась на откуп частным инициативам.

Пока чиновники вели нескончаемые споры о финансовых проблемах, директор школы с острова Сикоку по имени Окамото Кансукэ (1839-1904) решил сделать самостоятельную попытку освоения далеких земель. Окамото уже прославился своими странствиями по Сахалину в 1890-е годы. Он был также известен неудачными попытками отстоять сохранение Сахалина за Японским государством. После стычки с Курода Киётака он был вынужден в 1873 году уйти в отставку из Хоккайдосского колониального управления. Когда Сахалин отошел к России, Окамото нашел утешение в таинственных поездках в войска на территории Китая и в преподавании наук «золотой молодёжи» в Первой высшей токийской школе. Находясь уже в преклонном возрасте, в 1889 году он вдруг воспытал интересом к идее колонизации северных территорий. Окамото надеялся путем заселения островов Итуруп и Уруп убить сразу двух зайцев: соблюсти патриотический долг гражданина и заработать на этом хорошие деньги. Для осуществления своих планов он создал «Курильское общество» («Тисима гикай»), начал вербовать добровольцев и изыскивать финансовые средства из общественных и частных фондов.*

Планы Окамото потерпели неудачу в самом начале. Его затея не привлекла внимания ни государственных органов, ни деловых кругов. Хуже того, его попытка перевести колонистов на о. Итуруп на борту дряхлой барки закончилась кораблекрушением. Вторично разочарованный в своих «северных грезах», Окамото распустил «Курильское общество» и возвратился к преподавательской деятельности.

Затея потерпела крах, но замыслы Окамото заразили других. Журналисты, наблюдавшие упомянутую горе-экспедицию с борта военного корабля, романтизировали ее трагический финал в своих публикациях, имевших огромный успех.** И, что важнее всего, — этот эпизод побудил никому не известно-

*Окамото Кансукэ. Колонизация Тисима. — Токио, 1891; Окамото Кансукэ. Тисима бункэнроку. — Токио, 1893; Хоккайдо симбунса. Столетие Хоккайдо .-- Ч. 2. — Саппоро 1967. — С. 98—101; Такакура. История Тисима. — С. 129—131.

** Сэки Куматаро Тисима танкэнси. — Токио, 1893; Сасамори Гисукэ. Тисима танкэн. — Токио, 1893; Такакура. История Тисима. — С. 131 — 136.

го старшего лейтенанта военно-морского резерва на воистину-героические свершения.

Имя старшего лейтенанта Гундзи Сагэтада (1860-1924),* ассоциировалось у японцев, хорошо помнивших предвоенные годы, — с донкихотской отвагой и презрением к смерти бунтаря-одиночки. Обеспокоенный русской активностью и не найдя общего языка с кликой Сацума, Гундзи оставил службу на флоте и направил свою энергию на освоение японских северных территорий.

Гундзи восхищался усилиями Окамото, однако предпочел идти своим путем. В 1892 году он основал «Общество освоения Курильских островов» («Тисима хоко гикай»), надеясь вовлечь туда несколько сотен отставных моряков и направить их вместе с семьями на необитаемые Северные Курилы, где им предстоит построить поселки, выращивать зерно, ловить рыбу и охранять границы от вторжения русских. Гундзи приглашал принять участие в его замыслах главным образом моряков, однако он сделал исключение для армейского резервиста, лейтенанта Сирасэ Нобу, прославившегося впоследствии в качестве руководителя Первой японской антарктической экспедиции. Финансовое положение «Общества» не оправдало ожиданий, однако император Мэйдзи, высокопоставленные чиновники Курода Киётака и Эномото Буё внесли свою лепту в задуманное предприятие. Императорские ВМС от оказания какой-либо помощи уклонились.

Тысячи зевак и доброжелателей собрались 20 марта 1893 года на набережных токийской реки Сумида, чтобы приветствовать Гундзи и 60 его спутников, отправлявшихся на пяти утлых суденышках в самый северный уголок империи, дабы стать его первыми колонистами. Не имея возможности обеспечить экспедицию более надежными кораблями, пускаясь в 2 500-километровое плавание от Токио до Шумшу, Гундзи легкомысленно полагался на стойкость и выносливость своих спутников... Позднее один из очевидцев сравнивал экспедицию Гундзи с одиссеей майора Фукусима Ясумаса, добравшегося

* Младший брат Гундзи был известным писателем. Его звали Кода Рохан (1867—1947). О походах Гундзи см.: Хиросэ Хикота. Гундзи тайи. — Токио, 1939; Такакура. История Тисима. — С. 131—136.

из Берлина до Владивостока верхом на лошади, что было величайшей публичной сенсацией года.*

Начавшееся с такой помпой путешествие вскоре оказалось на грани катастрофы. Уже через неделю после отплытия треть участников экспедиции погибла: во время шторма у скалистых берегов северо-востока Хонсю пропали без вести две лодки вместе с экипажами. Остальным едва удалось уцелеть и добраться на буксире до Хакодатэ. Поредевший отряд Гундзи достиг ближайшего порта лишь благодаря милосердию двух купцов из Хакодатэ, заплативших за буксировку неудачливых мореплавателей с помощью канонерской лодки. В августе, пять месяцев спустя после эффектного отплытия из Токио, девять человек без приключений добрались до Шиашкотана, а семеро (включая Гундзи и Сирасэ) ступили на берег Шумшу. Двое из последней группы отказались от участия в этой авантюре, бросив лишь беглый взгляд на угрюмый облик Шумшу. Еще один бродячий православный священник по имени Вада Хэйхати вышел из подчинения Гундзи и остался один на острове Парамушир.

Зимой 1893-1894 г.г. несчастья снова обрушились на колонистов. Все девять поселенцев на Шиашкотане погибли от холода. Обессиленные от водянки и цынги, вызванной нехваткой витаминов, они уснули и замерзли во сне. Вада пережил зиму в полном уединении. Он изучал местную фауну и флору, писал стихи и излагал на бумаге надежду на то, что шикотанские айну будут репатрированы в родные края. В июле 1894 года эти записи были обнаружены вслед за его истлевшим трупом.**

Гундзи и Сирасэ удалось выжить в Майруппо (переименованном в «Катаока» в честь странствующего камергера), лишь зарывшись в землю на манер айнских аборигенов этих мест. После всего пережитого они не чувствовали себя героями. Когда в июле пришла канонерка с провиантом и новыми переселенцами, с Гундзи завели разговор о возможном прекращении программы колонизации, на что тот ответил категорическим отказом даже обсуждать эту тему, хотя уже принял решение вернуться на службу в ВМС из-за обострившихся

* Ёсино Сакудзо, о котором рассказывает Ваки в «Тисима и японцы».

** Сноу подтверждает этот факт и называет экспедицию Гундзи «идиотской затеей». — Сноу Х. Д. В запретных морях. — С. 18, 255.

японо-китайских отношений. Гундзи оставил за себя руководить колонией Сирасэ, а сам вернулся на флот и принял участие в японо-китайской войне 1894-1895 г.г. Сирасэ же и половина его товарищей благополучно пережили очередную зиму на Шумшу. Но и Сирасэ не задержался на Курилах. После нескольких тайных набегов на южный берег Камчатки храбрый лейтенант покинул курильские берега и отправился в свои антарктические странствия.

Гундзи, однако, и не думал отказываться от затей, за которую уже пришлось заплатить дорогой ценой. Получив поддержку императорской казны, он возвратился в 1896 году на Шумшу с группой в 60 колонистов, в состав которой входили и члены его семьи. У Гундзи уже был некоторый опыт зимовки в этих краях. Колонисты построили крепкие дома по русскому образцу. Запасы продовольствия собрали в одно место и надежно укрыли. Участки обработанной земли засеяли зерновыми. Построили школу.

Рыболовство должно было стать основным средством к существованию колонистов. После того, как русские власти разрешили японцам лов лосося в Озерном (деревня на юго-западном берегу Камчатки), деятельность на Шумшу заметно оживилась. К 1901 году на острове уже действовало консервное предприятие, для работы на котором каждое лето привлекалось 2 500 сезонных рабочих. Мечты Гундзи начали обретать черты реальности.

Русско-японская война (1904-1905) нарушила безмятежную уединенность колонистов Шумшу. Вести о войне достигли острова лишь четыре месяца спустя после начала боевых действий; тем не менее, колонисты испытали горячее стремление выполнить свой патриотический долг. Со свойственной ему решимостью Гундзи начал готовиться к нападению на Камчатский полуостров, ставший теперь вражеской территорией. В те дни, когда японцы отдавали свои жизни на полях сражений за Порт-Артур, колонисты не могли сидеть сложа руки, и сотня добровольных солдат империи предприняла первое в истории японское вторжение на русскую территорию.*

Если Гундзи всерьез намеревался нанести удар по русским силам на Камчатке, то он выбрал весьма неподходящую тактику. Скорее он просто хотел привлечь внимание к своей персоне. И в этом весьма преуспел.

* Ното Эйдзо. Странствия Гундзи. — Саппоро, 1956 — С 143-145.

Отправившись в путь на небольшой флотилии траулеров, отряд Гундзи высадился 6 июля 1904 года в Озерном. Местным жителям, не оказавшим, кстати, никакого сопротивления, было объявлено, что их деревня отныне находится на военном положении. В Озерном Гундзи установил щит, возвещающий на ломаном русском языке следующее:

«Эта территория захвачена Японией.

Всякий, кто прикоснется к этому щиту, будет расстрелян.

ГУНДЗИ Сигэтада, японский военный комендант.»**

Завоеванная Гундзи территория России оставалась японской столь долго, сколько потребовалось отряду русской пехоты на марш из Петропавловска до Озерного. Лейтенант и его боевые товарищи провели остаток войны в местной тюрьме.

Японские авторы расходятся в оценке авантюры старшего лейтенанта Гундзи. По одной из версий, Гундзи представлен героем-мучеником, отряд которого вел кровопролитные бои за овладение камчатским плацдармом в Озерном. Другая объясняет его пленение результатом русского вероломства. Третья превозносит влияние Гундзи на Портсмутскую мирную конференцию с помощью письма, тайно вывезенного из тюрьмы и переданного через американского купца японскому полномочному представителю на конференции Комура Дзютаро. В этом письме подчеркивается необходимость выторговывать в ходе переговоров в пользу Японии камчатские рыболовные промыслы.**

В декабре 1905 года Гундзи через Владивосток вернулся в Японию. Его встретили рукоплесканиями и восторгом. После всех своих злоключений он выглядел несколько сконфуженным и больше никогда не возвратился на Курильские острова.

Неудача военной экспедиции Гундзи на Камчатку повлекла за собой эвакуацию многих колонистов Шумшу. Большинство из них совершенно потеряло голову, оставшись без руководителя. Лишь два семейства остались на острове продолжать борьбу с суровой стихией и одиночеством. В течение десяти последующих лет крупные компании прибрали к рукам все рыболовные промыслы, предоставив колонистам перебиваться плодами сельского хозяйства.

* Этот щит хранится в Хабаровском краеведческом музее.

** Ваки. Тисима и японцы. — С. 251-252; Ното. Странствия Гундзи. — С. 114; Такакура. История Тисима. — С. 135.

История семейства Бэссё наглядно демонстрирует исход колонизации северокурильских островов. Бэссё Сакити сопровождал Гундзи в его поездке на Шумшу в 1896 году как член правления «Общества освоения Курильских островов.» Он и его молодая жена едва пережили первую курильскую зиму. Испытав лишения и суровые испытания, эта семья в конце концов приспособилась к здешним условиям, научилась жить плодами земли и моря. Картофель спас их от голодной смерти. Сакити заботливо выращивал его на курильской земле, невзирая на насмешки приезжих и собратьев-колонистов. Ни одиночество, ни лишения не поколебали его гордой независимости. Его сын Дзиродзо унаследовал от отца преданность острову.

Родившийся на Шумшу в 1906 году, Бэссё Дзиродзо не знал другой родины. После самоубийства отца в 1935 году он взял на себя все заботы по хозяйству на семейной ферме в Бэттобу (10 км к северо-востоку от Катаока). Кроме картофеля, Дзиродзо начал выращивать другие овощи, занялся разведением лошадей и лисиц. Он нигде не учился, но свободно читал по-английски и на эсперанто и прослыл чудаковатым интеллектуалом. Ревниво оберегая свою независимость, он сам занимался просвещением сына и дочери, свирепо отгоняя от последней навязчивых поклонников. Дзиродзо жил, как японский Торо, если не принимать во внимание обстоятельство, что Шумшу не шел ни в какое сравнение с Уолденом.*

Вторая мировая война превратила уединенный уголок отшельника Дзиродзо в передовую военную базу, предназначенную для ведения боевых операций против Алеутских островов. Военно-морское командование быстро оценило опыт и знания Бэссё Дзиродзо и присвоило ему чин лейтенанта. Дзиродзо стоически перенес американские бомбардировки, вторжение советских войск и два года в плену. Репатриированный в Японию в 1947 году, он поселился в Нэмуру, мечтая, что когда-нибудь сможет вернуться домой. Шли годы, но не приближалось осуществление его надежд. Тем временем умерли его жена и дети, оставив его еще более одиноким, чем в те далекие годы на Шумшу. В настоящее время (1973) он все еще надеется — последний, доживший до наших дней участник «Общества

* Автор сравнивает Бэссё Дзиродзо с известным американским писателем Генри Торо, написавшим знаменитую книгу «Уолден, или жизнь в лесу» (Примечание переводчика).

освоения Курильских островов», последняя искорка костра, зажженного фантазером и идеалистом Гундзи Сигэтада.*

Курильские рыболовные промыслы: «Белковый банк Японии»

Когда швейцарский путешественник, посетивший Курильские острова, заявил, что они «не представляют экономического интереса», — он либо имел в виду кратеры вулканов, либо впал в огромное заблуждение.** Омываемая с двух сторон теплым течением Соя и холодным Охотским течением, Курильская гряда насыщена богатейшим разнообразием морской фауны. Помимо калана, морских котиков и морских львов здесь водится лосось, треска, сельдь, макрель, камбала, тунец, киты, крабы, «морское ухо», трепанг и бурая водоросль. Обитатели моря служили основным источником питания как для айнских аборигенов, так для русских и японцев. Однако японцы были первыми, кто поставил разработку морских ресурсов на широкую ногу — путем крупнейших капиталовложений, привлечения массовой рабочей силы и использования самой современной технологии. В результате всего этого Курильские острова стали одним из самых главных японских «белковых банков».

На протяжении трех столетий Курилы обеспечивали Японию дарами моря. Купцы ввозили шкурки калана из Райкоке и итурупскую сельдь, получая эти товары через айнских посредников. В 1600-е г.г. учреждение системы «басё» (торговых постов) на Кунашире привело в 1754 году к прямой эксплуатации Японией курильских богатств. «Басё» действовали на Курильских островах даже после отмены этой формы торговли на Хоккайдо. Сухара Какубэй в 1876 году передал в конце концов свою привилегию Хоккайдосскому колониальному управлению, но его потомки держали под своим контролем всю торговлю острова вплоть до второй мировой войны. Сегодня

* Автор глубоко признателен Бэссё Дзиродзо за сведения, использованные при подготовке данной книги. См. также — Тэрасима. Северные Тиси-ма. — С. 92; Ното. Странствия Гундзи — С. 126-128.

** Габлер А. Эрлебнише унд Геданкен айнес Япанфарерс. — Берн. 1944 — С. 139.

они принимают самое активное участие в современном японском ирредентистском движении.*

Приобретение в 1875 году Японией Северных Курил открывало новые богатые возможности. Однако, они не были в достаточной мере реализованы. Один из купцов пытался разрабатывать запасы серы на Онекотане и Шиашкотане в 1893 г., но особого успеха це добился. Интерес к рыбным промыслам долго не обретал форму какой-либо активной деятельности, пока Гундзи Сигэтада в 1895 г. не попытал счастья в ловле лосося близ деревушки Озерное. Камчатка оказалась катализатором в развитии курильских рыболовных промыслов. Воодушевленные примером Гундзи японские предприниматели хлынули на Камчатку в погоне за удачей. После 1899 г. Санкт-Петербург почувствовал необходимость выработать закон, ограничивающий доступ японцев на Камчатский полуостров. Портсмутский договор (1905) предоставил японцам широкие привилегии на обоих берегах Камчатки. Эти привилегии стали базой для стремительного роста японских рыболовных промыслов в северных районах Тихого океана в последующие 35 лет.

В погоне за выгодой некоторые предприниматели объединились в акционерные компании. Они намеревались организовать более широкую эксплуатацию морских богатств Камчатки и Курильских островов. В финансовой неразберихе первых лет несколько фирм обанкротились. Так, например, ряд компаний, занимающихся промыслом котиков, потерпели крах после того, как Япония, Россия, Великобритания и США договорились в 1911 году ограничить охоту на этих животных. Но правительство пришло на помощь этим фирмам, финансировало их переориентацию на промысел рыбы. Лов трески у курильских берегов особенно оживился после 1914 года, когда первая мировая война парализовала обычно преуспевавшую норвежскую рыболовную промышленность. В течение последующих четырех лет значительное количество онекотанской и параму-

* Шведский путешественник, посетивший Итуруп в 1929 году, с некоторыми преувеличениями писал, что «К. Сухара имел самый крупный рыбопромышленный бизнес на Курилах.» — Бергман С. Охота и промыслы на Дальнем Востоке. — Лондон, 1933. — С. 37. Сухаро Тадао, директор «Итурупской промышленной компании», ныне является членом совета полуофициальной «Ассоциации по проблемам северных территорий» — Сиори. — Токио, 1971. — С. 8.

широкой трески экспортировалось в Северную и Южную Америку.*

Японцы вели лов и камчатского лосося. Предприниматель Цуцуми Сэйроку превратил промышленную компанию («Цуцуми сёкай»), организованную в 1905 году, в мощный комплекс консервных фабрик и рыболовецких флотилий, чьи суда бороздили воды у берегов русского Приморского края, Сахалина, Камчатки и в бассейне Охотского моря. Благодаря сотрудничеству с Россией и богатым местным ресурсам, самые крупные капиталовложения Цуцуми были помещены в камчатские предприятия. Каждое лето от 10 до 15 тысяч сезонных рабочих приезжали в Озерное и Петропавловск для работы на консервных фабриках. Несмотря на определенные трудности, связанные с наплывом иностранных рабочих, обе стороны проявляли такт и доброжелательность. Русские свели к минимуму иммиграционные и таможенные процедуры. Японцы, в свою очередь, вели себя предельно вежливо в общении с русскими.

События 1918 года в Европе грозили подорвать стабильность курильско-камчатских рыболовных промыслов. Конец войны означал возрождение конкуренции норвежского рыболовства. Еще более мощный импульс — Октябрьская революция и гражданская война в России ставили под сомнение дальнейшее существование японских концессий на русской земле. Эти концессии были получены по условиям Портсмутского договора, который большевики денонсировали. Оживление норвежских рыболовных промыслов побудило японские компании отказаться от лова трески и переключиться на лосося и краба. В ответ на переворот в России японские промышленники, заручившись поддержкой своих военно-морских сил, организовали комплекс плавучих консервных заводов.

Русская революция и гражданская война заставили японцев подумать о переговорах с новой властью для легализации своих камчатских промыслов. Однако, эти промыслы продолжали беспрепятственную деятельность в смутное время иностранной интервенции и вплоть до 1925 года, когда были установлены дипломатические отношения между СССР и Японией. Хотя Камчатка была одним из отдаленных уголков русского

* Вестник японской рыболовной промышленности. — 11. — Токио, 1960. — С. 336-337; Тисима тэсасэ. — С. 51.

Дальнего Востока, где Советская власть была установлена в самую последнюю очередь, большевистские партизаны успешно тревожили японцев на Камчатке в течение 1919-1922 г. г. Рыбаки и служащие консервных фабрик носили оружие и представляли пикеты. Японские военные корабли стояли на якоре у берегов Озерного и Петропавловска, имея на борту подразделения морских пехотинцев, готовые к высадке в случае, если их соотечественникам потребуется помощь. Но северные моря уносили больше человеческих жизней, чем набеги партизан. В штормовую ночь опрокинулся и затонул эскадренный миноносец «Ниита-така» и морская пучина погребла в своих глубинах почти весь экипаж корабля, уцелели лишь пятнадцать человек. Это была одна из самых тяжелых морских катастроф для Японии до того времени.*

В смутный период 1919-1924 г. г. произошла целая серия объединений предприятий и фирм, завершившаяся рождением гигантской корпорации, которая фактически монополизировала все курильско-камчатские промыслы. Эта фирма именовалась «Русско-японская рыболовная компания» («Нитиро гёгё КК»). Имея в 1924 г. капитал в 26 млн иен, «Нитиро» вскоре стала получать прибыль только от камчатских промыслов в размере 40 млн иен ежегодно. Отсюда понятно, почему президента этой компании называли «королем Камчатки». Являясь корпоративным гибридом, «Нитиро» опиралась на концерны «Мицуи» и «Мицубиси», а в состав ее правления входили несколько высокопоставленных лиц, влиявших на национальную политику. Цуцуми Сэйроку, чья собственная компания была поглощена могучей «Нитиро», руководил промысловой деятельностью в зоне Курильских островов и Камчатского полуострова. Человек незаурядный, Цуцуми с легкостью выполнял возложенные на него обязанности и прослыл крупнейшим налогоплательщиком в стране. Однако, свою карьеру он закончил бесславно вскоре после того, как оказался замешанным в торговле императорскими наградами. Управляющие «Нитиро» (например, Хирацука Цунэдзиро и Коно Итиро) оказывали влияние и на послевоенную политику страны, играли видную роль на советско-японских переговорах 1950-х г. г.

После того, как Советский Союз и Япония установили в 1925 г. дипломатические отношения, а в 1928 г. подписали Кон-

* Ито Осаму. К самому северу Японии. — Токио, 1926. — С. 2, 39, 96, 139, 179-183, 273; Вестник японской рыболовной промышленности. — II. — С. 337-338; Тэрасима. Северные Тисима. — С. 91.

венцию о рыболовстве,* свобода деятельности «Нитиро» на Камчатке была ограничена. Советские власти установили контроль за японскими промыслами и ввели практику визирования для всех иностранных рабочих, прибывающих на Камчатку. Кроме того, русские следили за тем, чтобы объем выловленной японцами рыбы не превышал установленной квоты. С целью обойти эти ограничительные меры, «Нитиро» пустила в ход плавучие рыбоконсервные заводы, которые действовали у самых границ советских территориальных вод. Кроме того, компания увеличила свои капиталовложения в северокурильские предприятия.

В 1930-е г.г. северокурильские рыболовные промыслы пережили свой золотой век. В 1929 году Хоккайдосское управление отменило все запреты на прибрежный лов. В течение двух последующих лет были развернуты крупные рыбозаводы в Касивабара и Мураками на Парамушире, в Катаока на Шумшу и в районе Алаида. Каждое лето от 20 до 30 тысяч человек прибывали сюда на пароходах из Хакодате, Кусиро и Нэмура, чтобы удовлетворить огромные потребности предприятий в рабочей силе. Большинство сезонников — крестьяне из северных районов Японии — отправлялись на временные заработки, чтобы облегчить материальное положение своих семей. Особенно много сезонников приезжало из префектур Тояма и Исикава; таких рабочих иронически называли «эттюскими разбойниками», подразумевая при этом их невероятную жадность, давно вошедшую в поговорку.**

Важную роль играли рыболовные промыслы и на Южных Курилах. На Кунашире. Итурупе и Шикотане консервировали королевского краба и эти консервы экспортировались во многие страны мира. Кунашир, Шикотан и Хабомаи давали Японии 80% всего потребляемого в стране «комбу» (съедобные водоросли). Старые японцы хорошо помнят «тисима нори» — южнокурильский деликатес, ставший недоступным после 1945 года.

Северные Курилы представляли собой главный район японского рыболовства. Сельское хозяйство, зачатки которого бы-

* О Конвенции см.: Ленсен Д. А. Признание Японией СССР: советско-японские отношения, 1921-1930. — Талахасси, 1970. — С. 241-316.

** Ваки. Тисима и японцы. — С. 252. «Эттю» — старое название центральной части Хонсю на побережье Японского моря, где теперь расположены префектуры Тояма и Исикава.

ли заложены энтузиастами освоения северных островов от Хабуто Масаясу до Гундзи Сигэтада, постепенно пришло в полный упадок, как это видно из таблицы, составленной по данным Хоккайдосского управления за 1939 год:*

Отрасль экономики	Продукция (в иенах)	Процент к всей экономике Курил	Районы
Рыболовство	59.370.000	78	75% - на Северных Курилах
Краболовство	15.250.000	20	90% - на Северных Курилах
Лесная промышленность	1.090.000	1,4	Кунашир, Итуруп
Горнодобывающая (в основном—сера)	220.000	0,3	Итуруп
Звероводство (лошади, лисицы)	146.000	0,2	Кунашир, Итуруп, Уруп
Сельское х-во	90.000	0,1	Кунашир, Итуруп

Упадок в развитии курильских рыболовных промыслов произошел в конце 1930-х г.г., когда правительство поставило деятельность компаний под свой контроль по соображениям национальной безопасности. В 1938 году сама «Нитиро» стала жертвой слияния всех компаний, оперирующих на Курильских островах, в «Северокурильскую морскую компанию» («Кита Тисима суйсан КК»). В 1942 году все рыболовство в северо-тихоокеанских районах (на Курилы приходилось около 1/3 всей продукции) было объединено в «Северояпонскую морскую компанию» («Кита Ниппон суйсан КК»). Хотя Курильские острова и были удалены от главных полей сражений, японский рыболовецкий флот нес жестокие потери от американских подводных лодок, особенно — в 1943 году при освобождении Атту. Летом 1945 года 2.000 рыбаков совершили свое последнее плавание из Нэмуру к острову Парамушир через районы, контролируемые подводными лодками. Оставшиеся в живых возвратились домой лишь после незапланированной поездки в СССР, где им пришлось задержаться на некоторое время.

Сегодня радикально изменившаяся политическая география Курильских островов обязывает японских рыбаков либо воздерживаться от захода в прежние районы лова, либо прибегать к уловкам, позаимствовав опыт капитана Сноу.

* Тисима тесасё. — С. 114.

ПОЛОЖЕНИЕ НА ЮЖНЫХ КУРИЛАХ

Жизнь на Курильских островах в период с 1900 по 1945 г. г. характеризовалась быстро развивающимися контрастами. На консервных предприятиях севера гряды в летнее время кипела бурная деятельность, по в остальное время года острова были безлюдными, если не считать небольшие группы стойких колонистов, как семья Бэссё. Жизнь на южных островах не испытывала столь резких демографических колебаний и развивалась в форме стабильных поселений, подобных прибрежным поселкам на Хоккайдо.

Из 18.282 (1939) постоянных жителей Курильских островов около 80% обитало на Кунашире (8.341) и Итурупе (5.742). Японцы начали заселять эти два острова с 1870 года, но основной поток переселенцев пришелся на период с 1900 по 1920 г. г. Как и в самой Японии, территория Южных Курил делилась на уезды («гун») и деревни («мура») Кунаширское поселение Томари (5.597) было самым крупным, за ним следовала деревня на Итурупе — Рибэцу (2.690) и Шана (1.448).*

Несмотря на свою малочисленность, жители Южных Курил являли собою широкое разнообразие профессий. Несомненно, большинство из них кормилось дарами моря. Частное предпринимательство здесь было представлено шире, нежели на севере, меньше было и различных ограничений. Крабозаводы принадлежали крупным торговцам, каким был, например, Сухара Какубэй, но южнокурильские рыбаки, главным образом, были людьми независимыми. Большая их часть занималась ловом трески, из которой получали ценный рыбий жир. Сушеная треска вывозилась за границу. Немалую выгоду приносили и отходы рыбоконсервного производства, идущие на удобрения. Почти все жители Кунашира собирали «комбу» (водоросли), обитающие на прибрежных скалах и достигающие в длину двадцати метров. Питаясь продуктами моря, жители Южных Курил разводили лошадей и лисиц и рубили лес. Они добывали серу, выращивали картофель, капусту и бобы. Среди островитян имелись врачи, священники и учителя (в каждой деревне был свой храм и начальная школа), полицейские, смотрители маяков, научные работники с метеостанций и чиновники администрации. В Шана даже открыли три гостиницы, обслуживаемые пятнадцатью гейшами (десять из кото-

* Там же, С. 16-17. Все цифры даны на 1939 год.

рых предпочли покинуть остров с наступлением зимних холодов) .*

Не один японец бежал отсюда обратно, истосковавшись по цивилизации. Несмотря на радиосвязь Южных Курил с Японией, другие средства связи развивались медленно. Пароходы нерегулярно доставляли из Нэмуру товары и почту. По с ноября по апрель плавучие льды полностью парализовывали судоходство. Сибирские ветры сопровождалась мощными снегопадами, в результате которых затруднялось сообщение даже между соседними поселками. Страдая от вынужденного безделья по четыре месяца в году, островитяне изощрялись в изобретении лекарств от скуки. Некоторые находили утешение в алкоголе. Капитан Сноу приводит несколько примеров зимнего времяпрепровождения обитателей островов. Равнодушные к спиртному развлекали себя азартными играми, развратом, науками, либо — комбинацией всего этого вместе. Воровство было редким: красть было особенно нечего. Убийство было неведомо жителям островов. В изнасиловании просто не возникало необходимости. Курильские зимы закачивали стойкость и выносливость жителей с таким тщанием, на какое редко способно самое свирепое исправительное заведение.**

Иностранцы, стремившиеся посетить Курилы (их обычно считали либо шпионами, либо браконьерами), подлежали строгому полицейскому надзору. Стратегическое значение гряды для Японии привело после 1930 года к полному запрету на въезд в этот район каких-либо нежелательных гостей. Посетить Курилы могли только лица, имевшие на это специальное разрешение и, преимущественно, — представители «безвредных» национальностей.***

Особенную тревогу японцев возбуждали самолеты, наблюдать за которыми было делом нелегким из-за высокой скорости и мобильности. Задолго до того, как иностранные самолеты начали пересекать северо-тихоокеанскую дугу без дозаправки, во многих странах мира уже смотрели на Курильские

* Бергман С. Охота и промыслы на Дальнем Востоке. — С. 42; Тисима тэсасэ. — С. 17-22, 32, 47, 65, 69, 89, 107, 109.

** Сноу Х. Д. В запретных морях. — С. 91—93, 97; Тэрасима. Северные Тисима. — С. 19—29; Тисима тэсасэ. — С. 190.

*** Путешественники, в том числе известный шведский естествоиспытатель Стэн Бергман (1929-30), швейцарский ученый Арнольд Габлер (1928-30) и случайные бродячие торговцы из Китая. На Шикотане жили несколько норвежских семей, работавших на китобойных промыслах.

острова, как на промежуточный пункт на воздушном пути из Северной Америки на Дальний Восток. Япония категорически запретила иностранным самолетам вторгаться в пределы двадцатипятикилометровой зоны вокруг Курильских островов. Несмотря на это, некоторые британские, американские и немецкие авиаторы, совершавшие в 1920-е г. г. кругосветные перелеты, все же «вторгались» в запретную зону к глубокому огорчению местной полиции. Японские власти расценивали такие визиты как отнюдь не случайные и вынужденные, однако не предпринимали никаких мер против нарушителей.*

В августе 1931 года Курильские острова неожиданно посетили Чарльз и Энн Линдберги, совершавшие на одномоторном самолете типа «Сириус» перелет из Нью-Йорка в Нанкин через Аляску, Камчатку и Хоккайдо. По пути из Петропавловска в Нэмуру внезапно сложившаяся метеообстановка вынудила авиаторов совершить незапланированную посадку. Заблудившись 19 августа в густом тумане, путешественники посадили свой самолет на беспокойную поверхность моря в нескольких сотнях метров от юго-восточного побережья острова Кетой. После того, как японское судно отбуксировало их самолет в залив Броутона (о. Симушир), они некоторое время провели в Шана (Итуруп), на озере Тофуцу (Кунашир) и добрались до Нэмуру лишь 23 августа. Знаменитые авиаторы запомнились обитателям островов, и более всего — курильскому рыбаку, оказавшему им гостеприимство в своей хижине, вскоре после того, как «Сириус» буквально свалился ему на голову, вынырнув из непроницаемого тумана. Линдберги не только расширили границы познаний курильского рыбака. Благодаря широкой публикации их путевых заметок, они дали миру редкую возможность ознакомиться с загадочными северными островами Японии.**

Стратегические соображения

География предназначила Курильским островам сыграть стратегическую роль в русско-японских отношениях. В течение XVIII столетия русские полагали Курилы ступенькой на пути к Японии. Позднее (согласно мнению советских историков) японцы использовали архипелаг в качестве плацдарма

* Сасса Ясуо. Острова Тисима. - Токио, 1943. — С. 330-331; Тисима тэсасэ. — С. 187.

** Линдберг Э. М. К северу от востока. — Нью-Йорк, 1935.—С. 148-182.

против русского Дальнего Востока. Хотя в 1875 году курильские пограничные раздоры внешне прекратились, в действительности же — они лишь впали в спячку, чтобы снова вспыхнуть при удобном случае. Между тем, геополитические расчеты подталкивали обе стороны на самые радикальные меры в разрешении спорной ситуации.

Во второй половине XIX века сложилась объективная оценка стратегического значения Курил под влиянием трех факторов: 1) Американской экспансии на Тихом океане; 2) Внедрения русских в Амурско-Приморский регион и проникновения в Маньчжурию; 3) Постепенного осложнения позиций Японии как в Азии, так и на Тихом океане. Подобные корректировки в политической географии Северо-Восточной Азии и северных районов Тихого океана сделали грядущую точку соприкосновения американских, русских и японских интересов. Приобретение Аляски и Алеутских островов в 1867 году приблизило США к острову Шумшу менее, чем на тысячу километров, т. е. гораздо ближе, чем расстояние между Шумшу и Хоккайдо. Приобретение Японией в 1875 году Северных Курил завершило выход империи на берега Охотского моря и перерезало сибирское побережье России на две части по мысу Лопатка. Суда из Владивостока по пути к Тихому океану были вынуждены преодолевать контролируемые японцами проливы. И даже плавание вокруг Камчатского полуострова было связано с необходимостью прохода через один из проливов Курильского архипелага. Подобные географические условия создали предпосылки для трений между Россией и Японией и (после 1905 г.) привели к японо-американскому соперничеству в Юго-Восточной Азии и на Тихом океане.

Несмотря на некоторый интерес к освоению северных территорий, возникший еще в XVIII столетии, японское правительство очень медленно осознавало стратегическое значение Курильских островов. Власти упорствовали в своем равнодушии к этой теме, невзирая на тревожные предупреждения Канэко Кэнтаро, Окамото Кансукэ, Катаока Тосикадзу и Гундзи Сигэтада, единодушно настаивавших на необходимости укрепления северных оборонительных рубежей от русского вторжения.

Время от времени императорские ВМС предпринимали робкие шаги по охране Курильских островов. По ходатайству провинциальных властей в 1882 году в Нэмуру была послана

канонерка. Военные корабли патрулировали острова архипелага в период русско-японской войны. Но северные районы Тихого океана и Охотское море мало интересовали японцев, пока в России не свершилась Октябрьская революция, последствия которой могли стать угрозой японским рыболовным концессиям. В 1934 году начальник штаба ВМС отдал приказ о проведении рекогносцировки островов с целью потенциального размещения на этой территории военно-воздушных и военно-морских баз. Двумя годами позже вдоль берегов Курильских островов были проведены военно-морские маневры, а в 1939 году летчики ВМС совершили полеты от Шумшу до Алеутских островов и обратно. Неблагоприятные метеоусловия отпугивали японцев от размещения на Курилах крупных авиабаз вплоть до 1941 года.*

Хотя Курильские острова формально входили в зону ответственности 7-й дивизии, дислоцированной в Асахигава на Хоккайдо, императорская армия игнорировала свои северные территории. Военное ведомство предприняло топографическую съемку островов лишь в 1912 году и не направляло в эти районы регулярных частей вплоть до 1940 года. Согласно Морскому соглашению, подписанному в ходе Вашингтонской конференции (1921-22), представителями пяти государств. Япония обязалась воздерживаться от создания военных объектов на Курильских островах. Несмотря на публичное денонсирование этого соглашения в 1934 году, токийские власти не нарушали его условий в течение восемнадцати лет — не столько из сохранения моральных обязательств, сколько из-за отсутствия какого бы то ни было интереса.**

Россия, напротив, сразу же оценила стратегическую важность Курильской гряды, как только потеряла в 1875 году Северные Курилы. Значение архипелага сознавал и адмирал Степан О. Макаров (1848-1904). Исполняя должность командующего Тихоокеанской эскадрой, Макаров погиб на борту флагманского корабля, подорвавшегося на mine и затонувшего у берегов Порт-Артура. Советские военно-морские офицеры преклоняются перед его выдающимся талантом флотоводца, неутомимой тягой к научным знаниям, его страстным стремлением укрепить позиции России на Тихом океане. Все эти черты

* Упр. национальной обороны Японии, НИИ обороны, изд. «Сэнсисицу». Морские операции на северо-востоке. — Токио, 1969. — С. 26-27.

** Упр. национальной обороны Японии, НИИ обороны, изд. «Сэнсисицу». Сухопутные операции на северо-востоке. — Токио, 1968. — С. 10-24.

своего характера Макаров проявил в период изучения Курильских островов в 1886-1887 и 1895-1896 г.г. Он сразу установил, что архипелаг — не что иное, как звено, связующее Тихий океан с русским Дальним Востоком. Он понял, что прочное владение островами и детальное знание их географии проложит дорогу русским интересам ко всему региону. Исходя из этих соображений, он скрупулезно изучил каждый пролив, измерил глубины, течения и температуру морской воды, обратив особое внимание на проходы между Онекотаном, Парамуширом, Шумшу и Камчаткой. Его карты и рекомендации расцениваются сегодня как пример дальновидности. Но проекты Макарова о военно-морском присутствии России на Тихом океане не были реализованы вплоть до установления на Курилах Советской власти. С 1905 по 1930-е г.г. страна была слишком занята войной, революцией, гражданской войной, иностранной интервенцией и восстановлением экономики, чтобы отвлекаться на океанские проблемы. Япония помогла России исправить ошибку и по достоинству оценить важность тихоокеанских рубежей.*

Япония использовала слабость России в 1918-1925 г.г., не только вторгаясь в Сибирь. Японцы беспрепятственно занимались рыболовством в русских водах под защитой императорских ВМС. Японские военные корабли обрубали буксирные тросы, на которых советские патрульные суда вели задержанных браконьеров, и угрожали советским кораблям, проходящим через курильские проливы.** Японское правительство позволяло пиратам, подобным Эцурэ Рёкунтиро, грабить в 1920-г.г. русские поселения на Камчатке.*** Страдая от собственной уязвимости, русские решили при первой возможности навести порядок. Такая возможность появилась в 1930-е годы.

С ухудшением советско-японских отношений после 1931 года и стремясь укрепить Сибирь и Дальний Восток по Второму пятилетнему плану, СССР начал осуществлять проекты адмирала Макарова. Первые шаги в этом направлении были обманчиво скромными. 21 августа 1932 года был сформирован советский Тихоокеанский флот в составе трех вооруженных

* Макаров С. О. Океанографические работы. М., 1950. — С. 229-230; Захаров С. Е. Тихоокеанский флот. — М., 1966. — С. 77, 258-260; Сенченко И. А. Исследователи Сахалина и Курил. — Южно-Сахалинск, 1961. — С. 63-73.

** Особенно, в проливах между Шумшу и Камчаткой, где советские корабли были вынуждены проходить через японские воды.

*** Тэрасима. Северные Тисима. — С. 168-169; Сергеев М. А. Курильские острова. — С. 131; Захаров С. Е. Тихоокеанский флот. — С. 106.

торговых судов, старой канонерки и 5.000 матросов, для большей части которых пока не нашлось кораблей. Однако последующие десять лет показали, что новый флот не был «потемкинской деревней». В 1933 году была возрождена бывшая царская база подводных лодок в Посетском заливе (близ корейской границы). Затем ударные бригады комсомольцев построили новые базы подводных лодок во Владивостоке, Николаевске, Де-Кастри, Петропавловске и на Командорских островах. Чтобы не повторить трагическую одиссею Балтийского флота в 1904-1905 г.г., советские власти демонтировали боевые корабли в Кронштадте, доставили их в разобранном виде по Транссибирской железной дороге во Владивосток, где их собрали и спустили на воду.*

Хотя неоперившийся советский Тихоокеанский флот трудно было сравнить с японским или американским флотами, его рождение изменило соотношение сил у побережья Северо-Восточной Азии. Японские военные корабли уже не могли безнаказанно совать нос в русские укромные гавани и проливы. Японские рыбаки, вольно или невольно забредавшие в советские территориальные воды, платили крупные штрафы либо оказывались в советской тюрьме. Русские уже не боялись угрозы военной силой. Советские траулеры и китобойные суда проходили через курильские проливы и время от времени даже приставали к некоторым из Центральным и Северным Курильским островам. Советские подводные лодки ходили под перископом, наблюдая и выжидая.**

Как только вторая мировая война перекинулась на Дальний Восток и Тихий океан, Курильские острова стали объектом многостороннего соперничества. На обладание ими претендовали три могущественных государства. Это привело в итоге к концу японского владычества на Курильских островах и вновь

* Захаров С. Е. Тихоокеанский флот. — С. 79, 106, 120-121, 132-135; СУШКОВ Б. А. Дальневосточные моря и их побережья. — Владивосток, 1958. — С. 4-8, Брейер З. Советские ВМС. — Аннаполис, 1970. — С. 217; очень интересные данные о советских военно-морских базах к 1940 году содержатся в докладе Вайолет Конолли от 18.3.1942 г. — Великобритания. — Архивы мид. — Ф. О. 371. — 31798/Ф2593.

** Мин. ВМС Японии выражало тревогу по поводу незаконных стоянок советских судов (особенно-китобойных) у Сев. Курил, но воздерживалось от применения каких-либо мер. — Архивы армии и флота Японии, микрфильм Т-116, ролик № 30, комплект «Кобун бнке» Д4-3 (1933)

оживило территориальную проблему, ставшую самым чувствительным ингредиентом в русско-японских отношениях в послевоенный период.

* * *

(Окончание следует.)

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Голубев В. Л., Лавров Е. Л. Сахалин в эпоху камня. — Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. — 240 с.

Два года прошло со дня выхода в свет книги В. Л. Голубева и Е. Л. Лаврова «Сахалин в эпоху камня» (Новосибирск, «Наука», Сиб. отд., 1988.—240 с). И хотя археологи Дальнего Востока и особенно Сахалина довольно критически встретили появление этой работы, до сих пор не было опубликовано ни одной рецензии на этот труд. Попытаемся восполнить этот пробел. Авторы книги — сахалинский археолог, к.и.н. Валерий Александрович Голубев и его новосибирский коллега к.и.н. Евгений Львович Лавров ставили перед собой задачу ввести в научный оборот сумму сведений по всем известным археологическим комплексам эпохи палеолита и мезолита Сахалина и их палеогеографической характеристикой. Следует отметить, что это первая монография по палеолиту и мезолиту Сахалина и надо отдать должное авторам за их решимость прикоснуться к наименее изученной проблеме сахалинской археологии. Быть пионерами всегда нелегко, но это отнюдь не снижает ответственности первопроходцев за результаты своих исследований. Именно поэтому остановимся на тех местах книги, которые представляются либо весьма спорными, либо ошибочными и заслуживают объективной научной критики.

В главе I «История исследования» несколько странной выглядит дата начала научного изучения Сахалина — 1642 г., хотя первое бесспорное свидетельство посещения Сахалина европейцами относится к 1643 г. и связано с именем голландского мореплавателя Мартина Де Фриса, побывавшего на берегу залива Терпения и описавшего открытую им землю и ее обитателей.

Глава III «Памятники каменного века Сахалина эпохи верхнего палеолита» — основная глава книги. В ней и дана вся «сумма сведений» о памятниках древнекаменного века. Начинается она с карты памятников эпохи палеолита и мезолита Сахалина, где, к сожалению, местонахождение самих памятников показано весьма приблизительно, к тому же помимо палеолитических, указано несколько более поздних неолитических памятников (Имчин 2, Остромысовка, Ныврово, Адо-Тымово и другие).

Значительная часть главы посвящена описанию стоянки Адо-Тымово I (с. 56-83). Материалы этого памятника публи-

ковались В. А. Голубевым неоднократно. С Адо-Тымово он связывает проблему первоначального заселения Сахалина, считая этот памятник древнейшим на острове. Однако данные, приводимые самим исследователем, опровергают его же собственные выводы.

Стоянка Адо-Тымово I расположена на 4-х метровой пойменной террасе р. Тымь, затопляемой в периоды паводков. Геологический возраст пойменного аллювия (а именно из него происходят все собранные артефакты) — современность. На стоянке был заложен раскоп, причем сам автор отмечает, что «структура пойменной террасы р. Тымь на месте раскопа I свидетельствует о длительном воздействии реки — налицо чередование прослоев суглинков с песком и речной галькой». Он же далее отмечает и молодой возраст отложений — «верхняя часть слоя сложилась сравнительно недавно в результате переувлажнения, переотложений» (с. 57). Впрочем, тезис о разрушении высокой надпойменной террасы и переотложении находок является главным аргументом автора в пользу плейстоценового возраста самих находок. Но динамика русловых и пойменных процессов, сам механизм переотложения предполагает:

1. Переотложение материала на значительной площади в русловом аллювии ниже по течению реки вплоть до нескольких километров от места первоначального залегания культурного горизонта.

2. Сортировку переотложенного материала в зависимости от скорости руслового потока. Гальки и галечные орудия в таких случаях обычно отлагаются на галечных косах и перекатах. Яркой иллюстрацией этому положению служат местонахождения галечных палеолитических орудий на косах Нижнего Амура и других рек Восточной Азии.

В Адо-Тымово геологическая ситуация несколько иная. Галечные орудия залегают здесь в покровных фациях пойменного аллювия по всей площади стоянки. По-видимому, территория стоянки поочередно подвергалась аккумулятивно-денудационным процессам, а в последнее время еще и воздействию пахотных орудий. Эти процессы отразились на сохранности культурного слоя. По-видимому, он весь разрушен и переотложен, но на месте своего первоначального залегания. О разрушении высокой надпойменной террасы говорить не приходится, т. к. картина подобного разрушения и переотложения, как сказано

выше, выглядела бы совершенно иначе. Отсюда следует вывод — стоянка с самого начала располагалась на низкой 4-х метровой пойменной террасе р. Тымь, что характерно для большинства неолитических памятников Северного Сахалина.

Что касается предметов, найденных на стоянке Адо-Тымово I, то авторы книги умолчали о находках керамики и неолитических орудий. Так, в фондах научно-краеведческого центра «Этнос», где хранится довольно представительная коллекция, собранная на этом памятнике, насчитывающая более 1000 предметов, имеется керамика с гребенчатым орнаментом, двусторонне обработанные наконечники стрел, шлифованные топоры и тесла, в том числе тесло с характерным изгибом, которое использовалось, по-видимому, при строительстве лодок-долбленок. Все эти изделия позволяют отнести памятник к северо-сахалинской неолитической или близкой ей культуре. Для этой культуры характерно огромное количество пластинчатых отщепов и сколов, часто используемых как орудия. Именно они подробно описаны в книге. Игнорируя часть явно неолитического материала и выдавая другую, более амфорную и архаичную по внешнему облику часть за материал ранний, палеолитический, авторы вводят Адо-Тымово в круг наиболее ранних палеолитических памятников Сахалина. Но надо сказать, что весь комплекс находок в Адо-Тымово — и керамика, и шлифованные, и двусторонне обработанные орудия, и изделия из отщепов и сколов, и аморфные галечные «леваллуазские» нуклеусы хорошо вписываются в рамки северо-сахалинского неолита.

Обилие галек, крупных галечных сколов и галечных нуклеусов наряду с миниатюрными двусторонне обработанными, имеющими четкие формы остроконечниками эпохи неолита всегда вызывало противопоставление их друг другу. Галечные изделия всегда кажутся более архаичными и их рассмотрение без внимательного изучения геологической ситуации и вне комплекса с другими изделиями может привести к глубоким заблуждениям, что, на наш взгляд, и произошло в данном случае. Здесь необходимо учитывать и тот факт, что во все эпохи человеческого существования от палеолита до палеометалла исходным источником для изготовления каменных орудий являлись массивные гальки кремневых пород. Обилие кремневых галек, как источника сырья для изготовления каменных орудий, в частности галечные пляжи по берегам рек (что мы и наблюдаем на р. Тымь в районе с. Адо-Тымово) соответствен-

но всегда дает изобилие галек, галечных нуклеусов, сколов и орудий на близлежащих стоянках древнего человека. Именно подобную ситуацию мы наблюдаем в Адо-Тымово. И напротив, отсутствие или ограниченное количество сырья в данной местности всегда приводило к уменьшению его количества из стоянок древнего человека, к микролитизации каменных изделий, к переходу на более экономичную пластинчатую технологию обработки камня. Следует учитывать и особенности самого камня. Скажем, из красной яшмовидной породы, которая весьма широко использовалась древним человеком на севере Сахалина, почти никогда не изготавливали пластин и соответственно изделий на пластинах, т. к. при соответствующей обработке она дает неровные сколы и весьма трудно из нее получить ножевидную пластинку правильной огранки. Для получения пластин использовали на юге Сахалина преимущественно обсидиан, на севере — светлые кремнистые сланцы и окремненные алевролиты. Так было и в палеолите, и в мезолите, и в неолите. И это определяется не столько эпохой, сколько особенностями самого камня. И напротив, из красной яшмы в любую эпоху можно было изготовить прекрасные бифасы и получить прочные с острыми режущими краями отщепы, которые вполне можно было использовать как пожевидно-скребовидные орудия даже без дополнительной обработки. Именно это мы и наблюдаем в Адо-Тымово.

Обилием яшмы и особенностями этого камня объясняется и «архаичность» изделий из нее. Этим объясняется, вероятно, и тот факт, что во многих районах земного шара мустьерские традиции обработки камня (леваллуазская техника) доживают до неолита. Этот факт отмечают и сибирские археологи для Сибири, а Р. С. Васильевский и для Сахалина (стоянка Имчин 2). Следует отметить, что подобные галечные орудия и крупные сколы внешне весьма архаичного облика найдены на многих неолитических поселениях Северного Сахалина (Даги, Имчин-2, Адо-Тымово 2, Имчип 12, Ныш 1 и др.). И хотя иногда в литературе отмечается их палеолитический облик, делать далеко идущие заявления об их палеолитическом возрасте пока преждевременно. Вопрос о галечном палеолите Сахалина может быть решен только тогда, когда будет найден чистый стратифицированный памятник эпохи палеолита, подтвержденный абсолютными датировками. Неолитический материал из подъемных сборов в Адо-Тымово, залегающий почти на поверхности, с весьма неясной геологической ситуацией, не подтверж-

денной ни одной абсолютной датой, не может претендовать на роль эталонного памятника эпохи галечного палеолита. Если искать такие памятники в пойме реки, то их следует искать на глубине не менее 8-ми метров, но никак не на современной дневной поверхности. Ярким примером этому могут служить находки наконечников из красной яшмы, описанные в книге, которые найдены при бурении скважин, первый — на глубине 8 м в районе с. Константиновка, второй — на глубине 13 м в и. Ольховка Углегорского района. Отложения, в которых найдены наконечники, по геологической индексации относятся к рубежу плейстоцена-голоцена, следовательно, галечный палеолит в пойме реки должен залегать на еще более значительной глубине. Лишь на террасах и денудационных склонах подобные памятники могут залегать не столь глубоко.

Немало неясности и в описании следующих двух памятников — Имчин 1 и 2. Указано, например, что Имчин 1 расположен в 1,5—2 км от п. Ноглики, хотя на самом деле он расположен в черте поселка, на огородах. Для этого памятника не указано и имя первооткрывателя — Валентины Васильевны Вязовской, в то же время ошибочно указано, что В. В. Вязовская нашла ножевидные пластинки на стоянке Имчин 2, хотя это было сделано в 1965 г. на стоянке Имчин 1, причем этот факт неоднократно повторялся различными авторами, ибо именно с него начинается изучение донеолитических культур острова. Видимо, не случайно, не сумев разобраться в этом вопросе, автор объединил описание двух памятников в один параграф, тем самым не прояснив, а усугубив ситуацию. О заблуждении автора говорит и тот факт, что, описывая в главе «История исследований» находки В. В. Вязовской, он, помимо пластинок, упоминает и о «грубых орудиях палеолитического типа», найденных на Имчине. По-видимому, речь идет о находках галечных изделий, собранных Б. И. Лапшиным на стоянке Имчин 2, хотя автором подразумевается в данном случае совсем иной памятник — Имчин 1. Имчин 1 и Имчин 2 — памятники разновременные. И если Имчин 1 входит в круг донеолитических памятников, которые рассматриваются в книге, то Имчин 2, являясь неолитическим памятником, в книге рассматривается ошибочно, случайно. Дело в том, что в ряде публикаций обращалось внимание на находки нескольких галечных изделий на этой стоянке, собранных Б. И. Лапшиным и обычно считающихся палеолитическими. На самом деле эти изделия неолитические и к ним применимы все те положения, высказан-

ные выше о стоянке Адо-Тымово. Как отмечалось, вопрос о галечном палеолите Сахалина не может быть решен без нахождения стратифицированных памятников с галечными орудиями, подтвержденных абсолютными датами.

Помимо заблуждений, есть в книге и следы явной фальсификации. Так, на страницах 139-140 изображены находки из памятников Такое 3—4. Описания этих памятников нет в литературе, авторы ограничиваются лишь указанием, что «они вполне соотносятся с местонахождением Такое 2». Внимательное изучение рисунков орудий Такое 3—4 позволяет сказать, что здесь изображены изделия из Такое 2, рисунки которых помещены на соседних страницах. Так, крайний правый предмет верхнего ряда на таблице 55 из Такое 3 (заметим, что именно на этих таблицах рисунки не имеют номеров) и рис. 16 на таблице 53 из Такое 2 являются изображением одного и того же предмета, то же самое можно сказать о втором слева изображении в нижнем ряду на табл. 55 и пластинке, изображенной на рис. 15, табл. 53. Продолжая ряд сравнений, отметим, что три предмета, изображенные в нижнем ряду справа (табл. 55) соответствуют предметам на рисунках 19, 20, 18 таблицы 53, а в верхнем ряду табл. 56 изображены те же предметы, что на рис. 4, табл. 53, рис. 7, табл. 50, рис. 3, табл. 50 соответственно. Первый предмет слева во втором сверху ряду на табл. 56 соответствует рис. 2, табл. 50. Указанных сравнений достаточно для вывода о том, что авторы книги пользуются отнюдь не научной методикой.

Далее по тексту идет описание стоянки Кадыланья 1. Оно занимает 10 страниц текста (с. 141-150). Учитывая, что материал памятника неолитический, к тому же подъемный, о чем пишут сами авторы, он никак не вписывается в контекст книги, повествующей о донеолитическом периоде Сахалина. Видимо, этот материал включен сюда для солидности, для увеличения объема монографии, как, впрочем, и несуществующие материалы памятников Такое 3—4.

Следует весьма осторожно отнестись и к отдельным находкам, которые авторы пытаются причислить к палеолитическим. К ним относится нуклеус из Ныврово, бифасиальное изделие из Кадыланья 13, бифас из Остромысовки 2, вместе с которым найдена керамика, и ряд других неолитических местонахождений.

В тексте немало мелких ошибок и опечаток. Так, р. Чипиань на с. 168 ошибочно названа Чаплян, стоянка Такое 2 рас-

положена на территории р. Залом, а не Большой Такой, как сказано в книге и т. д.

Очень интересно предложенное авторами выделение культур-моделей, но предложенная ими культурно-хронологическая схема развития древних культур Сахалина является совершенно неприемлемой. Во-первых, это связано с несостоятельностью Адо-Тымово для выделения адо-тымовской культуры, как памятника не стратифицированного, не имеющего абсолютных датировок, и к тому же не относящегося к палеолиту. Культуры галечного палеолита на Сахалине пока неизвестны. Неприемлемо и выделение южно-сахалинской культуры, т. к. это отнюдь не локальное образование, ведь памятники с подобным инвентарем имеются на всей территории Дальнего Востока от Монголии до Аляски, включая Сахалин и Хоккайдо. В данном случае речь идет о большой культурно-исторической провинции. Неприемлемо это и потому, что на Сахалине уже имеется одноименная культура — южно-сахалинская неолитическая.

В целом Е. Л. Лавров верно наметил основные хронологические этапы развития древних культур острова. Уточняя его данные, в качестве предварительной культурно-хронологической схемы можно принять следующую:

1. Гипотетический этап — более 20 000 лет.
2. Сокол, Читинка, Старорусское — 16 000 — 12 500 л. и. Развитие техники пластин и использование клиновидных нуклеусов.
3. Олимпия 1—3, Пугачево I, Вичуга I — 12 000 — 10 000. Микrolитизация пластинчатых орудий, появление клиновидных микронуклеусов.
4. Пугачево 2, Имчин I — 10 000 — 8 000 лет назад. Появление призматических нуклеусов.
5. Новоалександровск 3, Пугачево 6 — 10 000 — 8 000 л. и. Развитие техники отщепов без керамики.

Как видно из схемы, на последнем этапе на Сахалине существуют две традиции — отщепов и пластин. Пластинчатая техника является результатом развития более ранних пластинчатых индустрий, а техника отщепов появляется в памятниках, близких осиповской культуре Амура и, по-видимому, связана с более поздней неолитической южно-сахалинской культурой. Эта схема имеет предварительный характер и мо-

жет рассматриваться на уровне рабочей гипотезы. К сожалению, некоторые из упомянутых в схеме памятников пока не опубликованы. Это будет сделано по мере продолжения работ. Что касается названия культурно-хронологических этапов или культур, то, вероятно, было бы целесообразным обсудить это коллегиально в ходе дискуссии на каком-либо совещании археологов, например, на Козыревских чтениях, проводящихся ежегодно по итогам каждого полевого сезона.

В заключении хочется пожелать авторам рецензируемой книги новых исследований по палеолиту и мезолиту Сахалина и несомненных творческих удач на поприще сахалинской археологии.

С. В. Горбунов

К. Я. Черпакова

Л И Т Е Р А Т У Р А

**на японском языке по истории, этнографии,
археологии Сахалина и Курильских островов
в фондах Сахалинского областного краеведческого музея¹**

В собраниях Сахалинского областного краеведческого музея кроме книг, изданных на русском языке, хранится литература на иностранных языках: японском, немецком, английском, польском.

Книги содержат самые разнообразные сведения из области истории, географических открытий, археологических, этнографических, лингвистических исследований.

Одна из самых крупных коллекций в группе иностранной литературы — книги на японском языке. В этой коллекции множество справочной литературы, буклетов, проспектов, научных трудов из области развития музейного дела.

Каждый год коллекция литературы на иностранных языках пополняется, так как расширяются международные связи с зарубежными музеями. Происходит взаимообмен научными трудами, новыми изданиями, что способствует комплектованию иностранной литературы.

В настоящем каталоге предпринята попытка систематизировать коллекцию книг на иностранных языках по нескольким позициям:

1. По темам исследований: этнография, археология.
2. По авторам (в алфавитном порядке).
3. По году издания.

По своей структуре каталог носит сугубо информационный характер, не претендуя на научное исследование.

Предназначается для сотрудников научно-исследовательских учреждений, музейных сотрудников, и тех, кто хочет расширить свой кругозор в области краеведения.

Автор выражает искреннюю благодарность за помощь в работе переводчицам Ю Сон Гун и В. В. Переславцеву.

Коллекция Б. Жеребцова²

1. Раздел «Этнография»

Бэчелор Д. Рассказы об айнах в прошлом и настоящем. — Саппоро: Издательство Сёкодосётэн, 1938. — 34 с.

сокм—4769—91

Бэчелор Д. Айнские названия в топонимике Японии. — Саппоро: Издательство Бэчелор-гакуэн, 1935. — 202 с.

сокм—4769—13

Вала Б.³ Рассказы о знахарстве у айнов Карафуту. Методы лечения болезней у айнов Карафуту. — Тоёхара: Издательство Карафуту Дзихоо, 1941. — 15 с.

сокм—4769—52

Вада Б. Об отравленных наконечниках стрел. — Тоёхара: Издательство Карафуту Дзихоо, 1941. — 15 с.

сокм — 4769—78

Инугай Т., Натори Т. Объяснения об айнских экспонатах, хранящихся в фондах музея Университета Хоккайдо. — Издательство Дорман, 1941. — 123 с.

сокм—4769—94

Ёкоо Я. Антропологические исследования аборигенов Карафуту. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1939. — 13 с.

сокм—4769—83

Канэдайти К.⁴ Общее обозрение Юкара. Айнские лирические стихи. — Токио: Издательство Сейдзся, 1941. — 404 с.

сокм—4769—12

Канэдайти К., Сутяма С. Искусство айнов (металлические и лакированные изделия). — Токио: Издательство Дайитисэйэнся, 1943. — 134 с.

сокм—4769—17

Канэдайти К., Сутяма С. Искусство айнов (одежда). — Токио: Издательство Дайитисэйэнся, 1941. — 130 с.

сокм—4769—18

Канэдайти К. Исследование географических названий местностей Северной части Хонсю с точки зрения айнского языка Хонсю. — Токио: Издательство Дайитисэйэнся, 1941. — 551 с.

сокм—4769—28

Канэдайти К. Старые песни айнов. (Айнский фольклор Северного Эдзо). — Токио: Издательство Яначида Кунио, 1915. — 192 с.

сокм—4769—33

Кито К. Неизвестные истории айнов Хоккайдо (из рассказов айнов). — Саппоро: Издательство Хоккайдо айнокёкай, 1936. — 124 с.

сокм—4769—35

Кодама С, Итоо С. Татуировка айнов. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1939. — 101 с.

сокм—4769—89

Мураками М. Биографин айнских деятелей. — Токио: Издательство Хэйбонсё, 1942. — 45 с.

сокм—4769—3

Накадзима Д., Миура Н. Отравление ядовитой травой Бунен с летальным исходом и формы его протекания. — Саппоро: Издательство Университета Хоккайдо, 1911. — 15 с.

сокм—4769—58

Ннсндзуру Т. Сахалинские айны. — Токио: Издательство музея Губернаторства Карафуту, 1942. — 136 с.

сокм—4769—40

Ооти С. О глазных болезнях айнов. — Токио: Издательство Японского научного общества офтальмологов, 1940. — 25 с.

сокм—4769—57

Рюдзо Т. Курильские айны. — Токио: Издательство ЁСИ-нава, 1903. — 209 с.

сокм—4769—19

Сикано Т. О золотой культуре аборигенов на островах Филиппины, Коотоосу и Тайвань. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1941. — 23 с.

сокм—4769—68

Сэнтоку. О Карафуту айнах. — Токио: Издательство Итикава, 1929. — 106 с.

сокм—4769—40

Такамура С. Северный край. Освоение. Айны. — Токио: Издательство Такэмура сёбо, 1942. — 47 с.

сокм—4769—11

Такамура С. История политики Японии по отношению к айнам. Токио: Издательство Ниппон хёроная, 1942. — 671 с.

сокм—4769—39

Танабаси Р. Об айнских жилищах. — Токио: Издательство Минка кэнкюкай, 1938. — 26 с.

сокм—4769—82

Танабаси Р. Об айнских жилищах. — Токио: Издательство Минка Кэнкюкай, 1939. — 120 с.

сокм—4769—81

Сэнтоку Т. Сахалинские айны. — Токио: Издательство Итикава, 1929. — 106 с.

сокм—4769—40

Тири М.⁵ О Джоне Бэчелоре и его исследованиях айнов. — Б. М.

сокм—4769—56

Тири М. Сведения об этнографических исследованиях айнов, (фольклор). — Токио: Издательство Ачикк мюдзем, 1936. — 65 с.

сокм—4769—27

Убара М. История общественной экономики айнов. — Токио: Издательство Хануёси, 1939. — 248 с.

сокм—4769—2

Хиромити К. Исследования об айнских инау. — Токио: Журнал Этнография, 1933. — 15 с.

сокм—4769—71

Хиромити К. О саранкурах,⁶ соплеменниках айнов. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1932. — 47 с.

сокм—4769—44

Хиромити К. Об айнских Инаусириси.⁷ — Токио: Издательство журнала Этнография, 1934. — 21 с.

сокм—4769—42

Этнографические сведения об исследованиях азиатских наций (о гиляках). — Токио: Издательство Тэйкоку Гакусиип, 1944. — 57 с.

сокм—4769—71

Ясино С. Исследование Карафуту айнов (о проблеме уменьшения численности Карафуту айнов). — Токио, 1927—15 с.

сокм. 4769—64

Ямамото Е. К вопросу об аборигенах Карафуту. — Оттиск. — с. 34—42.

сокм—4769—95

Ямамото Т.⁸ Национальный парк Акан (Хоккайдо) и предания айнов. — Токио: Издательство Японское туристическое бюро, 1940. — 98 с.

сокм—4769—4

Ямабэ Я. Рассказы об айнах с приложением грамматики и словаря айнского языка Карафуту. — Токио: Издательство Хакубункай, 1913. — 250 с.

сокм—4769—7

II. Раздел «Археология»

Археологические исследования периода Налангун. Специальные доклады. — Токио: Издательство Сэйундоо, 1925. — 44 с.

сокм—4769—53

Доклады по результатам археологических исследований.
- Токио: Издательство губернаторства Карафуто, 1936. — 59 с.

сокм—4769—32

Итоо Н. Обзорение статей о каменном веке Карафуто. — Токио: Издательство Дормэн, 1937. — 21 с.

сокм—4769—92

Кинго Т. Старинные черепицы. Период Нара. Большой сборник графических материалов археологии Японии. — Токио: Издательство Ниппонсэин, 1933. — 48 с.

сокм—4769—59

Накаяма Х., Ёсими Ц. Об археологических раскопках и найденных человеческих останках в вертикальных ямах в устье реки Камчатской на Восточном берегу Камчатки. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1937. — 21 с.

сокм—4769—80

Натори Т. Родовые знаки айнов на р. Сарюгава. Брак айнов. — Токио: Издательство Миндэокугакукэкай, 1943. — 21 с.

сокм—4769—96

Сборник фотографий керамики стиля «Яэй» из местности Минонокуни. — Издательство Токийского археологического общества, 1934. — 22 таблицы.

сокм—4769—15

Сборник статей о первобытной культуре Хоккайдо. — Токио: Издательство Миндэоку, 1933. — 23 с.

сокм—4769—93

Сикано Т. О каменных орудиях, найденных на о. Коотооке. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1939. — 44 с.

сокм—4769—43

Сикано Т. Наметки по классификации аборигенов на острове Тайвань. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1941. — 24 с.

сокм—4769—51

Сикано Т. О глиняных гробах, найденных на острове Коотоо (размышления по поводу обычаев погребения в глиняных гробах у народностей Юго-Восточной Азии). — Токио: Издательство журнала Этнография, 1941. — 41 с.

сокм—4769—47

Сикано Т. Существовал ли бронзовый век у аборигенов острова Тайвань. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1930. — 23 с.

сокм—4769—48

Сикано Т. Каменные орудия и народность Азии на острове Косюто. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1942. — 29 с.

сокм—4769—66

Сикано Т. Исследование доисторического периода острова Косюто вблизи острова Тайвань. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1941. — 57 с.

сокм—4769—67

Сикано Т. Предназначение каменного топора с односторонним острием и скребок для обработки шкур у аборигенов на о. Тайвань. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1942. — 18 с.

сокм—4769—70

Суэо С. Керамика периода Дзёмон из сборников графических материалов археологии Японии. Т. 14. — Токио: Издательство Ниппонсэин. — 1931. — 48 таблиц.

сокм—4769—41

Тэранума М. О глазных впадинах черепа японца. — Саппоро: Издательство Анатомтеатр Университета Хоккайдо, 1938. — 34 с.

сокм—4769—59

Хиромити К. Об исторических памятниках древних народностей в горных районах Тайваня. — Токио: Издательство музея Тайваня, 1927. — 44 с.

сокм—4769—49

Хиромити К. Археологические раскопки в с. Читосэ. Вертикальные ямы под вулканическим пеплом. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1932. — 17 с.

сокм—4769—45

Хиромити К. О находке захоронения в цилиндрической вертикальной яме периода каменного века в г. Эбэцу (Хоккайдо). — Токио: Издательство журнала Этнография, 1933.— 48 с.

сокм—4769—50

Хиромити К. О древних захоронениях на Хоккайдо. — Токио: Издательство Коокогакукай, 1934. — 26 с.

сокм—4769—61

Юдзуру Х. Об археологических находках в Такоэ вблизи г. Отиай. — Издательство Коокогакукай, 1940. — 13 с.

сокм—4769—86—88

Ясуо К. О результатах археологических раскопок древнего периода в окрестностях Вакканай на о. Хоккайдо. — Токио: Издательство: Археологическая лаборатория Университета Кокугакуин, 1939. — 18 с.

сокм—4769—54

III. Раздел «Природа»

Инугай Т. О полосатых тюленях (крылатках Карафуту).— Токио: Издательство журнала «Флора и фауна», 1940. — 10 с.

сокм-4769—62

Мацумото Х. О двух видах мамонтов, обитавших в районе Одомари. — Токио: Издательство журнала Зоология, 1937.— 49 с.

сокм—4769—79

Сарасина Г. Биологический мир в Кетоне. — Саппоро: Издательство Хонноосюннанся, 1942. — 196 с.

сокм—4769—29

Сикано Тадао. Сходство культур островов Батан и Коотоо

по признакам сходства в названиях флоры и фауны. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1941. — 18 с.

сокм—4769—77

Сикано Тадао. Растениеводство нескольких видов растений аборигенов о. Тайвань и его взаимосвязь с этнографией.— Токио: Издательство Миндзокугакукёкай, 1943. — 12 с.

сокм—4769—69

IV. Раздел «Из истории Карафуту»

Кудзуниси М., Нисидзуру С, Хисинума У. Географические названия местностей Карафуту. — Тоёхара: Издательство общества краеведов Карафуту, 1932. — 234 с.

сокм—4769—21

Нисидзуру С. Краткая история Карафуту. — Токио: Издательство Губернаторства Карафуту, 1941. — 65 с.

сокм—4769—8

Нисидзуру С. Изучение географических названий местностей Карафуту. — Издательство Губернаторства Карафуту.— 25 с.

сокм—4769—97

Миядзаки Р. Повесть об истории Карафуту. — Токио: Издательство Окася, 1944. — 480 с.

сокм—4769—1

Отото К. Путешествия японцев по Карафуту и низовьям Амура. — Токио: Издательство Хокоо сёбоо, 1944. — 495 с.

сокм—4769—38

Сборник известий музея Губернаторства Карафуту (достижение Мамина Риндзо). — Тоёхара: Издательство музея Губернаторства Карафуту, 1940. — 84 с.

сокм—4769—31

Хиромити К. Путешествие по Карафуту. — Токио: Издательство журнала Этнография, 1933. — 48 с.

сокм—4769—43

Ямамото Тосио. Музей Карафуто — дворец Северной культуры. — Токио: Издательство Ниппон хакубуцукан-кёкай, 1942.

сокм—4769—72

Примечания:

Сокм	Сахалинский областной краеведческий музей
Жеребцов Борис Александрович	(1921—1984). Краевед, работал в Сахалинском музее в 1946—1950 г.г., занимался изучением айнов.
Вада Будзима	доктор Хоккайдского университета. Работал научным сотрудником музея Губернаторства Карафуто (1944). — Н. А. Невский. Айнский фольклор. М.: Изд-во Наука, 1972, — с. 3—7.
Канэдаити Кёсук	профессор Хоккайдского университета, айновед. Там же
Тири Масихо	— по происхождению — айн. Образование получил в Токиоском университете. 20 работ по фольклору айнов. Первый из айнских ученых, кому присуждена докторская степень. Составитель пятитомного словаря айнского языка.
Сарункуру	— жители западной стороны острова Мацмая (Хоккайдо). Добротворский М.-Айнско-русский словарь. — Казань: Изд-во университетской типографии, 1875. — с. 285
Инаусирози	— знаки на палочках инау
Ямамото Тосио	— Специалист по топонимике Сахалина. Бывший директор музея Губернаторства Карафуто (1944).

Норберт Р. Адами

Краткий обзор немецких исследований об айнах (конец 1980-х годов)

В настоящее время изучением традиционной культуры и языка айнов занимаются исследователи как Советского Союза, так и стран Западной Европы, Польши, Японии. Мне хотелось бы представить некоторые из последних публикаций об айнах, изданные на немецком языке.

Важный вклад в изучение материальной культуры айнов внесли немецкие ученые Иосеф Крейнер и Ганс Дитер Эльшлегер, которые составили описание айнских коллекций музея им. Раутенстраух-Иоста в Кельне (ФРГ), экспонировавшихся на выставке в этом музее:

Josef Kreiner, Hans Dieter Olsehleger: Ainu — Jager, Fischer und Sammler in Japans Norden. Ein Bestadskatalog der Sammlung des Rautenstrauch-Joest Museums. Koln 1987 (Ethnologica; Neue Folge Bd. 12).

Этот каталог, снабженный отличными иллюстрациями экспонатов, содержит короткие, но информативные описания предметов всех сфер жизнедеятельности айнов и служит своеобразным введением в традиционную айнскую культуру.

После экспонирования в Кельне выставка демонстрировалась в Брюсселе (Бельгия), и каталог был переведен на французский и нидерландский языки.

Кроме этого каталога, на немецком языке были опубликованы некоторые специальные исследования об айнах, касающиеся их экономической истории, языка и религии.

Ганс Дитер Эльшлегер, один из авторов вышеупомянутого каталога, написал докторскую диссертацию об экономике айнов, в основе которой лежит изучение орудий охотничьего промысла айнов. Кроме того, в книге имеются краткие описания животных и растений, играющих важную роль в экономике айнов. Указатели немецких и айнских терминов дают возможность использовать книгу в качестве словаря по некоторым аспектам материальной культуры айнов:

Hans Dieter Olschleger: Umwelt und Wirtschaft der Ainu. Bemerkungen zur Ökologie einer Wildboutergesellschaft, Berlin: Reimer, 1989.

Изучение языка айнов имеет долгую традицию в Западной Европе и в Японии. Результаты этих исследований (до 1986 г.) обобщил в своей книге Ганс Адальберт Деттмер:

Hans Adalbert Dettmer: Ainu — Grammatik. Teil I in 2 Teilen: Texte und Hinweise. Wisbaden: Harrassowitz, 1989.

Его «Грамматика» дает возможность познакомиться с материалами примерно 100 статей и книг по языку айнов, опубликованных на европейских и японском языках. Она является своеобразной энциклопедией истории изучения айнского языка и может служить основой для дальнейших исследований.

В настоящее время Г. Деттмер готовит к изданию вторую часть книги, где приводятся указатели и материалы по истории изучения айнского языка, а также взгляды автора на соотношение айнского языка с языками других народов.

Автором настоящего сообщения закончена работа над докторской диссертацией, которая была издана в виде книги о религии и шаманизме сахалинских айнов:

Norbert R. Adami: Religion und Schamanismus der Ainu auf Sachalin (Karafuto). Bonn 1989.

В ней рассматриваются вопросы шаманизма сахалинских айнов на основе изучения японских, русских, польских материалов и публикаций. Эта книга является лишь первым шагом в сборе информации и подготовке дальнейшего исследования в этом направлении. Необходимо еще рассмотреть такие важные вопросы как влияние нивхского шаманизма на шаманизм айнов, социальная функция шаманизма в айнском обществе и другие. Многие аспекты этой проблематики разработаны еще слабо, и пока у исследователей больше вопросов, чем ответов.

Немецкое айноведение имеет давнюю историю, но сегодня лишь немногие немецкие ученые занимаются изучением айнов, внося свой посильный вклад в мировое айноведение.